

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

М А Т Е Р И А Л Ы
ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

25–29 апреля 2022 года

В пяти частях

Часть четвертая

Минск
МГЛУ
2022

УДК 800
ББК 81.2
М34

Редакционная коллегия: Н. Е. Лаптева (*ответственный редактор*), Л. А. Тарасевич (*зам. ответственного редактора*), Ю. В. Бекреева, М. П. Булгакова, Т. В. Внук, М. М. Воинова-Стреха, А. М. Дудина, Н. В. Зиневич, О. А. Зинина, В. Т. Иватович-Бабич, Л. С. Кныш, Н. В. Куценко, Е. А. Кучугурная, Л. В. Левшун, В. В. Леонтьева, Л. М. Лещёва, Н. В. Михалькова, С. А. Могилевец, С. Е. Новиков, О. А. Полетаева, М. Н. Романкевич, М. О. Тригук.

Материалы ежегодной научной конференции преподавателей
М34 и аспирантов университета, 25–29 апр. 2022 г. : в 5 ч. Ч. 4 / отв. ред.
Н. Е. Лаптева [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2022. – 220 с.

ISBN 978-985-28-0179-9 (Ч. 4)
ISBN 978-985-28-0174-4

Четвертая часть сборника содержит материалы работы секций по направлениям «Стилистика и лингвистика текста», «Лексическая семантика», «Беларуская мова і літаратура», «Гісторыя і беларусазнаўства», а также круглых столов «Человек и языки», «Русский язык: теория, функционирование, практика преподавания», «Лексические единицы французского языка в дискурсивном пространстве», «Современные тенденции в испанистике», «Современные методы исследования лексической семантики», .

**УДК 800
ББК 81.2**

ISBN 978-985-28-0179-9 (Ч. 4)
ISBN 978-985-28-0174-4

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2022

СТИЛИСТИКА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

О. Ч. Байдак

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ПОЭМЕ Ф. ГАРСИА ЛОРКИ «ПЛАЧ ПО ИГНАСИО САНЧЕСУ МЕХИАСУ»

В 1934 году спустя три месяца после трагической гибели матадора Игнасио Санчеса Мехиаса, смертельно раненного быком во время корриды, в память о друге была написана одна из самых известных поэм Федерико Гарсиа Лорки.

Игнасио Санчес Мехиас был незаурядной личностью, виртуозным матадором на арене, покровителем изящных искусств, меценатом, поэтом и драматургом, журналистом, начинающим актером. Он сплотил вокруг себя поэтов «Поколения 27 года», организовав в Севилье чествование классика испанской литературы Луиса де Гонгоры.

О бесстрашии Санчеса Мехиаса как тореадора слагались легенды. Критики писали, что он привнес в искусство корриды новое ощущение опасности, рискуя до предела, балансируя буквально между жизнью и смертью. Оставив в конце 20-х годов арену, он занялся реализацией других своих проектов, но в 1934 году после долгого перерыва Санчес Мехиас возвращается в профессию и проводит ряд успешных боев.

Роковые события августа 1934 года, повлекшие смерть матадора, несут отпечаток фатума – в тот день Санчес Мехиас не должен был выступать и вышел на замену другого тореадора, получил глубокую рану и из-за сложившихся обстоятельств, промедления медицинской помощи и жары через несколько дней умер от гангрены.

Тема предопределенности событий, роли судьбы, безусловно, одна из главных в поэме. Предполагается, что оплакивая ушедшего друга, Федерико Гарсиа Лорка предвидел свою будущую трагическую смерть, которая произошла через два года, в 1936 году, от франкистской пули во время Гражданской войны.

Говоря о корриде, Лорка отмечал: «Испания – единственная страна, где смерть является национальным зрелищем». Как глубокий философ гениальный поэт видит в корриде вечный трагический поединок человека с роком, судьбой, смертью.

Тема фатума в поэме-реквиеме усиливается мифологическим образом трех сестер Парок, которые прядут нити человеческих жизней и в какой-то только им одним известный момент их обрывают. Нона, Децима и Морта, часто изображаемые на холстах художников в виде ужасных старух, у Лорки предстают в виде страшных женщин, решивших судьбу Санчеса Мехиаса.

*No se cerraron sus ojos
Cuando vio los cuernos cerca,
Pero las madres terribles
Levantaron la cabeza.*

‘Не закрыл он глаза, увидев
Рог быка над собою, рядом
И вонзились женщины тотчас
В тело павшего алчным взглядом’ (Перевод В. Андреева)

В поэме, посвященной корриде, особое место и значение, конечно, имеет образ быка. Талантливый поэт переходит от описания реального быка, чей рог одолел в схватке опытного тореадора, к аллюзиям ряда мифологических и загадочных фигур мировой культуры. Лорка упоминает Зевса – небесного быка, сравнивает матадора с легендарным Минотавром, обращается к безмолвным каменным быкам Гисандо, хранящим свою вековую тайну. Не менее загадочен и многоплановен бытующий в народном представлении образ извечной коровы-прародительницы, коровы-Луны, дающей и уносящей жизни.

*La vaca del viejo mundo
Pasaba su triste lengua
Sobre un hocico de sangres
Derramadas en la arena,
Y los toros de Guisando,
Casi muerte y casi piedra,
Mugieron como dos siglos
Hartos de pisar la tierra.*

‘Грустным языком облизнет
Мира старого корова
На песке арены лужу
Проливой горячей крови.
Дикие быки Гисандо –
полусмерть и полукамень –
промычат с тоски,
что надо землю попить веками.’ (Перевод М. Зенкевича)

Следует отметить, что своеобразие художественной манеры Лорки во многом создается за счет сближения его поэзии с мифологической архаикой. Для творчества Лорки характерна ориентация на архаические модели осознания миропорядка, такие как бык или судьба, что также отражает тенденции неотрадиционализма в лирике начала XX века.

Еще одной мифологической отсылкой в лирической поэме является сравнение истекающего кровью тореадора с богом Адонисом, получившим аналогичную смертельную рану. Игнасио так же статен и совершенен, как

и эталон мужской красоты Адонис, но и его постигла та же участь – умереть от ранения в пах. Аллюзия передается через метафору цветка ириса, распускающегося на теле тореадора по аналогии с описанием смерти Адониса.

*A lo lejos ya viene la gangrena
A las cinco de la tarde.
Trompa de lirio por las verdes ingles
A las cinco de la tarde.
‘Гангрена выткала траурный бархат
В пятом часу пополудни.
Хоботы ириса в зелени паха –
В пятом часу пополудни.’ (Перевод М. Зенкевича)*

В первой и второй частях поэмы автор глубоко переживает и не может принять уход товарища. Рефрен *A las cinco de la tarde* ‘В пять часов пополудни’ (перевод М. Зенкевича), тридцать раз повторяемый в первой части, звучит скорее как набат, чем как поминальный колокол. Автор отрицает сам факт случившейся трагедии, не хочет видеть ее очевидные следы, следы крови и во второй части поэмы многократно закликает: *¡No quiero verla!* ‘Не хочу ее я видеть!’ (перевод М. Зенкевича). Только в третьей части наступает принятие и осознание поэтом гибели друга, чье бездыханное тело навеки упокоилось под погребальным камнем. Идею безысходности, невозможности что-либо изменить и вечного сна передает аллюзия к мифологическому богу времени Кроносу, обреченному вечно нести на своих плечах тяжелый груз.

*La piedra es una espalda para llevar al tiempo
Con árboles de lágrimas y cintas y planetas.
‘Камень – спина, на которую время взвалило
Рощи рыданий, и ленты тоски, и планеты.’ (Перевод В. Андреева)*

Библейские мотивы в поэме Лорки встречаются реже. Выходя на арену, вступая в схватку с быком и с судьбой, тореадор обречен вести вечный бой со смертью. Борясь до последних сил, он готов принять любой исход этого сражения, кроме позора. В замысле Федерико Гарсиа Лорки понимание и смиренное принятие своей судьбы сближает образ тореадора и жертвенный образ Христа, добровольно идущего на смерть.

*Por las gradas sube Ignacio
Con toda su muerte auestas.
‘По ступеням вверх Игнасьо
С ношей смерти шел устало.’ (Перевод М. Зенкевича)
Для поэта и после смерти образ тореадора созвучен Христу.
Ya está sobre la piedra Ignacio el bien nacido.
‘Благородный наш Игнасьо
Распростерт на камне.’ (Перевод М. Зенкевича)*

Поэма Федерико Гарсиа Лорки представляет собой сплетение двух литературных традиций. Составленная как фольклорный плач, она восходит к древнейшему жанру испанской народной лирики. В то же время поэма является прекрасным образцом литературной погребальной элегии, написанной с целью воспеть смерть друга и увековечить его имя.

«Плач по Игнасио Санчесу Мехиасу» Ф. Гарсиа Лорки – выдающееся произведение гениального испанского поэта, сочетающее в себе элементы народного творчества и высокого искусства, мифологические представления и библейские идеи, реальные факты и лирический вымысел. Мифологические и библейские аллюзии в «Плаче» усиливают семантическую глубину и многоплановость произведения, обогащают стилистический рисунок поэмы.

А. С. Баханович

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ИРОНИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ

Выражение иронической оценки – уникальная возможность эксплицировать критически насмешливое суждение в отношении вариативных реалий окружающей действительности. В коммуникативном взаимодействии ирония служит средством непрямого выражения как отрицательной, так и положительной оценки, что определяет ее функциональную направленность. Именно позиция говорящего и его коммуникативные интенции становятся исходной точкой при определении функции, которую реализует ирония в конкретной ситуации.

«Иронию» мы определяем, как притворное изображение отрицательного явления в положительном виде с целью его осмеяния и дискредитации, основанное на выражении оценочного значения, заведомо контрастирующего с буквальным смыслом.

Материалом исследования послужили иронические контексты, выявленные в британской телепередаче *Top Gear*, представленной в формате телевизионного документального фильма для телеканала BBC. Объем исследуемого материала – 10 выпусков (15 часов звучания видеотекста в чистом виде – без рекламы), транслируемых в 2002–2021 годах.

Экспертами программы выступают Джереми Кларксон, Ричард Хаммонд и Джеймс Мэй стиль работы которых можно охарактеризовать как «гонзо-журналистика», характеризующееся погружением репортёра в ситуацию в качестве активного участника, отсутствием правил и цензуры, активным использованием категорий комического (иронии, сарказма, юмора).

«Само ироническое высказывание сигнализирует об отступлении от нормы, например, при помощи языковых средств, чтобы побудить адресата к поиску скрытого смысла. Можно выделить ряд частных функций иронии, систематизированных по мере усиления интенциональности (общей предметно-смысловой направленности): усиливающая (*reinforcing*), усложняющая

(complicating), развлекательная (ludic), дистанцирующая (distancing), само-защиты (self-protecting), раскрывающая суть объекта иронии (provisional), оппозиционная (oppositional), атакующая (assailing)» (Л. Хатчеон).

Функции иронии детерминированы параметрами её интерпретации, которые избираются реципиентом, поэтому отнесение контекста к той или иной функции субъективно. Однако можно систематизировать перечень функций в виде двух основных групп, объединенных преобладанием позитивных (выразить приязнь, сократить коммуникативную дистанцию) или негативных (выразить антипатию, самоутвердиться) интенций продуцента (адресанта, говорящего). Границы между прагматическими функциями представляются условными ввиду диффузного характера иронии и континуальности иронического дискурса.

Такая функция как **раскрытие сути объекта иронии** находится во взаимозависимых отношениях с акцентированием и высмеиванием наиболее выдающегося признака:

JEREMY CLARKSON: Your car's given me hay fever. I can't see through my eyes.

RICHARD HAMMOND: Oh, so you crashed your car because mine's got flowers on it and not because you built your windscreen out of a cow's balloon knot?

JEREMY CLARKSON: Let's not get bogged down with who caused the accident, cos it was you. I am now gonna go and get some spare parts.

RICHARD HAMMOND: Of course you are. That'll be easy. Maybe there'll be a nice zoo in this tiny village. No, hospital. Old folks' home. You could wait- Just find one of those old ladies with walker...

‘ДЖЕРЕМИ КЛАРКСОН: У меня аллергия на твою машину. Ничего не вижу.

РИЧАРД ХАММОНД: Так ты врезался потому, что на моей машине цветы, а не потому, что твоя лобовуха сделана из коровьей прямой кишки?

ДЖЕРЕМИ КЛАРКСОН: Не будем углубляться в то, из-за кого авария, потому, что это ты. Я пойду и поищу запчасти.

РИЧАРД ХАММОНД: Разумеется, это легко. Может тут есть зоопарк. Нет? Госпиталь, дом престарелых? Может просто подождать старушку на ходунках...’.

Ирония в представленном примере реализуется за счет риторического вопроса, утверждения, облаченного в вопросительную форму, назначение которого – привлечение внимания к высказыванию, придание ему насыщенности и выразительности. Р. Хаммонд высмеивает машину своего коллеги, собранную, в рамках задания создать экологический автомобиль, из костей животных. В данном случае ирония имеет очень тонкую грань с сарказмом, так как затрагивает деликатный момент, но не переходит данную границу, так как направленность высказывания – легкая издевка в дружеской форме, не переходящая в агрессивную форму. Адресант изобличает абсурдность «материала» созданного авто, но избегает открытой критики.

Следующая функция – **упрочение позиции говорящего за счет опровержения позиции адресата**. Ироничное опровержение сочетает эмоциональную и рациональную оценку, побуждая адресата анализировать суть иронической критики:

JEREMY CLARKSON: Honda took ten years to develop that car. Ten years is an enormous amount of time to do a car.

JAMES MAY: You can't criticize something because people spent too long on it. In fact, people aren't gonna say "I'm not gonna look round Cologne cathedral. They took 600 years to build it!"

ДЖЕРЕМИ КЛАРКСОН: У "Хонды" ушло 10 лет на разработку этой модели. Десять лет – это очень много для разработки машины.

ДЖЕЙМС МЭЙ: Не надо критиковать машину из-за того, что ее создавали очень долго. На самом деле никто не говорит: "Я не пойду осматривать Кельнский собор, потому что его строили 600 лет".

Используется намеренный алогизм, не укладывающийся в рамки логического мышления *I'm not gonna look round Cologne cathedral. They took 600 years to build it!* 'Я не пойду осматривать Кельнский собор, потому что его строили 600 лет'. Продюцент нарушает логические связи с целью сделать акцент на противоречивости позиции, которую выражает адресант и тем самым занимает доминантное положение в дискуссии.

Выявлена такая функция, как **установление отношений авторитетности (доминирования)**, представленная посредством имплицитной критики, которая усиливает влияние говорящего, обеспечивает ведущее положение в диалоге:

JAMES MAY: And a carbon-fibre tub makes a car...expensive, but light.

JEREMY CLARKSON: Yeah, but mine is so light.

JAMES MAY: How do you know it's light? Every time Alfa say how much it weighs, they give a different figure.

JEREMY CLARKSON: Yeah, that's because they've got better things to do than go around weighing cars. When Picasso had finished one of his paintings, he didn't say, "Oh, I wonder how much that weighs."

JAMES MAY: You need to know the weight of an Alfa for when you resell it, because you buy scrap cars by weight.

ДЖЕЙМС МЭЙ: Карбоновый корпус делает автомобиль дороже, но легче.

ДЖЕРЕМИ КЛАРКСОН: Да, но моя и так легкая.

ДЖЕЙМС МЭЙ: Откуда ты знаешь? Каждый раз, когда производитель заявляет массу они дают разные цифры.

ДЖЕРЕМИ КЛАРКСОН: Да, потому что им есть чем заняться, кроме того, что взвешивать машины. Когда Пикассо заканчивал одну из своих картин он не говорил: «Интересно, сколько она весит».

ДЖЕЙМС МЭЙ: Когда соберешься продавать нужно знать вес Alfa Romeo. Поцарапанный металлолом покупают на вес'.

Ирония создается посредством абсурдизации высказывания и заведомого нарушения максимы качества информации Грайса, что является одним из принципов создания иронической образности. В контексте создается дисгармония, необоснованное и смехотворное суждение. Продюцент иронично замечает, что взвешивать машины в равной степени нелогично, как если бы Пикассо взвешивал свои картины. Отсылки к известным личностям – свидетельство обширных фоновых знаний, а их удачная интеграция в контекст – способ установления авторитетности.

Реализация лишь одной из вышеприведенных функций не противоречит параллельному осуществлению других. Например, любая из приведенных функций может сопровождаться процессами ее интенсификации. Ирония полифункциональна, так как маскировка истинного отношения может быть сопряжена с развлекательной функцией, при этом одна может быть обязательна, а вторая факультативна.

Е. И. Будникова

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Как правило, под стилистической обработкой (адаптацией) текста при его переводе на иностранный язык понимаются изменения, в результате которых текст перевода перестает ощущаться реципиентами как принадлежащий иной лингвокультуре. Для достижения этого результата переводчик стремится придать тексту перевода форму, более близкую его лингвокультурному сообществу. Закономерно при этом, что подобного рода модификации не могут проходить без тех или иных смысловых потерь.

В данном докладе мы рассмотрим случаи адаптации текста оригинала, приводящие к смысловым потерям, связанным с модификациями в коннотациях лексических единиц, сменой регистра (стилистической принадлежности) лексической единицы или модификациями стилистических приемов при их переводе. На примере белорусских фольклорных произведений, переведенных на английский язык, мы рассмотрим, какая часть семантики исходных единиц текста оригинала теряется в процессе стилистической обработки, какие единицы текста-источника чаще других адаптируются при переводе, какие приемы используются переводчиками в этом процессе и насколько они эффективны.

Материалом исследования послужили переводы кратких форм произведений белорусского фольклора на английский язык, представленные в сборнике «Хадзі, сонейка, да нас...» (пад агул. рэд. А. І. Лакоткі ; пер. на англ. мову А. В. Раманоўскай, Ю. М. Шукала, Л. Болтана-Сміта). Объектом исследования стали лексические единицы, словосочетания и сверхфразовые единства, при переводе которых на английский язык наблюдались указанные выше модификации.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что стилистическая обработка как переводческая стратегия применяется при переводе следующих групп лексических единиц фольклорных текстов: уменьшительно-ласкательных имен, специфических фольклорных удвоений, архаизмов, историзмов, диалектных слов, просторечия, культурных реалий.

Перевод уменьшительно-ласкательных имен, сопровождающийся стилистической обработкой, проходит с использованием следующих частных приемов:

- Добавлением притяжательного местоимения для компенсации значения диминутивного суффикса: *сыночак* – *my son*; *Мікалайка* – *our Mikhalay*. Значение ‘маленький’, зафиксированное посредством суффиксов в единицах оригинала, не передается при переводе, а замещается другим значением, а точнее – коннотацией ‘родной, свой’, появляющейся в сочетании притяжательного местоимения с термином родства или именем собственным.

- Замена единицы оригинала общеупотребительным словом, в результате чего происходит опущение значения диминутивности: *дзіцяточка* – *child*; *коцік* – *cat*; *Тонечка* – *Tonya*; *прыляцелі гуленькі* – *doves have come*; *шарусенькі* – *grey*; *дзірачка* – *hole*. Примечательно, что в примере *дзіцяточка* – *child* значение диминутивности в некоторой степени сохраняется в переводной единице, поскольку значение слова *child* соотносится с *adult* и отличается от него уменьшением параметра возраста. Во всех же остальных примерах уменьшительность как параметрическая характеристика денотата, равно как и прагматический компонент значения оригинального слова полностью нивелируется в единице перевода.

- Целостным переосмыслением, в результате которого происходит замена образа и опущение значения диминутивности: *сваім дзеткам давала (сарока-варона)* – *fed chicks (magpie)*. В отличие от текста оригинала, в котором сорока представлена метафорически, как мать, кормящая своих детей, в переводном тексте ситуация описывается буквально (‘сорока кормила птенцов’), при этом в перевод не добавляются единицы со значением диминутивности.

Примерами адаптации уменьшительно-ласкательных имен без стилистической обработки являются следующие пары: *мышка* – *little mouse*; *кацюта* – *kitty-cat*. В них происходит подбор эквивалентной единицы или словосочетания, в котором сохраняется значение уменьшительности.

При переводе специфических фольклорных удвоений использовались следующие приемы:

- Замена редуцированной единицы оригинала общеупотребительным словом с редупликацией: *гойда-гойда-гойдада* – *lulling, lulling*; *баю-баю-баінькі* – *hush, hush, sleep, my child*. Ощутимых смысловых потерь в данных примерах нет: и в оригинале, и в переводе сохранена некоторая звукоподражательность. Однако в переводе происходит смена регистра единиц: разговорные междометия *гойда* и *баю-баінькі* передаются общелитературными единицами *lull* и *hush*.

– Замена редуцированной единицы общеупотребительным словом без повтора: *сон-драмата* – *drowsiness*; *сарока-варона* – *magpie*; *сарокі-прыданкі* – *magpies*; *коцік-абармоцік* – *kitty-cat*. В отличие от предыдущих примеров, целью редукации единиц оригинала здесь является не звуко-подражание, а дополнительное значение (оттенок, коннотация): ‘легкость’ (*сон-драмата*), ‘сомнение’ (*сарока-варона*), ‘олицетворение’ (*сарокі-прыданкі*), ‘упрёк’ (*коцік-абармоцік*). Естественно, при переводе это значение теряется.

– Замена редуцированной единицы словосочетанием, при которой заменяется и образ: *сарока-белабока* – *young magpie*. Модификация образа следующая: ‘белый окрас перьев’ → ‘молодость’.

Как и в случае с уменьшительно-ласкательными именами, специфические удвоения могут переводиться и без стилистической обработки, с помощью эквивалентных редукаций: *Гута-та! Гута-та!* – *Dum-dee-dum! Dum-dee-dum!*

При стилистической обработке архаизмов и историзмов могут происходить следующие изменения:

– Опускание коннотации историчности и смена регистра переводной единицы: *пайшоў каток на таржок* – *the kitty-cat went to the market*; *палез кот на палаткі* – *he climbed up on the oven*.

– Экспликация коннотации, заключенной в значении архаизма, с помощью общеупотребительного слова и замена образа: *У нас гарадочкі гарадзецкія, усе ў нас зачэпачкі нямецкія* – *Our towns are so grand, look around where you stand*. Коннотация ‘хорошее качество, высокий ранг’, свойственная в данном контексте слову *нямецкія*, передается не косвенно, через коннотацию, а непосредственно, словом *grand* ‘величественный’.

При этом случаев перевода историзмов и архаизмов без стилистической обработки нами не обнаружено, что говорит о сложности подбора точного эквивалента в этой категории лексики.

Диалектные слова и просторечие также являются той группой единиц, при переводе которой практически всегда происходят потери смысла в части прагматики, обусловленные сменой регистра единиц: *Выбірай былінку, катору хош* – *Choose the grass you like*.

Наконец, перевод культурных реалий, т. е. наименований объектов или понятий, не характерных для другой лингвокультуры, также зачастую предполагает стилистическую обработку с заменой исходной единицы на общеупотребительную единицу перевода. При этом единицы оригинала и перевода могут связывать гиперо-гипонимические (*ватрушка* – *sweets*), синонимические (*валенкі* – *snow boots*), фреймовые отношения (*Села ж яна на таку* – *Sits down in its nest*), но связи могут и отсутствовать (*Ішоў бай на сцяне* – *A dream's walking on the wall*).

Таким образом, исследование показало, что стилистическая обработка текста весьма часто сопровождает перевод фольклорных произведений с белорусского языка на английский. Наиболее частыми группами лексических единиц, требующих данного рода адаптации, являются архаизмы, историзмы, просторечные слова и выражения. Менее всего стилистическая

обработка затрагивает звукоподражательные слова, которые либо имеют точный аналог в языке перевода (крики животных, возгласы людей и пр.), либо передаются схожим сочетанием звуков и не несут семантической нагрузки.

О. М. Долженкова

ЦИКЛИЧНОСТЬ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ В РАССКАЗЕ ДЖАМАЙКИ КИНКЕЙД «GIRL»

Базовой оппозицией при изучении отображения времени в языке и тексте чаще всего называют оппозицию линейного и циклического времени. Традиционно считается, что циклическое время – это отображение космических, астрономических явлений, постоянно повторяющихся природных циклов, тогда как линейное время отображает исторические, социальные процессы. Тем не менее, в художественных текстах циклические хронотопы зачастую также отображают социальное положение героев, групп людей, сообществ, целых стран и народов.

Примером ярко выраженной циклическости в хронотопе социального уровня является рассказ «Girl» американской писательницы вест-индийского происхождения Джамайки Кинкейд. Рассказ представляет собой поток материнских наставлений дочери, т. е. в нем фактически ничего не происходит, нет ни сюжета, ни пространственно-временной структуры в традиционном понимании. Тем не менее, в репликах матери присутствует значительное количество пространственно-временных маркеров, как эксплицитных, так и имплицитных. Их анализ позволяет сконструировать пространственно-временную модель мира, в котором живет сама мать, и в котором предстоит жить ее дочери. Эта модель полностью соответствует традиционному циклическому восприятию времени и состоит из системы разноуровневых вложенных друг в друга циклов.

Самый первый, короткий и часто повторяющийся цикл – ежедневный, отмеченный маркерами *breakfast, lunch, tea, dinner*. По отдельности эти слова не являются прямыми пространственно-временными маркерами, однако, объединённые в систему, они образуют самый первый внутренний круг обязанностей, которые женщина должна выполнять ежедневно: *this is how you set a table for tea; this is how you set a table for dinner; this is how you set a table for dinner with an important guest; this is how you set a table for lunch; this is how you set a table for breakfast*. Этот круг ориентирован на семейное, домашнее пространство, однако и сюда уже проникает внешний мир в виде важного гостя, способного в одночасье превратить эту ежедневную женскую рутину в задачу со звездочкой. К ежедневному циклу примыкают советы: *wash every day* и *always squeeze bread to make sure it's fresh*.

Следующий уровень – еженедельный цикл, включающий в себя как домашние обязанности, так и правила поведения на публике. Маркерами этого цикла являются названия дней недели в составе предложно-субстантивных словосочетаний. Дома к ежедневной готовке и четырехразовой сервировке стола добавляется еженедельная стирка: *Wash the white clothes on Monday and put them on the stone heap; wash the colour clothes on Tuesday and*

put them on the clothes line to dry. Сложнее дело обстоит с внешним миром, где уже не обойдешься тренировкой простых умений и навыков. Внешний мир завершает еженедельный цикл обязательным «выходом в свет» по воскресеньям и требует от женщины принятия и демонстрации образа себя, соответствующего общепринятому, например: *on Sundays try to walk like a lady and not like the slut you are so bent on becoming; don't sing benna in Sunday school.*

Цикл следующего уровня выражен в рассказе имплицитно: *soak your little cloths right after you take them off.* Эта фраза указывает на женский физиологический цикл, который повторяется каждый месяц.

Следующий уровень – выращивание овощей, сельскохозяйственный цикл, повторяющийся ежегодно либо несколько раз в год: *this is how you grow okra...; when you are growing dasheen....* Таким образом, из материнских наставлений понятно, что женщина должна не только ежедневно готовить и подавать еду, но и ежегодно (а возможно и чаще) выращивать хотя бы часть этой еды.

Самый большой цикл в пространственно-временной структуре рассказа не выражен эксплицитно и обнаруживается на уровне подтекстовой информации. Его суть в том, что мать пытается передать дочери свой опыт и фактически готовит ее к тому, что она проживет такую же жизнь, как и сама мать. Старшая женщина уверена в том, что младшей пригодится любой ее опыт, даже сложный и горький, что у нее не может быть других вариантов, и жизненный цикл будет повторяться.

Настойчивые материнские советы в итоге складываются в довольно безрадостную картину жизни с постоянно повторяющимися обязанностями. Большое количество наставлений и их связь с различными сферами позволяют предположить, что это не единственный раз, когда мать пытается чему-то научить свою дочь, что такой материнский дискурс постоянно повторяется в их отношениях, т. е. также является цикличным, проникая при этом во все вышеописанные уровни. Схематично структура цикличности в рассказе “Girl” отображена на рис. 1.

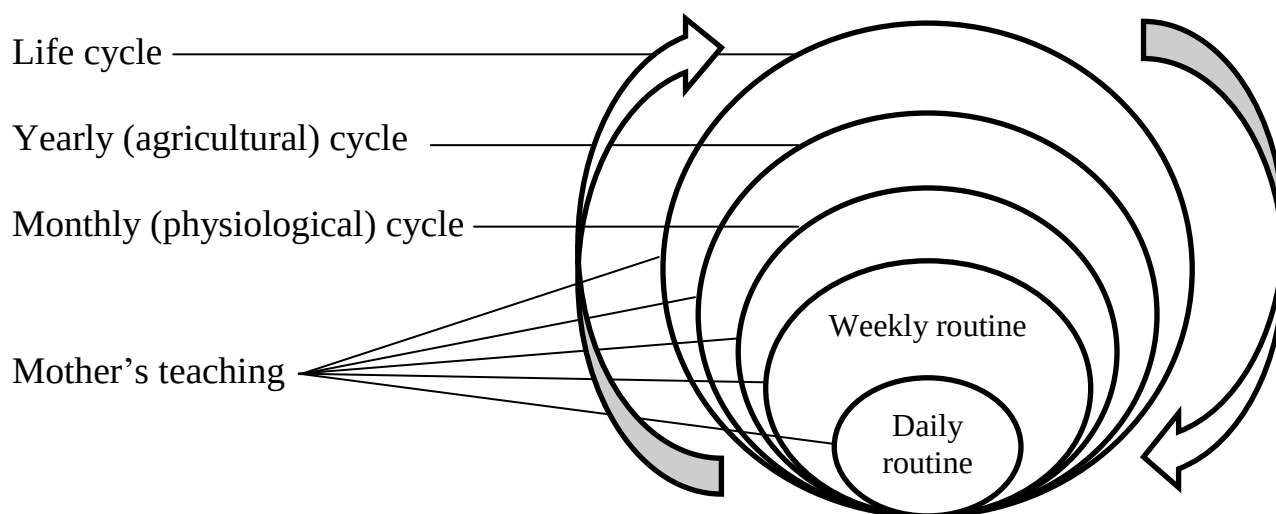

Рис. 1. Структура цикличности в рассказе Джамайки Кинкейд “Girl”.

Разноуровневая цикличность пространственно-временных параметров поддерживается и структурой рассказа, которая близка к круговой, хотя здесь сложно выделить классическую завязку и развязку. В одной из первых реплик мать обвиняет дочь в неподобающем поведении: *on Sundays try to walk like a lady and not like the slut you are so bent on becoming*. Заканчивается рассказ похожим упреком: *you mean to say that after all you are really going to be the kind of woman who the baker won't let near the bread?*

Итак, пространственно-временная структура рассказа Джамайки Кинкейд “Girl” базируется на системе разноуровневых циклов, таких как цикл ежедневной рутины, ежемесячный физиологический женский цикл, ежегодный сельскохозяйственный цикл и цикл человеческой жизни. В них, как белка в колесе, вертится женщина, из них очень сложно выбраться, потому что, покинув один, сразу же попадаешь в следующий, при этом финальный охватывает всю жизнь. Эти циклы можно интерпретировать в данном случае и как колеса разного размера, которые постоянно ездят по жизни и судьбе женщины и не дают ей шанса поднять голову, выпрямиться, осознать, что происходит, поразмышлять о том, устраивает ли ее такая жизнь. Эти довлеющие над жизнью постоянно повторяющиеся циклы усиливают ощущение безнадежности и вызывают непреодолимое желание вырваться.

Таким образом, многоуровневая цикличность пространственно-временной структуры рассказа играет важную роль в отображении социального хронотопа. С одной стороны, циклический хронотоп ярко показывает положение женщины в традиционном обществе (хотя и с нашим более современным обществом также можно провести параллели). С другой стороны, цикличность в рассказе “Girl” подчеркивает положение колонии, зависимой страны, у которой практически нет шансов на самостоятельное развитие, на изменение своей жизни, чье предназначение лишь в том, чтобы ходить по кругу и крутиться как белка в колесе, обслуживая метрополию.

Г. А. Каспирович

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ

Реклама использует методы и принципы создания образов из самых разных областей применения языка, которые способны осуществить ее коммуникативные задачи. В настоящее время актуальным методом языкового воплощения смысла рекламного сообщения является образование окказиональной единицы.

В немецкой лингвистике наряду с термином „Okkasionalismus“ используются и другие обозначения этого явления – „Gelegenheitsbildung“, „Augenblicksbildung“, „Einmaligbildung“, „Eigenbildung“ и др. Эти термины отражают специфику окказионализма – его одномоментность, привязанность к конкретному случаю и мотивированность.

Окказионализм – это термин, имеющий отношение скорее к стилистике и прагматике. В словообразовании явления сходного порядка описывают такими понятиями как неологизм, инновация, новообразование, искусственное слово и т. п. Окказиональные образования представляют собой новообразования (Neuprägungen), слова, составленные из известных слов и аффиксов в новых комбинациях. Однако их нельзя отнести к искусственным словам, так называемым Kunstwörter (к искусственным словам относят названия торговых марок, новых материалов, сырья и т.п.), хотя они сконструированы сознательно и могут комбинироваться из существующих морфем, например, faxzinierend (контаминация из рекламы факса fax + faszinierend = faxzinierend).

Образование новых слов как один из способов формирования рекламного образа является весьма распространенным приемом в языке рекламы. Реклама в значительной степени опирается на способность немецкого языка образовывать композитные единицы.

Сущность словообразовательных процессов в рекламе заключается в том, что смысл передается здесь не посредством синтаксических конструкций, а уплотняется, концентрируется в одном слове. Таким образом, использование сложных слов является важным средством языковой экономии. Сложное слово может легко видоизменяться и представляет собой новую понятийную единицу, которая способна передать больше информации по сравнению с отдельными компонентами, из которых оно состоит.

Словообразовательные окказионализмы в рекламе несут большой объем информации за счет того, что элементы сложного слова вступают в особые отношения между собой. Новая единица является свернутой конструкцией, значение которой декодируется с помощью текста или на базе пресуппозиции, т. е. на базе знаний реципиента и его способности адекватно воспринимать рекламный текст. Рекламные окказионализмы так же, как и окказионализмы других видов дискурсов, в большинстве случаев опираются на определенный контекст, потому что вне контекста они, как правило, непонятны (например, слово Skinsation представляет собой контаминацию слов Skin и Sensation, что следует из визуального ряда, на котором изображен референт – омолаживающий крем).

Словообразовательные окказионализмы – наиболее продуктивный способ образования новой единицы в рекламе. Этот тип окказионализмов отличается простотой создания разных комбинаций и дает возможность образовать бесконечное множество аналогичных сложных слов традиционными способами, широко распространенными в общеупотребительном языке. Они не обязательно воспринимаются реципиентом как окказионализмы по причине их однообразия и аналогии с узуальными сложными словами, например: Hochgenuss, Frischmilch. В универбе Frischmilch, образованном при сложении основы прилагательного и существительного, происходит перенос качества предмета в состав наименования предмета. Такое слияние признака с предметом позволяет создать «новый продукт» при помощи нового слова –

Frischmilch, – которое предположительно отличается от привычного Milch. Сложные слова такого типа весьма распространены в рекламном дискурсе, и по своему статусу они находятся на самом низком уровне креативности.

Одну из наиболее продуктивных групп в рамках словообразовательных окказионализмов составляют сложные слова типа Genussgeheimnis, Duftkreation. Или, например, Seidenkosmetik.

К словообразовательным окказионализмам относятся и так называемые синтактико-словообразовательные совмещения, например: *Wir haben den ersten 6-Sitzer-Multifunktions-Großraum-Turbodiesel gebaut. Toyota.*

Сложное слово данного типа воплощает некоторый компримированный текст, который состоит из указаний на отдельные свойства референта. При окказиональном словосложении данного типа происходит «нанизывание» функций и свойств, приписываемых референту, и при этом опускаются все элементы связи между словами. Каждый элемент этого окказионального образования маркируется прописной буквой и отделяется от следующего элемента цепочки графически – знаком «тире».

Слова этого типа привлекают внимание визуально своей чрезмерной длиной, которая не всегда оказывается комфортной для восприятия. Однако в большинстве случаев такие сложные слова семантически и понятийно прозрачны: *Thermo-Protect-Milch* (из рекламы косметики); *Feinfühl-Technik* (из рекламы бытовой техники).

Наряду со словообразовательными окказионализмами в рекламе существует и другой тип окказионализмов – семантические окказионализмы, которые, несомненно, представляет большую ценность для рекламного сообщения и являются интересным объектом для лингвистического исследования. Этот тип окказионализмов, как правило, строится на нарушении или разрушении узуальных форм. Семантические окказионализмы отличаются от первого типа высокой степенью креативности и с трудом поддаются типизации в связи с тем, что принципы порождения новой единицы могут быть не всегда четко определены. Некоторые модели образования семантических окказионализмов можно охарактеризовать как наиболее типичные для рекламного дискурса. К ним относятся следующие модели:

1) Сложные слова, образованные из копулятивных словосочетаний со сдвигом узуальных отношений между компонентами. Речь идет об окказиональных образованиях типа Fernsehgenuss, Eistraum, Traumeis, где первый компонент семантически амбивалентен: его референтом является и предмет (Fernsehgerät), и действие (fernsehen), а второй компонент обозначает признак амбивалентного референта. Таким образом, Fernsehgenuss – это Genuss beim Fernsehen, т. е. «телеудовольствие», которое несет с собой телевизор.

Два других примера, Eistraum и Traumeis, показывают, что признак и определяемый элемент, т. е. главный компонент могут менять позиции без существенного изменения смысла.

2) Совмещение смыслов в сложном слове.

а) Замещение компонента в узуальном сложном слове на другое слово на основе фонетического сходства: Weinschmecker.

Это окказиональное слово образовано методом субституции от узуального Feinschmecker путем замещения первого элемента другим, фонетически созвучным.

б) Другой тип семантических наслоений представляет собой замещение исконного элемента на иностранное слово. Например, в слове Kaaskunst происходит замещение элемента на иностранное слово Kaas: *Mmhh... Genuss ohne Ende! Mit dem neuen Meisterwerk der Kaaskunst*. Это окказиональное сложное слово отличается удачным фонетическим оформлением (Kaas – односложное слово с долгим гласным, отличающееся от немецкого варианта Käse). Нидерландское Kaas не только называет предмет рекламы, но и указывает на его происхождение (Käse aus Holland), вызывая ассоциации с Голландией. В этом примере соединяются элементы из двух разных языков: нидерландское Kaas противопоставляется немецкому Käse, причем противопоставление лишь имплицитно. Необычное, режущее слух семантическое соположение двух элементов Kaas и Kunst выражает типичное для рекламы отношение между предметом и признаком, которое можно определить как смещение семантических отношений в сложном слове. В роли признака выступает лексема Kunst, которая обозначает буквально высокое качество продукта. Таким образом, смысл, который передает слово Kaaskunst в этом тексте, можно трактовать следующим образом – *hohe Qualitat, Tradition, kommt aus Holland, echt*.

Н. В. Куценко

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ НА КОСВЕННЫЕ ПОБУЖДЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Косвенные побуждения представляют собой семантически осложненные высказывания, в которых истинная интенция говорящего – побуждение к выполнению действия является скрытой и выводится логически на основе анализа языковых средств, а также знания особенностей ситуации общения (Р. Конрад, А. Буркхардт). Реакция слушающего на такие побуждения показывает, правильно ли он интерпретировал директивную интенцию, а также намерен ли он выполнить требуемое действие. Из рассмотренных 450 высказываний с семантикой побуждения, в которых присутствовал вербальный или невербальный ответ собеседника, отрицательная реакция содержалась в 92 примерах. В большинстве случаев (39 %) негативная реакция выражается не прямым отказом, а иносказательной формулировкой, что обусловлено, по-видимому, нежеланием спровоцировать конфликт или обидеть собеседника, например:

„Kannst du die Sachen Tina bringen?“ „*Es ist so spät. Sie schläft schon wahrscheinlich.*“ – «Ты можешь сегодня отнести вещи Тине?» «*Уже так поздно. Она, наверное, спит.*»

Адресат не хочет эксплицитовать прямой отказ, поэтому выбирает индизикаторную формулировку, которая описывает внешние обстоятельства, показывающие сложность выполнения побуждения. Указание на поздний час и нежелание потревожить соседей становится логической основой для интерпретации высказывания в качестве отказа выполнить действие. В следующем примере таким основанием является указание на занятость собеседника:

„Gehst du heute mit mir ins International? Da wird bestimmt ein guter Abend sein.“ „*Ich habe heute noch so viel zu tun.*“ – «Ты сегодня пойдешь со мной в Интернационал? Там будет, конечно, хороший вечер». «*У меня сегодня еще так много дел.*»

Данную формулировку можно рассматривать в качестве клишированного способа выражения нежелания выполнить побуждение.

В 23 % случаев говорящий выражает несогласие выполнить действие посредством лексемы *nein* 'нет'. Исследователи называют такую реакцию «эксплицитным отказом» (Х. Пельц).

„Du könntest heute noch die Untersuchung beginnen.“ „*Nein.*“ Thomas sah ihn beleidigt an. – «Ты мог бы еще сегодня начать расследование». «*Нет.*» Томас обиженно посмотрел на него.

Такой ответ является невежливым и может вызвать негативные эмоции собеседника. Авторская ремарка показывает, что отказ выполнить просьбу вызывает чувство обиды у оппонента. Эксплицитное выражение отказа не всегда бывает уместно, так оно может противоречить принципу вежливости в общении.

Такая реакция не вызывает отрицательных эмоций при реализации конвенциональных предложений в повседневном общении, например:

„Willst du jetzt Kaffee?“ „*Nein, danke.*“ – «Ты хочешь сейчас кофе?» «*Нет, спасибо.*»

В данном примере выражение отказа не вызывает негативных эмоций у собеседника, так как адресант спрашивает о желании собеседника, одновременно предлагая ему выпить кофе, и отрицательная реакция здесь вполне уместна.

В исследуемой выборке встречаются также примеры выражения отказа посредством экспликации оценки (17 % случаев):

„Sie müssen alle Briefe noch heute schreiben.“ „*Das ist doch Unsinn!*“ – «Вы должны все письма написать еще сегодня». «*Это же нелепость!*»

Оценочность тесно связана с побудительностью, так как выражение оценки нередко становится логической основой для выведения побудительного намерения. Так, в данном примере говорящий побуждает написать письма еще сегодня. Реакция оппонента не является прямым отказом, однако

реплика *Das ist doch Unsinn!* ‘Это же нелепость!’ показывает его отношение к побуждению. Говорящий должен сам интерпретировать высказывание как нежелание выполнять побуждение.

Небольшую часть примеров (12 %) составляют высказывания, в которых отрицательная реакция на косвенное побуждение выражена невербально:

“Gehst mit zu diesem Abschiedsabend?” *Er schüttelte den Kopf.* – «Ты пойдешь со мной на этот прощальный вечер?» *Он покачал головой.*

Такой невербальный ответ свидетельствует об очевидном отказе и является клишированным способом выражения отрицательной реакции на побуждение.

Кроме негативной оценки основой для интерпретации высказывания в качестве нежелания выполнять действие могут быть риторические вопросы с сильной эмоциональностью (4 % примеров):

„Ich will, dass Sie alle Kollegen über diese Ergebnisse informieren!“ „Wozu brauchen das alle zu wissen! Wozu so viele Probleme?“ – «Я хочу, чтобы Вы проинформировали всех коллег об этих результатах». «Зачем об этом всем знать? Зачем столько проблем?»

Риторические вопросы являются таковыми только по внешней форме. На самом деле они обычно выражают другие значения – побуждение к действию, возмущение, упрек (С. С. Котовская). При реакции на косвенное побуждение, выраженное повествовательной структурой с оптативной модальностью (модальностью желания) на первом плане, такая конструкция эксплицирует отношение к требуемому действию, побуждает адресанта учесть позицию адресата. В данном случае слушающий указывает говорящему на то, что информирование всех коллег может создать проблемы, и это является основой нежелания выполнять действие. Риторический вопрос здесь служит средством выражения эмоциональных коннотаций.

В некоторых случаях слушающий дает уклончивый ответ, свидетельствующий более о нежелании выполнять побуждение, чем о готовности (3 % примеров):

„Wollen wir doch umziehen?“ „Das muss man sich noch gut überlegen.“ – «Может нам все же переехать?» «Это нужно еще хорошо обдумать».

Такие ответы могут быть интерпретированы как отказы в том случае, если из контекста известно о нежелании оппонента выполнить побуждение.

В выборке встречаются также примеры, свидетельствующие о сомнении адресата в возможности выполнения действия (2 %):

„Wollen Sie mir einen Gefallen tun? Wollen Sie nicht mit mir zum Martins Geburtstag gehen?“ „Ich weiß nicht, ob das möglich ist“ – «Вы хотите сделать мне одолжение? Вы не хотите пойти со мной на день рождения Мартина?» «Я не знаю, возможно ли это».

В таких случаях возможна различная интерпретация намерения, так как на первом плане находится эпистемическая модальность – выражение сомнения. Собеседник дает отправителю сообщения свободу интерпретации и возможность самому оценивать характер данного высказывания как отрицательную реакцию на побуждение или как сомнение.

Таким образом, в процессе общения адресат может по-разному отреагировать на косвенное побуждение. Чаще всего в экспериментальной выборке встречаются иносказательные формулировки, которые помогают вербализовать отказ в очень вежливой форме. Неопределенная реакция дает адресанту свободу интерпретации. Эксплицитное выражение отказа посредством лексики *nein* встречается реже, что обусловлено, по-видимому, стремлением коммуникантов к кооперативному общению, избеганию открытой конфронтации. Адресат может также использовать оценочные высказывания, показывающие его отношение к предлагаемому действию. Этой же цели служат риторические вопросы. Кроме вербальной реакции в процессе общения в качестве отказа выполнить побуждение встречается также невербальная реакция. Выражение отказа может иметь разную степень эксплицитности и конвенциональности. Во многих случаях правильная интерпретация высказывания не возможна вне контекста.

М. В. Орлова

ИНВЕРСИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (на материале немецкого языка)

Рассматривая политический дискурс как язык (С. В. Кузьмина), коммуникацию (Е. И. Шейгал) и единство речевых актов (Н. Н. Равочкин), мы обращаемся к намерению политических деятелей. В фокусе исследования – ориентационные жанры политического дискурса (по функциональной классификации Е. И. Шейгал).

Материал исследования – 70 немецкоязычных скриптов публичных выступлений немецких политических деятелей (объем 7259 предложений). Методом сплошной выборки отобраны 1975 инвертированные структуры (около 1/3 от всего объема высказываний).

Наиболее частотной по употреблению является нераспространенная инверсия, выраженная обстоятельством (около 1/3 (29 %) от общего числа инвертируемых конструкций). Это единичная лексема, которая может сопровождаться артиклем, указательным, притяжательным или неопределенным местоимениями.

Закономерным представляется преобладание обстоятельств времени и места в инвертированных нераспространенных структурах (33 % и 25 % от числа инвертируемых структур данной группы соответственно). Прежде чем сообщить информацию, необходимо установить ее пространственные и временные параметры. При этом данные варианты являются нейтральными (Е. И. Шендельс). Обстоятельства времени и места выполняют не столько информативную роль, сколько связующую функцию, которая способствует временной организации текста или выражает в нем пространственные связи (О. И. Москальская).

Обстоятельства времени выражены либо числительными как дата, либо темпоральными наречиями, либо моделями словосочетаний *pS*, *Pr_aS*, которые указывают на:

– момент времени, когда произошло, происходит или произойдет то или иное событие, напр: **2018** *verzeichnete die Polizeiliche Kriminalstatistik weniger als 5,4 Millionen Straftaten*. ‘В 2018 году полицейская статистика преступлений зафиксировала менее 5,4 млн. правонарушений’ (Х. Зеэхофер)

– одновременность существования предыдущей информации с новой, напр: **Gleichzeitig** *wird Deutschland sicherstellen, dass...* – ‘В то же время Германия гарантирует, что...’ (Х. Маас)

– продолжительность сообщаемой информации, напр: **Während unserer Ratspräsidentschaft** *wird der Blick also einerseits nach innen gerichtet sein...* ‘В период председательства в Совете основное внимание будет уделяться, с одной стороны, внутренним...’ (А. Меркель)

– периодичность или повторение упоминаемого сведения, напр: **Jährlich** *wird überprüft, ob die Emissionen wirklich in allen Sektoren sinken*. ‘Ежегодно проводится анализ, чтобы убедиться, действительно ли выбросы снижаются во всех секторах’. (С. Шульце)

Обстоятельства места выражены чаще всего локальными наречиями, выдвигая в позицию ремы подлежащее или дополнения, а также ссылаясь на локальную расположенность, упомянутую в предыдущем высказывании, напр: **Dort (in Venezuela)** *gibt es fünf Millionen Flüchtlinge*. ‘Там (в Венесуэле) пять миллионов беженцев’. (Г. Мюллер)

Обстоятельства места реализуются в выборке моделью *pS*, с помощью которой говорящий устанавливает конкретные пространственные рамки, где происходит сообщаемая информация, в большинстве случаев это страны и регионы, ведомства, напр: **In Berlin** *haben wir eine politische Erklärung verabschiedet*. ‘В Берлине мы приняли политическую декларацию’. (Х. Маас)

С их помощью *вводно-модальных слов* (18 %) говорящий оформляет свое отношение к общему содержанию, снижая или увеличивая категоричность высказывания, что является характерным для политической публичной речи, ведь политики через свою речь могут влиять на информированность масс.

Вводно-модальные слова, выражающие наибольшую вероятность характерны для ориентационной речи, что является логичным, потому что политику важно убедить. Политический деятель выражает как обещание, так и свое убеждение в правильности политических решений. В данной группе чаще всего отмечается лексема *natürlich* ‘конечно’, а также *ohne Zweifel* ‘несомненно’.

Наиболее многочисленным в группе *вводно-модальных слов, оказывающих воздействие на часть высказывания* является модальное слово, которое суммирует предыдущую информацию и выражено наречием *insgesamt* ‘в целом’, эксплицитно представляя результат или итог сказанного.

Реже встречаются *вводно-модальные слова*, которые выделяют часть информации, выраженные *vor allem* ‘прежде всего’, *insbesondere* ‘особенно’.

Вводно-модальные слова, выражающие наименьшую вероятность, встречаются спорадически и выражены в большинстве случаев лексемой *vielleicht* ‘возможно’.

В группе *оценочных модальных слов* достаточно частотны модальные слова, представляющие оценку сожаления, выраженные *leider* ‘жаль’, *bedauerlicherweise* ‘к сожалению’, при этом они выражают своеобразную аргументацию. Выявлены маркеры истинностной оценки говорящего, как *ehrlich gesagt* ‘честно говоря’, *in Wahrheit* ‘по правде говоря’. Данные маркеры позволяют политику сохранять положительный имидж сопереживающей и честной личности.

Обстоятельствам способа и образа действия (17 %):

– выражают инструментальное значение, когда говорящий выделяет эмфатически то средство, с помощью которого происходит названное действие. Следовательно, он переносит в позицию ремы собственно действие и его результат или цель, напр: ***Mit diesem Haushalt erreichen wir erstmals das 0,7-Prozent-Ziel.*** ‘С помощью этого бюджета мы впервые достигаем целевого показателя в 0,7 процента’. (Г. Мюллер)

– характеризуют совместное взаимодействие, что соответствует функциям полит дискурса, напр: ***Gemeinsam haben viele in diesem Land viel bewegt.*** ‘Вместе многие в этой стране совершили много’. (Т. де Мезьер)

– выражают сопутствующее или недостающее обстоятельство, которое эмфатически подчеркивает значимость соответствующего обстоятельства, напр: ***Mit dieser Herangehensweise haben wir in diesem Herbst noch viel vor.*** ‘При таком подходе нам еще многое предстоит сделать этой осенью’. (Й. Шпан) ***Ohne Sicherheit gibt es keine Entwicklung.*** ‘Без безопасности невозможно развитие’. (А. Меркель)

Обстоятельства цели, причины и условия представлены спорадически (не более 3 %). Они реализуют исключительно текстообразующую функцию.

Обстоятельства цели выражены местоименным наречием *dafür* ‘для этого’, которое выполняет анафорическую функцию, ссылаясь на описанную в предыдущем высказывании цель и соединяя ее с мерами и действиями, представленными в данном предложении.

Обстоятельства причины выражены словосочетаниями *aus diesem Grund / vor diesem Hintergrund* ‘по этой причине’, которые имеют непосредственную связь с предыдущим высказыванием говорящего, перемещая тем самым субъект действия в позицию ремы и выражая мотив действия.

Обстоятельства условия задают условные координаты, в рамках которого функционирует информация, напр: ***In der Corona-Pandemie leistet der soziale Sektor Großartiges.*** ‘В условиях пандемии короны социальный сектор делает большие успехи’. (С. Шульце)

Таким образом, жанры информационно-прескриптивного характера, прежде всего, информируют, чтобы воздействовать, а не наоборот. Информация должна быть представлена хорошо структурированным текстом.

Поэтому в нераспространенных структурах инверсия далеко не всегда является эмфазой, первый элемент выполняет преимущественно структурирующую, анафорическую и текстоорганизующую функцию, обеспечивая тем самым когезионную связь текста. Эмфатические инвертированные структуры возникают в случае необходимости создания дополнительного коммуникативного центра в высказывании наряду с ремой, в финальной позиции. С целью убедительного информирования коллективного слушателя на первую позицию политические деятели выносят значимую информацию, определяющую предыдущее высказывание.

О. Е. Рымкевич

ПОЛИМОДАЛЬНОСТЬ ТЕКСТОВ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (на материале немецкого языка)

Дискурсу современной немецкой газетной публицистики присуща в значительной степени сложная внутренняя структура, которая отражает с одной стороны многообразие окружающего нас реального мира с его социальными связями и отношениями, с другой стороны в нем объективируются признаки внутреннего мира человека, его суждения, чувства, эмоции, оценки.

Известно, что газетно-публицистический дискурс отмечен в первую очередь проявлением следующих функций – информативной и социального воздействия. Данные функции в разной степени находят свою реализацию как в подчеркнутах информационных, новостных жанрах – *informationsbetont* (новости, репортаж, сообщение, заметка), так и в жанрах комментирующего, аналитического характера, в которых доминантную позицию занимает авторское мнение – *meinungsbetont* (эссе, комментарий, интервью). В любом случае тексты оказываются модально маркированными, а их прагматика социально детерминирована и призвана формировать общественное мнение как то или иное отношение к явлениям социальной действительности. Как следствие, смыслообразование текста происходит с учетом реализации различных модально-оценочных установок, подающих информацию согласно авторской интенции. Подобным образом философские, экономические, политические идеи, как правило, не просто доводятся до сведения адресата, но и прагматически «внедряются» в его концептуальную сферу.

В этой связи модальность и оценочность как неотъемлемые текстовые категории, явно или имплицитно присутствующие в газетных текстах, приобретают важную роль, обеспечивая, в значительной степени, не только связность и целостность смыслоформирования, но и отвечая за воздействующую силу текста на адресата, за коллективное осмысление референтной ситуации в заданном ключе.

Текст имеет свою модально-оценочную структуру, и модальность может выражать либо отношение высказывания к действительности в плане оттенков реальности/ирреальности, либо отношение производителя речи к высказываемому с точки зрения различных степеней достоверности содер-

жения. Система модальных средств выражения в немецком языке характеризуется разветвленностью и комплексностью, а сама модальная семантика представлена широкой палитрой значений и их оттенков. Прежде всего это касается т. н. субъективной (эпистемической) модальности с ее вариативно-градуальной семантикой от проблематической до категорической достоверности. Эта шкала значений может выражаться в немецком языке целым арсеналом языковых средств: модальными словами и частицами, модальными глаголами в их вторичной функции, грамматическими конструкциями футур I, II, рядом предложно-субстантивных конструкций, специальными предикатами мнения, полагания и др. В текстах газетной публицистики они часто выступают во взаимодействии, усиливая, ослабляя, дополняя значения друг друга, создавая каждый раз особый субъективно-модальный континуум между отдельными сегментами пропозиционного каркаса информационного поля дискурса и позволяют отражать объективный мир сквозь призму субъективного видения, отсылая адресата всякий раз к «возможным мирам».

В сущности, модальность активно участвует в формировании семантики текста и играет важную роль в текстообразовании. Так, с помощью средств выражения субъективной (эпистемической) модальности автор может убедить адресата в правильности своей точки зрения, сопровождая изложение одних событий модальными маркерами достоверности и неуверенности в отношении других, формируя тем самым соответствующее представление адресата о ситуации.

Например:

2010 schreibt Snowden in einem Onlineforum: „Die Gesellschaft hat offenbar blinden Gehorsam gegenüber Spionen entwickelt“. <...> Tatsächlich hätte Snowden von seinem Wissen persönlich profitieren können. <...> Wahrscheinlich profitieren die deutschen Dienste von Programmen wie Prism und Tempora, wissentlich oder unwissentlich. <...> Sicher ist hingegen, dass die Datensammelei viele Terrorattacken nicht verhindert hat: ... <...> Es gehört zur Wahrheit dieses Falles, dass die Öffentlichkeit vieles nicht weiß (Die Zeit 27/28. Juni 2013).

Прагматика убеждения, характерная для газетной публицистики, в данном примере последовательно доводится до адресата модальными средствами с семантикой высокой степени достоверности (*offenbar, wahrscheinlich, tatsächlich, sicher, es gehört zur Wahrheit*). В контекстной реализации происходит соответствующая модификация пропозиционального ядра информации по линии повышения истинности пропозиции.

В формировании модально-смысловой структуры текста, как правило, задействованы различные средства выражения модальности. В частности, по мере развертывания текста доминантный характер нередко приобретает деонтическая модальность.

Например:

Retten könnte man wohl wenigstens die bereits in die Röhren hineingepresste Gasmenge. Um sie um- oder zurückzuleiten, muss man nur die entsprechenden Ventile betätigen: “Gas kann in jeder Richtung transportiert werden, je nachdem, wer bestellt oder wo das Gas gebraucht wird”, sagt eine Sprecherin des Kasseler

Gastransporteurs Gascade, der das in Lubmin ankommendes Gas übernehmen sollte. Einfach entleeren könne man die Pipeline jedoch nicht. "Wenn die Leitung aufgegeben wird, dann würde Stickstoff reingepumpt werden, um Brandgefahr zu vermeiden." Wer die herausgeleitete Gasmenge dann aber abnehmen und bezahlen sollte oder müsste, vermag derzeit keiner zu beantworten. Gazprom muss den Millionenbetrag wohl abschreiben. (Die Zeit Online 11. Mai 2022).

С помощью модальных глаголов können, müssen автор предлагает с пути решения проблемной ситуации, дает рекомендации и советы.

Таким образом, при помощи модальных языковых средств становится возможным воплощение намерения автора по оказанию определенного влияния на получателя информации и его убеждению.

М. А. Салаўёва

ТРАНСФАРМАЦЫЯ КАНЦЭПТУ «ЖАНЧЫНА» Ў БЕЛАРУСКАМОЎНЫМ МАСТАЦКІМ ДЫСКУРСЕ

Канцэпт трактуецца намі абагулена як «квант перажываемых ведаў» (У. І. Карасік), ментальнае ўтварэнне гештальтнага тыпу (А. С. Кубракова). А. С. Кубракова лічыць, што пры такім падыходзе не можа быць вызначаная структура канцэпту, але, на наш погляд, у мэтах лінгвістычнага аналізу і ўстаўлення заканамернасцяў трансфармацыі канцэптаў вылучэнне паняццйнага, вобразнага і каштоўнаснага кампанентаў канцэпту (У. І. Карасік) дазваляе даследаваць яго як шматмернае кагнітыўна-дыскурсіўнае сэнсавое ўтварэнне, якое ўяўляе сабой кропку перасячэння ментальнага лексікону і свету лінгвакультуры. Таксама і полевая структура канцэпту (В. А. Маслава, К. С. Півавар) дае магчымасць размеркаваць семантыка-прагматычныя элементы, якія вербалізуюць канцэпт у адпаведнасці з крыніцай ведаў аб ім і крыніцай «прырошчвання» інфармацыі: моўныя, фіксаваныя, калектыўныя веды базіруюцца ў ядры канцэпту, агульнакультурныя і спецыфічна нацыянальныя веды змяшчаюцца ў бліжняй перыферыі, а індывідуальныя – у дальняй.

Такім чынам, паняццжны кампанент і ядро канцэпту суадносяцца са значэннем лексемы, якая вербалізуе канцэпт, і часцей за ўсё, з'яўляецца гіперонімам сінанімічнага рада (С. Р. Варкачоў), а таксама, на наш погляд, могуць ўключаць і семантыка-прагматычнае напаўненне сінанімічных лексем. Пры гэтым вобразны, каштоўнасны кампаненты будуць суадносіцца з бліжняй і дальняй перыферыяй канцэпту і могуць быць вызначаныя на аснове аналізу намінацыйнага поля канцэпту (З. Д. Папова, І. А. Стэрнін), якое мае комплексны характар і ахоплівае не толькі лексіка-семантычныя групы і лексіка-семантычныя палі, але і сукупнасць тэкстаў, якія раскрываюць змест і сэнсавыя канатацыі канцэпту.

Непасрэдна ў нашым даследаванні канцэпт «жанчына» вывучаўся на аснове кагнітыўна-дыскурсіўнага і лінгвакультурнага аналізу дадзеных, зафіксаваных у тлумачальных слоўніках і слоўніках сінонімаў беларускай мовы,

23 683 кантэкстаў з мастацкіх твораў, прадстаўленых у беларускім нацыянальным корпусе, і 185 кантэкстаў з двух мастацкіх тэкстаў («Камедыі» К. Марашэўскага і «Па што ідзе, воўча» Евы Вежнавец), паміж якімі выяўляюцца інтэртэкстуальныя сувязі, і якія тэмпаральна акрэсліваюць межы даследуемага намі сучаснага перыяду развіцця беларускай мовы (канец XVIII ст. – 20-я гг. XXI ст.).

Прадметам даследавання з’яўляецца сэнсава-каштоўнасая трансфармацыя, або рэфрэймінг, элементаў канцэпту (яго вобразнага і каштоўнага кампанентаў, прадстаўленых бліжняй і дальняй перыферыяй структуры) або фрэймавых структур, якія канцэпт экспліцыруе (В. А. Маслава).

Аналіз кантэкстаў у беларускім нацыянальным корпусе, якія змяшчаюць лексему *жанчына* і яе сінонімы, паказвае, што з 16 969 ужыванняў 46 % складае лексема *жанчына* (7877 адз.). Яе размоўны сінонім *цётка* (4299 адз.), які можа выкарыстоўвацца як ветлівы зварот да старэйшай жанчыны, мае 25 %, а размоўныя *баба* (3583 адз.) і *кабета* (1210 адз.) скаладаюць 21 % і 7 % адпаведна. Гэтая тэндэнцыя сведчыць пра тое, што цэнтральны, ядзерны, элемент канцэпту мае найбольшую прадстаўленасць у мастацкім дыскурсе сучаснага перыяду. Блізкім да яго па частотнасці ўжытку з’яўляецца намінацыя «дзяўчына», якая ўваходзіць у фрэйм «жанчына»: 6714 адз. Больш ветлівая і менш ветлівая намінацыі «цётка» і «баба» складаюць прыкладна чвэрць намінацый кожная і разам цалкам супадаюць па колькасці ўжыткаў з стылістычна немаркіраваным «жанчына», што характарызуе, на наш погляд, соцыякультурныя асаблівасці моўнай карціны свету беларускага соцыуму. Фрэймавая структура аналізуемага канцэпту пашыраецца, дзякуючы намінацыйнаму полю, у адпаведнасці з соцыякультурнымі тэндэнцыямі развіцця моўнай супольнасці ад традыцыйнага набору слотаў «жонка», «маці», «гаспадыня», да больш разнастайнага: «носьбіт этнакультуры», «упрыгажэнне жыцця», «грамадзянка», «спадчынніца матэрыяльных і духоўных багаццяў», «суб’ект эмансіпацыі», – што сведчыць пра сэнсавае і каштоўнаснае ўзбагачэнне даследуемага канцэпту, часавы і аўтарскі рэфрэймінг.

Калі звярнуцца да аналізу ўзгаданых вышэй твораў, каб у дыяхраніі прасачыць тэндэнцыі ў вербалізацыі канцэпту ў залежнасці ад магчымага свету тэкстаў (А. П. Бабушкін), то мы ўбачым, што яны не адпавядаюць агульным заканамернасцям, выяўленым на аснове аналізу кантэкстаў з беларускага нацыянальнага корпусу.

У «Камедыі» К. Марашэўскага, барочнай драме-маралітэ (В. І. Рагаўцоў), няма персанажа-жанчыны. Аналізуемы намі канцэпт вербалізуецца ў 10 кантэкстах – рэпліках селяніна Дзёмкі. Толькі адна лексема ўяўляе сабой прастанароднае русіфікаванае «жэншчына» ў дачыненні да біблейскай Евы. Верагодна, гэтая намінацыя павінна перадаць узвышанасць кантэксту і служыць характаралагічнаму апісанню персанажа-крыніцы намінацыі (падкрэсліванню яго непісьменнасці). У маўленні селяніна пераважае намінацыя «жонка» (4 адз.), якая не з’яўляецца ядзернай, а адносіцца да фрэймавых уяўленняў пра жанчыну і ўваходзіць у бліжняю перыферыю адпаведнага

канцэпту. Селянін называе тыповую «жаночкую справу»: *Дзяцей карміць, страву варыць*. Можна меркаваць, што гэтая тэкставая інфармацыя будзе ўваходзіць у бліжнюю перыферыю канцэпту і ўтвараць стэрэатыпны слот у фрэйме «жанчына». Нетыповым з’яўляецца кантэкст, дзе селянін сцвярджае пра жонку: «...яна, упіўшыся ў карчме, пад лаўкаю, як свіння, качаецца». Гэты ўрывац садзейнічае ўзмацненню камічнага эфекту, бо і ў магчымым свеце твору і ў стэрэатыпных соцыякультурных уяўленнях мужык сам схільны да п’янства. У гэтай сувязі прычэпанне стэрэатыпным соцыякультурным уяўленням можа быць разгледзенае як прыклад сэнсава-каштоўнаснай трансфармацыі, або аўтарскага рэфрэймінгу, які ў дадзеным выпадку заключаецца ў папаўненні перыферычнага поля, вобразнага і каштоўнаснага кампанентаў канцэпту «жанчына» і з’яўленні новага, нетыповага слоту ў адпаведным фрэйме: «п’яніца».

Аповесць “Па што ідзе, воўча?” Евы Вежнавец выбраная для аналізу таму, што, па-першае, кніга адзначаная прэстыжнай літаратурнай прэміяй і мае шанцы разглядацца як прэцэдэнтны твор у азначэнні Ю. М. Каравулава. Па-другое, кніга распавядае пра лёс некалькіх пакаленняў жанчын на працягу 20–21 ст. у сувязі з сацыяльна-палітычнымі падзеямі гэтага часу, а значыць, мы можам праналізаваць адпаведнасць ці прычэпанне тэкставых намінацый стэрэатыпным фрэймавым адносінам.

У аналізуюмым тэксце намі былі вылучаныя 175 кантэкстаў, якія ўтрымліваюць элементы, каторыя могуць быць аднесены да структуры канцэпту і фрэйму «жанчына». Аналіз вылучаных тэкставых фрагментаў паказвае, што фрэйм «жанчына» і канцэпт, які яго прадстаўляе, вербалізуюцца адпаведнай лексмай толькі ў 5 кантэкстах. У 10 кантэкстах выкарыстоўваецца прастанароднае «баба», якое з’яўляецца сацыяльна індэксаваным (В. Я. Чарняўская) і служыць больш выразнаму адлюстраванню соцыякультурных асаблівасцяў магчымага свету тэксту. Прыкладна такую ж колькасць ужыткаў мае лексема *дзеўка* (11 адзінак), якая ўваходзіць у склад фрэйму «жанчына» і ўжыванне якой тлумачыцца, на наш погляд, тымі ж фактарамі. У большасці выпадкаў (98 адз.) выкарыстоўваецца намінацыя «баба» ў значэнні «бабуля», бо апавяданне падкрэслівае сувязь пакаленняў па жаночай лініі і падаецца праз прызму ўспрыняцця галоўных гераінь, якія выбудоўваюць свае стасункі з наваколлем праз светапогляд бабуль. Такім чынам, колькасны аналіз дазваляе нам вызначыць, найперш, семантычна-прагматычную спецыфіку магчымага свету тэксту, а не тэндэнцыі трансфармацыі канцэпту.

Тым не менш, канцэпт «жанчына» можа папоўніць вобразны кампанент праз вобраз галоўнай гераіні Рыны, які не з’яўляецца тыповым для ўяўленнеў пра жанчыну. Фрэйм «жанчына», які стэрэатыпна можа ўключаць структурныя слоты «жонка», «маці», «гаспадыня», што мы назіраем у «Камедыі» К. Марашэўскага, у аналізуюмым тэксце вербалізуецца праз «антыканцэпты» (С. Р. Варкачоў): не-жонка, не-маці, не-гаспадыня, але «дзеўка» і «баба» (сацыяльна індэксаваныя намінацыі з пункту гледжання персанажаў). Тэкст уводзіць і табуіраваную тэму – праблему гвалту ў дачыненні да жанчыны.

Адпаведны фрэйм папаўняецца слотам «ахвяра гвалту». Як перыферыйнае поле канцэпту «жанчына», так і адпаведны фрэйм могуць быць дапоўненыя лексэмамі «шаптуха», «ведзьма», «знахарка», што абумоўлена магчымым светам твору і супадае з пэўнымі стэрэатыпнымі ўяўленнямі ў дыяхраніі развіцця канцэпту.

Такім чынам трансфармацыя канцэпту «жанчына» адбываецца праз папаўненне яго вобразнага і каштоўнаснага кампанентаў, якія ствараюць перыферыйнае поле канцэпту, што суправаджаецца і пашырэннем структуры адпаведнага фрэйму. Такая трансфармацыя разглядаецца намі як часавы і аўтарскі рэфрэймінг, які адлюстроўвае соцыякультурныя і гістарычныя асаблівасці развіцця лінгвакультуры.

Е. Н. Труш

НАЦИОНАЛЬНО – КУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В ЯЗЫКЕ РЕКЛАМЫ

Ввиду разного рода факторов и обстоятельств: природно-географических, социально-исторических, религиозно-культовых и т. д. у каждого народа складывается своя, отличительная система восприятия и отражения окружающего мира, свои ценностные ориентиры. Выстраивается определенная иерархическая система основных ценностей, как духовных, так и материальных, которая также оказывает влияние на поведение покупателей при выборе и покупке какого-либо товара. Чтобы покупка состоялась послание рекламодателя должно пройти через фильтры потребительского сознания. Если рекламодатель не принимает во внимание культурную специфику или не старается учитывать ее, его неизбежно последуют трудности.

Речь идет об учете фактора некоторого общего, фонового знания. По мнению известного исследователя рекламы, В. Л. Музыканта, оно должно быть «равно присуще как адресанту, так и адресату».

Готовность адресанта к восприятию адресатом рекламного текста складывается, по мнению исследователя, из владения условным языком искусства, из знания исторической эпохи и из особой установки на эмоциональное погружение в предлагаемый текст. Среди элементов фонового знания выделяются:

1. Страноведческое наполнение (насыщение текста страноведческим материалом с учетом возможностей адресата, а также взаимодействия рационального, прагматического и эмоционального).
2. Страноведческая ценность текста (необходимость ориентироваться на современную языковую культуру).
3. Актуальный историзм (привлечение исторических сведений, известных адресату).
4. Типичность отражаемых фактов (не преподносить редкое за обычное, случайное за распространенное).

Фоновые знания связаны с национальной культурой. Более того, они, с одной стороны, являются частью национальной культуры и, с другой стороны, они суть ее производного.

Принято считать, что характерной чертой немецкой рекламы долгое время оставалась её рациональность, поэтому в рекламных объявлениях просто сообщалось о потребительских свойствах товара. Так, например, с изобретением автомобиля появилась и первая реклама транспортных средств. Поскольку потребителя интересовало новое изобретение и конкретная информация о товаре, то на плакатах, посвященных рекламе автомобиля, сообщается в основном о его технических характеристиках, тем самым показывается покупателю удобства и преимущества продукции фирмы: *Absolut gefahrlos* 'абсолютно безопасно', *keine besondere Bedienung* 'не нуждается в специальном обслуживании', *immer betriebsfähig* 'всегда в рабочем состоянии'.

<https://www.mercedes-benz.com/de/classic/historie/historische-werbeanzeigen/>

Задачей современной рекламы является такое представление объекта, чтобы в результате он оказался более привлекательным среди аналогичных объектов. Создатели рекламного текста предлагают потребителю не просто автомобиль, мобильный телефон или детское питание, а имидж, защиту окружающей среды, безопасность, воспоминания, здоровье и т. д.

Так, например, известно, что немцы отличаются педантичностью, точностью, аккуратностью, последовательностью. Стремление быть лучшими, первыми, сильными является их национальной чертой. Следовательно, товары, сделанные в Германии, должны отличаться высоким качеством и надежностью. Именно на это делается ставка в следующем рекламном тексте:

Man nehme Regenwasser, eine Prise Waschmittel und gebe beides zusammen in die Miele-Waschmaschine W 355 WPS Allwater. Was wie eine Waschanweisung aus Omas Lehrbuch in Sachen Haushaltsführung klingt, ist tatsächlich ein Clou auf dem Gebiet moderner Wäschepflege. Die Allwater-Waschmaschine ist buchstäblich "mit allen Wassern gewaschen" – und sie wäscht mit allen Wassern.

<https://www.dasumwelthaus.de/page.cgi?ID=3702>

Текст посвящен рекламе стиральной машины *Miele*. В данном тексте делается упор на традицию, соединяющую прошлое и настоящее.

Положительной характеристикой предлагаемого товара является установление эквивалентности между *eine Waschanweisung aus Omas Lehrbuch in Sachen Haushaltsführung* 'инструкция по стирке из бабушкиного учебника по ведению домашнего хозяйства' и *ein Clou auf dem Gebiet moderner Wäschepflege* 'ключевой момент в области современного ухода за бельем'. Образ бабушки – это образ мудрого советчика с богатым жизненным опытом. Следовательно, и фирма, следующая ее советам, воспринимается как обладающая опытом, а производимые ею продукты, с давних пор находящиеся на рынке, оцениваются как выдержавшие проверку временем. Фразеологизм *mit allen*

Wassern gewaschen ‘пройти огонь и воду (и медные трубы)’ оказывает подсознательно влияние на адресата, убеждая его также в надежности и долговечности данного товара.

Во многих европейских странах и, прежде всего, в Германии, уделяется большое внимание защите и охране окружающей среды.

Рассмотрим следующий рекламный текст:

Unser Planet ist einzigartig. Um ihn zu erhalten, statten wir in Zukunft jeden BMW mit umweltschonenden BMW Efficient Dynamics Maßnahmen aus. Das sind zum Beispiel die Bremsenergieerückgewinnung, die Auto Start Stop Funktion oder die High Precision Injection... Das freut uns und unseren Planeten. Der BMW 5er mit BMW Efficient Dynamics.

Данный текст, призванный поддержать имидж автомобиля BMW, апеллирует к идее защиты окружающей среды. Персуазивная сила рекламного сообщения вербализуется с помощью существительных *Planet* ‘планета’, *Zukunft* ‘будущее’, *Maßnahmen* ‘меры’ и соответствующих эпитетов *einzigartig* ‘уникальный’, *umweltschonend* ‘экологически чистый’.

В европейской культуре несомненными ценностями признаются успешная карьера, высокое положение в обществе, материальное обеспечение, поэтому рекламные тексты внушают потребителю, что приобретение того или иного товара может приблизить его к этой цели.

Рассмотрим создание положительного имиджа рекламируемого продукта в следующем рекламном тексте:

Der neue PEUGEOT 407. Ab jetzt verlassen Sie die Mittelklasse. Im neuen PEUGEOT 407 werden Sie garantiert nicht finden: Mittelmaß. Stattdessen mehr Luxus wie zum Beispiel im PEUGEOT 407 V6 Platinum...

В рекламе автомобиля PEUGEOT 407 используется сочетание упоминания престижной марки и описания нового качества предлагаемого товара *mehr Luxus* ‘больше роскоши’. Кроме того, выражение *die Mittelklasse verlassen* ‘покидать средний класс’ в данном контексте является многозначным и может быть отнесено как к автомобилям, так и к их владельцам.

Таким образом, можно сделать вывод, что рекламный текст – явление не только языковое, но и культурное. Он составляется членом определенного культурного социума, который имплицитно в него фоновые знания о культуре данного социума.

В. А. Шевцова

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА

Эффективность научного исследования в значительной мере определяется степенью разработанности научных методов. Выбор методологии исследования – исходный этап любой научной работы, от которого зависит успешность, достоверность и доказательность результатов научных поисков.

Научное познание всегда рационально и ориентировано на постижение неявных устойчивых связей и отношений между объектами и явлениями, тогда как метод – средство, которым знание подвергается проверке. Исследования эмпирического материала в прагматическом аспекте требуют пристального внимания ученых-языковедов, поскольку прагматика представляет собой междисциплинарную область, в которой задействованы практически все лингвистические направления. Единого научного определения пока не сложилось, однако, несомненно, что прагматика формировалась под воздействием лингвистической парадигмы, ориентированной на изучение речевой коммуникации.

Согласно основному постулату в прагматике, интерпретировать высказывание можно только исходя из контекста его употребления. При этом недостаточно понимать смысл высказывания и представлять себе ситуацию, необходимо определить конкретную роль этой ситуации, ее значение в ряду соседних высказываний. Существует множество методов и приемов, позволяющих провести исследование коммуникативной ситуации и ее компонентов. Одним из наиболее популярных считается дискурс-анализ, который активно используется при изучении текстов различных стилей и тематики.

В свою очередь, прагматика как самостоятельная лингвистическая дисциплина проникает во все слои, уровни и аспекты языка, поэтому прагматические исследования направлены на изучение целого ряда вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения. Постановка таких задач позволяет, с одной стороны, четко очертить границы прагматики, с другой стороны, требует комплексного подхода.

Решение данной проблемы видится в привлечении самых эффективных методов, к которым относится авторская модель Л. Хоффманна лингво-прагматического анализа дискурса. Использование данного метода позволяет в значительной степени приблизиться к решению основных задач прагматики. Цель данной модели состоит в том, чтобы показать связь между лингвистическими аспектами, поведенческими паттернами, социальными условиями и прагматическими факторами в понятной и доступной для проведения научных исследований форме. Несмотря на то, данная схема была существенно упрощена и адаптирована, процесс проведения лингво-прагматического анализа на материале отдельных текстов или дискурса в целом является весьма трудоемким, информативным и включает несколько этапов (L. Hoffmann 2001).

1. Предварительный (ситуационный) анализ текста (внешняя причина (повод) для текста, автор и адресат текста, тип текста, интертекстуальность, рецепция и интерпретация текста):

- 1.1. Внешняя причина (повод) для текста;
- 1.2. Автор и адресат текста;

1.3. Интертекстуальность: актуальность темы, проблемы и дискуссионность текста (в этой связи важно также наличие связей и ссылок (цитат) в тексте на другие тексты;

1.4. Определение типа текста: интервью, письмо, законодательный текст, медицинский рецепт, прогноз погоды, лекция, реклама, объявление (о работе), инструкция, беседа и т.п.;

1.5. Рецепция и интерпретация текста: воздействие текста на адресата и восприятие текста адресатом.

2. Описание содержания и структуры текста:

2.1. Установление смысловой организации текста: определение главных субъектов действия и тематических блоков. Семантика текста обусловлена коммуникативной задачей передачи информации.

2.2. Структура текста: последовательность, строение и содержание. Структура текста определяется особенностями внутренней организации единиц текста и закономерностями взаимосвязи этих единиц в рамках текста как цельного сообщения. Следует различать внешнюю (композиционную) и внутреннюю структуру текста. На композиционном уровне выделяются: предложения, абзацы, параграфы, разделы, страницы и др. Единицами внутренней структуры текста являются высказывание, межфразовое единство, несколько межфразовых единств, обеспечивающих тексту целостность благодаря реализации смысловых и тематических связей.

3. Лингвистический аспект и нарративная структура текста:

3.1. Дейксис или дейктическое поле: авторский дейксис *я*, групповой дейксис *мы*, ссылка на адресата *вы, её, нам*.

3.2. Символическое поле и его языковые средства: существительные, прилагательные, глагол; семантические поля: например, *природа, погода, война* и т. д. Через символическое поле осуществляется название предметов, деятельности, свойств при помощи определенных частей речи. Этот процесс является ментальным достижением, когда говорящий активизирует у слушающего соответствующее знание при помощи символа (слова, выражения);

3.3. Категоризация реальности: метафоры, «коллективные символы», профессиональная лексика, иностранные слова и их функциональность;

3.4. Оценка: денотативная оценочность и/или коннотативная маркированность в тексте наиболее важной информации;

3.5. Порядок слов, графические средства: таблицы, графики и т.п.;

3.6. Синтаксическая структура: типы предложений (вопросительные, побудительные предложения), связь (связки-частицы или текстовый дейксис *в начале текста, в заключение* и т. д.);

3.7. Время и употребление времени;

3.8. Модальность: модальные глаголы, частицы, прилагательные;

3.9. Стилистическая характеристика: риторические фигуры (эллипс, параллелизм, антитеза, градация, риторический вопрос, риторические обращения и восклицания), признаки групповых стилей;

4. Анализ иллокутивной структуры текста (назначение текста): речевые процедуры, речевые акты; иллокутивный анализ;

4.1. Языковая картина мира: суждения, сентенции, повседневные знания, так называемые «стереотипы».

5. Анализ сообщения и его смысл: адресация и восприятие сообщения; множественная адресация и множественная интерпретируемость, фактические эффекты; стратегии и тактики, тактические обычаи, противоречия и противоречивые интерпретации в историческом контексте.

6. Заключение: функция текста, цель послания.

Данная модель функционально ориентированного лингвопрагматического анализа текстов/жанров в рамках определенного дискурса позволяет комплексно выявить универсальные и специфические лингвистические средства и прагматические факторы, а также установить сходства и различия на материале различных языков.

О. Н. Шумская

РЕЧЕВЫЕ СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИКИ ДИАЛОГИЗАЦИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ЭССЕ НА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Основная функция публицистического эссе заключается в воздействии на мнение читателя с целью формирования у него определенной позиции по отношению к актуальным общественно-политическим событиям. В качестве общей стратегии эссеистических текстов выделяется стратегия *формирования позиции читателя*. В свою очередь, ей подчиняются стратегии *субъективизации, объективизации и стимулирования читательской реакции*.

Стратегия *стимулирования читательской реакции* призвана мотивировать интерес читателя и побуждать его к тем или иным размышлениям. Данная стратегия реализуется посредством тактики *диалогизации, тактики опущения обобщений и полинарратива*. В настоящей работе основное внимание будет сконцентрировано на речевых способах реализации тактики *диалогизации*, с помощью которой автор задает формат личного общения с читателем.

В структурно-композиционную организацию публицистического эссе входят такие семантические компоненты как *фон, событие, постановка проблемы, тезис, аргумент, авторский комментарий, итог* (Т. ван Дейк), каждый из которых имеет определенные коммуникативно-прагматические характеристики. Следовательно, возможно выявить корреляцию между компонентами семантической структуры и реализацией определенных стратегий и тактик. Тактика *диалогизации* по своим когнитивным основаниям соотносится с компонентами *фон, событие, аргумент* и *итог*, который, главным образом, представлен имплицитно.

Автор стремится к контакту с адресатом, формируя призыв к размышлению или включая читателя в общую референтную группу, чтобы осознать, осмыслить происходящее вокруг него и разделить с читателем свои внутренние переживания. На поверхностном уровне указанное значение выражается определенными лексическими и грамматическими средствами.

В статье *Cuando nosotras somos nuestro peor enemigo* тактика *диалогизации* реализуется посредством глаголов и соотносимых с ними местоимений: *Nos hemos impuesto parecer lo que no somos, parecer que no pasan los años por nosotras, que no hay canas, que tu cuerpo no cambia, que las arrugas no asoman conforme vas sumando preocupaciones, estrés y falta de sueño*. В приведенном примере в одном высказывании используются формы 1 и 2 лица множественного и единственного числа. Вероятно, форма 2 л. ед. ч. употребляется для сокращения дистанции между автором и читателем и установления более доверительных отношений в заданной коммуникативной ситуации.

Употребление местоимений в форме 1 л. мн. ч. фиксируются в полном объеме фактического материала. Доминирующими являются притяжательные местоимения (48 %), за ними следуют личные местоимения в роли прямого и косвенного дополнений (по 25 %). Единичные случаи использования личных местоимений в именительном падеже (2 %) обусловлены спецификой испанской грамматики (личные местоимения, как правило, опускаются, а лицо и число субъекта действия идентифицируются по глагольной форме).

Характерным способом реализации тактики *диалогизации* является употребление глаголов в 1 л. мн. ч. Так называемое инклюзивное «мы» позволяет автору включить себя и читателей в одну группу. В статье *Europa le debe un futuro a Ucrania* автор, рассуждая о нынешней ситуации в Украине, использует формы глаголов прошедшего незавершенного времени (Pretérito Imperfecto) в 1 л. мн. ч.: *Estábamos en pleno proceso de repensarnos cuando la guerra nos estalló en las puertas de casa. En nuestros planes no entraba rearmarnos...*

Широко распространенным средством выражения тактики *диалогизации* являются вопросительные конструкции. Для достижения прагматических целей в анализируемом материале чаще всего используется общий вопрос, на его долю приходится 42,5 %. Затем следует косвенный вопрос – 32,5 % и специальный – 25 %. Основываясь на количественных данных, можно сделать вывод о том, что расположенность автора к диалогу является важной жанровой характеристикой медийного эссе.

Как показывает анализ, в статьях не дается прямой ответ на поставленный вопрос, что позволяет читателю задуматься о проблеме, проанализировать ситуацию. Автор, не навязывая свою точку зрения, предоставляет возможность читателю сделать собственный вывод на основании прочитанного. Так, в эссе *¿Y si ahorramos un poco?* автор, используя общий и специальный вопросы, предлагает осмыслить экономическую ситуацию в мире и, в частности, в Испании: *¿Qué fue de todos aquellos propósitos que se hicieron tras la crisis del 2010? ¿Volveremos a escuchar la expresión de que ahorrar en prebendas es “el chocolate del loro”? ¿De verdad tenemos que gastar*

siempre más de lo que producimos? Субъективно окрашенные впечатления и размышления автора выражают его индивидуальную позицию, которая отражается как в выборе языковых средств, так и в стиле подачи материала: *A punto de completar el primer mes de guerra en Ucrania, en Europa seguimos sin saber muy bien cómo responder, qué hacer, qué medidas tomar para parar la masacre que las tropas de Putin están infligiendo en la población ucraniana.*

Авторская цепочка рассуждений и ассоциаций иногда может выражаться посредством употребления различных типов вопросов в пределах одного текстового фрагмента: *La gran cuestión es cómo se ha llegado hasta aquí. Algo resulta innegable. <...> ¿Qué objetivos estratégicos se ocultaban tras esa decisión? ¿Impedir que Europa pudiera integrar a Rusia y convertirse así en una alternativa capaz de disputar la hegemonía mundial?*

Характерным способом вербализации тактики *диалогизации* являются различные формы обращения к читателю, а также использование коррелирующих форм повелительного наклонения. В статье *Cómo mantener la motivación cuando estamos rodeados de malas noticias* автор апеллирует непосредственно к читателям, используя обращение, маркирующее гендерную принадлежность, и формы повелительного наклонения: *Queridos bienestarios y bienestarias, disfruten de cada momento. No repriman sus emociones. Lloren si les apetece. Pero valoren los momentos bonitos, a sus personas bonitas. Porque cada día es único e irreplicable.*

В результате проведенного исследования можно заключить, что основными способами вербализации тактики *диалогизации* в испанском публицистическом эссе являются местоимения, глаголы настоящего и прошедшего времен изъявительного наклонения в форме 1 л. мн. ч. и 2 л. ед. ч., формы повелительного наклонения (*tú* и *Ustedes*), а также общий, специальный и косвенный вопросы. Указанные языковые средства могут использоваться комплексно.

Л. М. Якубёнок

МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ЮРИДИЧЕСКОМ И ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ (на материале немецкого языка)

В рамках данного исследования предпринята попытка сравнительного анализа использования модальных глаголов (МГ) в текстах немецкоязычных адвокатских речей и газетных репортажей. Защитительные речи и репортажи газет отличаются своими структурно-содержательными особенностями: в первом случае это аргументированная подача информации с выводом о невиновности обвиняемого, во втором – отражение жизненных событий, явлений, фокусировка внимания на насущных проблемах. Общим в обоих типах текста является более или менее явно выраженная интенция автора манипулировать сознанием реципиента и влиять на формирование мнения. Как известно, языковое воплощение манипулятивных тактик в большой степени осуществляется за счет средств модальности.

МГ *können* ‘мочь, уметь’, *müssen* ‘быть должным, вынужденным’, *sollen* ‘быть должным, обязанным’, *dürfen* ‘мочь, иметь разрешение’, *wollen* ‘хотеть, желать’, *mögen* ‘любить и др.’ обладают многозначностью, контекстной обусловленностью значения и в ряде случаев взаимозаменяемостью. Они способны воплощать модальность как отношение субъекта к производимому им действию и модальность как отношение говорящего к описываемому положению дел с точки зрения его соответствия действительности. МГ и их значения возможности, необходимости, желания, разрешения и др. участвуют в смыслоформировании текста.

Нами были проанализированы количество и прагматический эффект использованных МГ в современных немецкоязычных адвокатских речах и репортажах из немецких периодических изданий с равным количеством страниц. В таблицах представлена частотность употребления МГ в исследованных адвокатских речах и газетных репортажах.

Т а б л и ц а 1

Частотность употребления модальных глаголов
в адвокатских речах

können	47,7 %
müssen	22,6 %
sollen	14,5 %
wollen	7,8 %
dürfen	5,5 %
mögen (Ind.)	1 %
möchte (Konj.)	0,9 %

Т а б л и ц а 2

Частотность употребления модальных глаголов
в газетных репортажах

können	35,8 %
müssen	22,9 %
wollen	22,9%
sollen	10,1 %
dürfen	4,6 %
möchte (Konj.)	2,8 %
mögen (Ind.)	0,9 %

По данным таблиц в обоих типах текста наиболее часто используется МГ *können*, что, во-первых, подчеркивает первостепенную роль значения возможности среди других модальных значений, а, во-вторых, его важность для реализации интенции убеждения и цели формирования мнения. Однако в процентном соотношении частотность *können* в адвокатских речах выше, чем в газетных репортажах (47,7 % и 35,8 %). Представляется, что этот факт можно объяснить наличием широкого спектра приемов реализации защиты обвиняемого, которые реализует МГ *können* с или без отрицания. Так, *können* участвует в воплощении приемов оправдания подсудимого (указание на способности, умения обвиняемого, на его неспособность к совершению преступления, на объективную невозможность совершения иных действий), и приемов дискредитации обвинителей (указание на неспособность доказать вину, на невозможность понять обвинение, на невозможность вынесения обвинительного приговора). Кроме того, в адвокатских речах *können* используется для осуществления логической организации информации с целью привлечения внимания к содержанию:

Und es kann an dieser Stelle darauf hingewiesen werden, ...

Выявлен также ряд специфических приемов убеждения, реализуемых МГ *müssen* со значением необходимости, и другими, менее частотными модальными глаголами. Например, для оправдания подсудимого (указание на вынужденность, объективную необходимость действий обвиняемого) и для дискредитации обвинения (указание на невыполнение обвиняющей стороной необходимых действий, на обязанности обвинителей, необходимость оправдать подсудимого).

Ввиду того, что выбор приемов защиты продиктован конкретной интенцией автора – доказать невиновность, выявленные прагматические функции МГ можно рассматривать как типичные для всех адвокатских речей.

Авторская интенция в текстах газетных репортажей не настолько явно выражена, текстопроизводство не так сильно подчинено конкретным правилам. Репортажи различаются и по тематике, и по остроте описываемой проблемы, и по авторскому стилю. МГ используется в репортажах в своих обычных значениях, прежде всего, объективно-модальных, благодаря которым, формируется смысл высказываний и всего текста. Типичным для смысловой структуры данного дискурса можно считать лишь использование МГ *können* и *müssen* для логического членения информации и выделения важных смысловых элементов:

Es kann gesagt werden ... Hier muss der Schluss gezogen werden ...

Ввиду невозможности выявления специфических прагматических функций МГ в репортажах была предпринята попытка проследить зависимость их употребления от тематики репортажа. Проанализированные репортажи соотносятся с темами «Туризм», «Жизнь пожилых людей», «Миграция», «Военно-политическая ситуация». В результате анализа было установлено, что употреб-

ление МГ и их значений не имеет непосредственной связи с темой репортажей. В репортажах со всеми темами наблюдалось практически равное использование МГ. Однако следует заметить, что в репортажах с тематикой «Жизнь пожилых людей» несколько преобладает МГ können со значением возможности, что можно объяснить стремлением автора донести до читателя возможности и способности пожилых людей и тем самым вызвать эмпатию к ним. В репортажах с темой «Миграция» отмечается более частое использование МГ в форме сослагательного наклонения для передачи нереальных действий или состояний, что может объясняться намерением автора репортажа изображать действия правительства в области миграции как нежелательные.

Таким образом, сравнительный анализ использования МГ в текстах юридического и публицистического дискурсов показал, что в первом из них МГ более сильно прагматически заряжены ввиду того, что текст априори призван воздействовать и убеждать в более сильной степени, чем текст газетного репортажа. Автор газетного репортажа не стремится достигнуть своим текстом результата здесь и сейчас, его цели более скрытны и глубинны, а воздействие осуществляется замедленно. Данные коммуникативные признаки обоих дискурсов находят отражение в языковом оформлении текстов, в частности, функционально-прагматическом аспекте использования модальных глаголов.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

М. П. Булгакова

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ В КОНТРАСТИВНЫХ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Компонентный анализ как способ выявления семантической общности слов имеет многолетнюю историю применения в исследованиях содержательной стороны слов и установления оснований структурирования словаря. Применение данного метода в исследованиях оказывается весьма продуктивным также и в аспекте преподавания иностранного языка и, в частности, при подготовке будущих лингвистов в языковых вузах. Большой энтузиазм вызывает у студентов проведение сопоставительного анализа на материале двух изучаемых иностранных языков. Такие исследования способствуют расширению научного кругозора и более глубокому овладению иностранными языками.

В рамках работы над курсовыми и дипломными исследованиями студентами проводится анализ языкового материала по методам контрастивной и сопоставительной лексикологии, при этом выявляется национальная специфика семантики лексических и фразеологических соответствий в изучаемых языках. В соответствии с концепцией И. А. Стернина, контрастивная лингвистика отличается от сопоставительного языкознания тем, что анализируются не любые языки и не в любом количестве, а только два языка – родной и изучаемый. Оба эти подхода показали высокую продуктивность в плане лингводидактики при обучении студентов основам лингвистических исследований.

Так, например, интересными оказались результаты сопоставительных описаний семантико-деривационного потенциала прилагательных цвета, размера, вкуса, температурных, физических и эстетических характеристик английского и второго изучаемого языка.

Весьма продуктивно показывает методика сопоставительного анализа различных лексико-семантических полей имен прилагательных, выделяемых в изучаемых студентами языках. Среди всех частей речи имена прилагательные отличаются наиболее подвижной семантикой и образуют большое количество переносных значений в различных семантических сферах. Поиск совпадений в направлениях семантической деривации и общих механизмов формирования вторичных значений у имен прилагательных изучаемого и родного языков является перспективным направлением исследований, как минимум, с двух точек зрения. Во-первых, такое изучение лексики способствует формированию у студентов навыков компонентного анализа, что, безусловно, приводит к пониманию глубинных взаимосвязей в словаре. Во-вторых, такие исследования позволяют в соответствии с выявленными закономерностями структурировать языковой материал, что может эффективно использоваться в лингводидактических целях.

Примечательно, что обнаружена зависимость структурной организации лексико-семантических полей (ЛСП) и наличия у прилагательных антонимических связей. Так, прилагательные, имеющие антонимические связи (прилагательные размера, температуры, скорости и пр.), образуют ЛСП с двумя центрами: центры высокой и низкой степени проявления признака, между которыми возможно наличие небольшой зоны, сформированной прилагательными, отражающими норму (*средний, нормальный, оптимальный*). Прилагательные, не имеющие антонимов (прилагательные цвета, вкуса), формируют полицентричные ЛСП, что обусловлено отсутствием в их семантике компонента, отражающего соотносительность с нормой. Семантические структуры (совокупности вторичных значений полисемантов) данных прилагательных также являются более сложно организованными образованиями, в отличие, к примеру, от параметрических прилагательных, где хорошо выделяется количественная (основанная на экстралингвистических характеристиках) зона вторичных значений, описывающих материальную сферу, и кваликативная зона (зона нематериальных характеристик), в которой положительный / отрицательный оценочный компонент значения является основным структурирующим фактором. Данное обстоятельство позволяет выстраивать довольно хорошо структурируемые и логично организованные семантические поля, как в плане первичной семантики изучаемых слов, так и при изучении их семантических дериватов. Это обусловлено наличием в семантике количественных компонентов, соотносительностью с нормой, возможностью градуирования степени проявления признака, выражаемого прилагательным.

Семантические структуры прилагательных, не имеющих антонимических связей, (прилагательные цвета, вкуса) хуже поддаются структурированию, реже обнаруживаются тенденции регулярной полисемии, вторичные значения прилагательных одного языка реже находят корреляты в другом языке. Их семантическое развитие в большей степени обусловлено национально-культурными особенностями носителей языка, различиями в ассоциациях, историческом наследии, зафиксированными в языковой картине мира. Использование такой лексики требует особого внимания, учета идиоматичности, тщательного подбора эквивалентов, частого использования адекватной замены при переводе на родной язык.

Е. В. Глинка

КВАЗИСИНОНИМИЯ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассматривается использование квазисинонимов в функциях не прямой номинации на материале современных белорусских печатных СМИ.

Ключевые слова: медиадискурс, оценочность, не прямая номинация, речевое воздействие.

Медиадискурс ориентирован на массовое воздействие посредством пере-даваемой информации, и поэтому его важнейшей особенностью является выражение смысловой и идеологической позиции субъекта речи. Употребление языковых средств в медиадискурсе отражает особенности речевой деятельности в медиа – диалогичности и речевого позиционирования авторского «я» (Л. Р. Дускаева 2018).

В медиатексте часто используются контекстуальная синонимизация лексических единиц, семантическое сближение которых обусловлено контекстом. С помощью синонимов в медиадискурсе формируется система оценок события. Выбор синонима обусловлен авторской позицией. Одним из способов имплицитного выражения оценки служит выбор синонима, намеренно или случайно заменяющий нейтральное по смыслу слово на коннотативно расширенное, например, *обвинить* (нейтральное) – *ошельмовать* (отрицательная коннотация) – *заклеймить* (положительная коннотация). Подобные оценочно-референтные слова-синонимы М. Эпштейн называет прагмемами: словами, «в которых предметное и оценочное значение предстают как бы склеенными, жестко связанными» (М. Эпштейн 1991). Семантические (контекстные) синонимы являются, по сути, квазисинонимами, так как содержание понятия изменяется. Использование их в медиадискурсе обеспечивает полноту референции событий.

Помимо стилистических и семантических синонимов, функции не прямой номинации посредством квазисинонимии могут выполнять имена собственные (прецедентные имена), местоимения, гиперонимы и гипонимы, перифразы, фразеологизмы, индивидуально-авторские метафоры, оценочные слова и др.

На примерах словоупотреблений из современных белорусских печатных СМИ мы рассматриваем способы и функции не прямых номинаций. Материалом для исследования послужили печатные тексты газет «Рэспубліка», «СБ Беларусь сегодня», «Минский вестник», «Знамя юности», «Народная газета» за период 2021–2022 г. Это и редакционные материалы, и авторские колонки, и цитируемые высказывания политиков.

Одним из видов квазисинонимии является **метафора**: *Политическая арена, которая превращается в цирк. Журналистская кухня – что там варят, из каких ингредиентов... Санкции? Вырулим. Правда – лучшее оружие. Пить из чистого информационного источника..* Метафора позволяет, прямо не называя объект, выделить его значимые для автора стороны.

Близки по своим функциям к метафоре **перифразы**: *наследники Победы, хранительницы мира (о женищинах), страна чистоты и порядка (Беларусь)*. Узнаваем М. Цукерберг в описательном оскорбительно-пренебрежительном выражении *наивный рыжий чувачок*.

В качестве заменителей прямой номинации в современном медиадискурсе активно используются эвфемизмы и противоположные им по функциям дисфемизмы. **Эвфемизмы**, помимо «приукрашивания», позволяют скрасить негативное восприятие смысла или же завуалировать истинное

значение слова: *сложная ситуация* (вместо *кризис*), *после августа 2020, Беларусь планирует подготовить на базе «Роскосмоса» своего бойца* (т. е. космонавта).

Дисфемизмы стали неотъемлемой чертой современного медиадискурса, выполняя предназначенную им функцию выражения негативной оценки, а в некоторых случаях дискредитации и оскорбления: *Это мерзавцы* (об оппонентах, о польских пограничниках). *Мы получили плевков* (запрет на въезд в Украину). *Недопосол Франции, недопослица США. Гавканье из-за рубежа.* Нейтральное *бчб-полотнище* заменяется на *бчб-тряпка*. *Лживые и подлые лицемеры* (о политических оппонентах). *15 тысяч вооруженных до зубов головорезов* (о польских пограничниках). *Снесём голову любому, кто хочет нарушить мир и покой в стране. Период шабаша 2020. Грызня олигархов.* Дисфемизмы употребляются преимущественно в авторских материалах и эмоциональных высказываниях представителей высшей власти.

Фразеологизмы также выступают в качестве синонимичного описательного оборота, заменяющего прямое именование. *Лучше принять не совсем точное решение, чем бодягу качать из стороны в сторону. Знает, что такое огонь, вода и медные трубы* (о лидере молодежи). *Нет худа без добра* (о санкциях). *Мы не стали на колени и стараемся жить своим умом.*

Как иносказание в текстах СМИ употребляются **прецедентные имена** и другие прецедентные феномены, выражающие смысл путём отсылки к известным событиям, личностям и т.п.: *Америка – политический «Титаник».* *Возродимся, как птица Феникс из пепла* (о преодолении санкций). *Пошли на услужение к «дяде Сэму»* (об Украине).

Жаргонизмы в политической речи по своей функции приближены к дисфемизмам: *Крышует и финансирует Запад* (об украинской власти). *Выбивать гранты.* *Волк, которого козлят* (Название статьи А. Муковозчика под рубрикой «Библиотечка патриота» об экстремистской организации, выступающей против привлечения молодежи до 18 лет к субботнику. Отнесённость лексемы *козлить* (кого-то) к криминальному аргю выражает крайне негативное значение. Встречаются употребления из компьютерного жаргона: *Роуминг завис.* Из молодёжного сленга: *не париться по поводу санкций.*

Белорусизмы употребляются вместо русских лексем для выражения негативной оценки: *змагары, кровожадные змагарские чаты, уцекачы.*

Заемствования могут употребляться в качестве синонимов без трансформации смысла: *еврочиновники, мейнстрим, новая генерация министров.* В заголовке же *Гуд-бай, зелёный* (об уходе от массового использования доллара) создаётся аллюзия со словами из песни «Наutilus Помпилиус» *Гуд-бай, Америка.*

Таким образом, путём лексической замены слов в прямом значении на их квазисинонимы могут создаваться дополнительные смыслы и коннотации, в некоторых случаях происходит искажение смысла, а также семантическое опустошение лексемы.

При помощи этих тактик и приёмов осуществляется речевое воздействие в медиа: интерпретации и оценки реферируемой действительности, модального преобразования излагаемых фактов. Вот только где граница между речевым воздействием и речевой манипуляцией и языковой агрессией, и где пределы допустимого, не нарушающего этические нормы речи?

А. О. Жукова

О НЕПРОСТРАНСТВЕННЫХ ЗНАЧЕНИЯХ АНГЛИЙСКИХ ПРЕДЛОГОВ БЛИЗКОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ

Пространственное отношение БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ передается в английском языке такими предлогами, как *alongside, at, beside, next to, near (to)*. Данное отношение, наряду с иными: ВКЛЮЧЕНИЕ, КОНТАКТ и УДАЛЕННОСТЬ, отражает топологические характеристики пространства, позволяющие описать его двухмерную структуру в измерениях «внутри–снаружи». Отношение БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ определяется как положение объектов рядом друг с другом, при этом они не состоят в отношениях ВКЛЮЧЕНИЕ или КОНТАКТ.

Предлоги, перечисленные выше, являются многозначными: в их семантическую структуру входят от 2 до 9 значений. Предполагается, что все предложные значения образуются на основе пространственного. Однако само пространственное значение неоднородно и включает несколько сем, которые могут служить основой для образования непространственных значений. Цель исследования – установить структуру пространственного значения английских предлогов, обозначающих близкое расположение, выявить семы, которые служат для образования новых значений, установить связи пространственного и непространственных значений.

Обнаружено, что интегральными семами для рассмотренных предлогов выступают семы БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ и +/-ДИРЕКЦИОНАЛ (отражение отношений статика vs. динамика, которые уточняются в семантике каждого предлога). Помимо данных сем каждый предлог обнаруживает дифференциальные семы. Для предлога *beside* это сема СБОКУ (нахождение объектов по одну из сторон друг друга), для предлога *next to* – сема +ДИРЕКЦИОНАЛ (отражение дирекциональных отношений), для предлога *at* – семы КОНТАКТ, +ДИРЕКЦИОНАЛ. Помимо этого, предлог *at* используется для выражения функциональной связи между объектами. Отличительной чертой семантики предлога *alongside* является его тенденция к употреблению с наименованиями объектов вытянутой формы.

Выявлено, что сема БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ, проецируясь на непространственные сферы, ведет к образованию непространственных значений: компаративного значения предлогов *beside, next to, near (to), alongside*, темпорального значения предлогов *at, alongside*, комитативного значения предлога *alongside*, инхоативного значения предлога *at*, значения приближенности и значения следования предлога *next to*, значения состояния

предлогов *at* и *near (to)*. Например, в компаративном значении предлогов для сравнения объекты «помещаются» рядом: *Next to you I'm wealthy* 'По сравнению с тобой я богат', *This colour is near to the original* 'Этот цвет близок к оригиналу'.

Установлено, что непространственные значения, перечисленные выше, хотя и образованы от интегральной семы, дифференцируются между собой. Так, посредством употребления предлогов *beside*, *next to*, *near (to)*, *alongside* в компаративном значении высказывание может нести информацию как о различиях между объектами, так и об их сходстве. С помощью предлогов *beside* и *next to* высвечиваются различия между объектами, а не их тождество или сходство, в то время, как в случаях употребления предлога *near*, два объекта сравниваются по принципу схожести друг с другом. Предлога *alongside* в компаративном значении может употребляться для подчеркивания как различий, так сходств объектов.

Обнаружено, что предлоги *at* и *near (to)*, передающие значение состояния, отражают его по-разному. С помощью предлога *near (to)* передается информация о том, что объект «находится» близко к какому-то состоянию: *A lot of the women were near to tears* 'Многие женщины были на грани слез'. Использование предлога *at* говорит о нахождении объекта в состоянии, обусловленном внешними факторами: *Many children are still at risk from abuse* 'Многие дети по-прежнему подвергаются риску жестокого обращения'.

Посредством метафорического проецирования семы КОНТАКТ предлога *at* образовано его инструментальное значение: мы полагаем, что основой для такого переноса служит денотативная ситуация, предполагающая возможный или реальный контакт между субъектом и инструментом действия: *Mr. Martin was held at gunpoint* 'Мистера Мартина держали под дулом пистолета'.

Выявлено, что непространственные значения предлогов могут образовываться на основании непространственных значений. Например, одновременность и совместность действия, выражаемая темпоральным значением предлога *alongside*, вытекает из его комитативного значения: *Lithium can be used alongside careful monitoring of blood levels* 'Литий можно использовать вместе с тщательным мониторингом его уровня в крови'.

Таким образом, установлены непространственные значения рассмотренных предлогов, образованные в результате метафорического переноса их пространственного или непространственных значений. Сема БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ, участвуя в образовании многих непространственных значений, является наиболее продуктивной у изученных предлогов. Инструментальное значение предлога *at* и темпоральное значение предлога *alongside* можно считать метафоризацией их темпорального и комитативного значений соответственно. Результаты исследования показывают, что некоторые предложные единицы имеют радиально-цепочечный принцип связи значений, при котором их значения образованы не только от центрального (пространственного) звена.

Определено, что список непространственных значений английских предлогов близкого расположения не исчерпывается только теми значениями, которые образованы путем метафоризации. Выявление механизмов, которые служат для образования таких значений, станет предметом дальнейших исследований.

Е. Ю. Зубовский

ОПТИМИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИКИ АНГЛИЙСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ КОМПАРАТИВНОГО ТИПА

Английские прилагательные компаративного типа или компаративные прилагательные являются представителями класса производных признаков слов, в основу которых заложено деривационное значение «подобие». «Подобие» в семантике этих дериватов вытекает из операции сравнения на основании одного или множества признаков их производящих баз. В результате, как утверждает О. П. Разумова, мы можем наблюдать субъект сравнения (т. е. то, кого / что сравнивают), объект сравнения (т. е. то, с кем / с чем сравнивают), названный производящей базой, и признакосложение, с помощью которого осуществляется сопоставление субъекта и объекта. В качестве примера приведем функционирование компаративного прилагательного *doglike* «собачий» (производящей базой является лексема *dog* «собака») в контекстах, взятых из Британского национального корпуса: William L. Shirer said his loyalty was ***doglike***. «Уильям Л. Ширер сказал, что его преданность была ***собачьей***» [spartacus-educational.com]. Исходя из данного предложения, установлено, что субъектом сравнения является Уильям Л. Ширер, который сравнивает себя с собакой, т. е. объектом сравнения, на основании такого признака как преданность, характерная собакам. Помимо признака «преданность», операция сравнения происходит и по другим признакам, свойственным собаке: морда, любопытство, голова и др.: Baboons have a ***doglike*** muzzle and powerful teeth. «У бабуинов ***собачья*** морда и мощные зубы» [elelur.com]; ...several of them approach with ***doglike*** curiosity. «...некоторые из них приближаются с ***собачьим*** любопытством» [alertdiver.com]; A young crabeater seal is showing its ***doglike*** head. «Молодой тюлень-крабояд показывает свою ***собачью*** голову» [canterbury.ac.nz]. Можно предположить, что семантика английских компаративных прилагательных обладает обширным потенциалом, который вытекает из объема обозначаемых ими признаков сравнения.

Для более полного и точного исследования данного класса производных признаков слов первоначально необходимо установить словообразовательные форманты, а именно суффиксы, указывающие на словообразовательное значение «подобие» у производных прилагательных английского языка. Для выполнения поставленной задачи были проанализированы следующие источники: 1) Н. Marchand “The categories and types of present-day English

word-formation” (1960); 2) O. Jespersen «Modern English grammar on historical principles. Part VI Morphology», (1942); 3) П. М. Карашук «Словообразование английского языка» (1977); 4) Е. Н. Бортничук, И. В. Василенко, Л. П. Пастушенко «Словообразование в современном английском языке» (1988); 5) И. В. Арнольд «Лексикология современного английского языка» (2012); 6) V. Adams «An introduction to modern English word-formation» (1977). Результаты анализа показали, что в английском языке следующие суффиксы выражают словообразовательное значение «подобие»: *-al, -an/-ane/-ian/-onian/-ean, -ed, -en, -ese, -esque, -ful, -ic, -ine, -ish, -like, -ly, -ite, -ous, -y, -some*. Учитывая тот факт, что объем материала получится большим, необходимо ограничить его с целью оптимизации исследования.

Для достижения поставленной цели из вышеуказанного ряда мы отбираем продуктивные суффиксы, т. е. те, которые способны создавать новые слова, присоединяясь к различным производящим основам (И. В. Арнольд, М. Ю. Казак, Ю. С. Маслов, В. Н. Немченко, А. И. Смирницкий, L. Bauer, I. Plag и др.). Исследователи пришли к выводу, что исконно английские суффиксы со значением «подобие» *-y, -ish, -like*, являются наиболее продуктивными.

Для отбора дериватов с суффиксами *-y, -ish, -like* мы использовали словарь Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged – 1961. – 2,816 p. Данный словарь признан различными лексикографами и профессорами (Л. Д. Лебедева, Л. П. Ступин, О. М. Карпова, J. B. McMillan, R. A. Hall, B. Evans и др.) как самый надежный и авторитетный источник, включающий в себя 450 тыс. слов, а также представляющий обширное семантическое описание словарной статьи. Одним из важных параметров при отборе дериватов, помимо маркеров *-y, -ish, -like*, является наличие словарных значений «resembling, of, like, suggestive of, characteristic of». Еще одним важным параметром является количество контекстов в Британском национальном корпусе того или иного производного компаративного прилагательного, т.к. чем выше число контекстов, в которых используется дериват, тем больше возможностей исследовать его семантику с различных позиций, при этом учитывая повторяющиеся контексты.

Следующий этап представляет собой классификацию отобранных рядов дериватов с опорой на их производящие базы для оптимизации исследования. В качестве источника классификации был выбран 6-томный русский семантический словарь под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Выбор в пользу данного словаря обоснован богатым лексическим материалом, полнотой описания, удобством пользования и схематичным изображением классов. Отобранные компаративные прилагательные были объединены в следующие группы: наименования лиц, животных, растений, продуктов питания, времен года, природных образований, материальных продуктов труда, произведений киноискусства.

Таким образом, с целью оптимизации исследования семантики английских прилагательных компаративного типа был установлен набор суффиксов со словообразовательным значением «подобие» и отобраны продуктивные из них, составлен список дериватов с продуктивными формантами, учитывая их словарные дефиниции и количество контекстов в Британском национальном корпусе, а затем они были распределены по классам.

А. Кашевская, Л. М. Лещёва

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Целью исследования явилось выявление механизмов *фразеологизации* – превращения свободных сочетаний слов в устойчивые на основе создания особого фразеологического значения, и последующего их *декодирования*, расшифровки фразеологических единиц сознанием в речи.

Теоретической основой исследования стали теория «ментальных пространств» и теория концептуальной интеграции или *блендинга*, предложенные Жилем Фоконье и Марком Тернером (1998). Под *концептуальной интеграцией* ученые подразумевают неосознанный когнитивный процесс сопоставления *двух исходных независимых понятий* (input spaces), результатом которого становятся промежуточное *общее пространство* (generic space) и конечное *смешанное пространство* (blended space), или *бленд* (blend) – пространство-гибрид, новое ментальное пространство с особым значением, не тождественным ни одному из исходных пространств, содержание которого не может быть представлено как сумма значений составляющих их элементов. В данном случае оно соответствует фразеологическому значению.

Когнитивными инструментами, используемыми сознанием в процессе создания фразеологического значения, являются типы содержательных отношений (метафора, метонимия, гиперо-гипонимия, фрейм) между понятиями исходных и смешанного пространств.

Материал исследования: 40 англоязычных разнотипных фразеологизмов с компонентом, именующим профессию: номинативные со структурой $N+N \rightarrow NP$, $(Adj/N+N)+N \rightarrow NP$, $N_{poss}+N \rightarrow NP$, $Adj+as+det+N \rightarrow NP$, $Adj+as+det+N_{poss}+N \rightarrow NP$, и номинативно-коммуникативные ФЕ, отобранные из словарей Дж. Айто “The Oxford Dictionary of English Idiom”, Дж. Симпсона “The Oxford Dictionary of Proverbs” и онлайн ресурсов.

I. В группе номинативных субстантивных фразеологизмов со структурами $N+N \rightarrow NP$ (11 единиц, например, *death-hunter* досл. ‘охотник за смертью’ – рус. ~ ‘мародер’), $(Adj+N)+N \rightarrow NP$ (3 единицы, например, *a white collar worker* досл. ‘работник белого воротничка’ – рус. ~ ‘работник умственного труда’) и $N_{poss}+N \rightarrow NP$ (6 ФЕ, например, *butcher’s bill* досл. ‘счет мясника’ – рус. ~ ‘количество погибших на войне’) были выявлены следующие когнитивные инструменты:

1) **метафора** (13, или 39,3 %, например, *a lion hunter* досл. ‘охотник льва: *a lion* ‘лев’ → ‘влиятельный человек’ → *a lion hunter* досл. ‘охотник на влиятельного человека’, т. е., человек, гоняющийся за знаменитостями’);

2) **метонимия** (9, или 27,2 %, например, *a blue collar worker* досл. ‘работник с синим воротничком: *a blue collar* ‘синий воротник’ → ‘синяя рубашка’ → *a blue collar worker* досл. ‘работник в синей рубашке’, рус. ‘производственный рабочий’);

3) **гиперо-гипонимия** (1, или 3,1 %: *a back-seat driver* досл. ‘водитель на заднем сидении’: *driver* → *operator* → *causal agent*, рус. ‘непрошенный советчик’);

4) **фрейм** (10, или 30,3 %, например, *an armchair politician* досл. ‘политик в кресле’, рус. ‘диванный политик’: *an armchair* ‘кресло’ → ‘дом, безопасная комфортная обстановка’ → *an armchair politician* досл. ‘политик, не находящийся в реальных полевых условиях.

Отдельно выделим фразеологизмы типа *a baker's dozen* досл. ‘дюжина пекаря’, рус. ‘чертова дюжина’ со структурой N_{poss} + N → NP, когнитивным инструментом которого стал **фрейм**, являющийся **историческим фактом**: в средневековой Англии пекари продавали 13 булочек по цене 12 (дюжины), опасаясь тюремного заключения, если в обычной дюжине из 12 булочек будет обнаружен недовес.

Важно отметить, что в данных группах фразеологизмов компонент, именующий профессию и занимающий во фразеологическом словосочетании второе место, в 77 % – используется в переносном смысле, например, *a business doctor* досл. ‘доктор для бизнеса’, рус. ‘бизнес консультант’.

Лишь 23 % случаев обладает нулевой степенью идиоматичности и используется в своем главном значении, например, *a Sunday driver* досл. ‘воскресный водитель’, рус. ~ ‘плохой водитель’. Как и в предыдущем примере, значение выражения возникло из исторической ситуации, когда в 1920–1920 гг. обычно в воскресенье по полудню на машине неспеша выезжали за город на прогулку.

Напротив, компоненты словосочетаний, не являющиеся наименованиями профессий, обладают меньшей степенью идиоматичности.

II. **Номинативные адъективные ФЕ** со структурами Adj+as+det+N→NP (7 единиц) и Adj+as+det+N_{poss}+N→NP (3 единицы), например, *fit as a butcher's dog* досл. ‘здоровый, как собака мясника’, рус. ~ ‘здоров, как бык’ в целом отличается относительно высокой степенью мотивированности за счет первого компонента – прилагательного, используемого в своем главном прямом значении, во-вторых, за счет второго компонента – наименования профессии, который не переосмысливается, а также всей модели ФЕ с выраженным сравнением.

Основным когнитивными инструментами является **фрейм** (6 фразеологизмов, или 6,7 % всех ФЕ, например, судья – серьезный в *grave as a judge* досл. ‘серьезный, как судья’ рус. ~ ‘очень серьезный’);

Вместе с тем, в ряде случаев дешифровка таких фразеологизмов требует специальных экстралингвистических, в том числе, исторических знаний, что и обуславливает их идиоматичность. Примерами может служить ФЕ *mad as*

a hatter досл. ‘сумасшедший, как шляпник’, рус. ~ ‘сумасшедший’. В основе его фразеологизации лежит исторический факт использования шляпниками в прошлом при производстве шляп ртути, которая оказывала пагубное влияние на их психику и, в конечном итоге, деформировала их поведение.

История фразеологизации некоторых конструкций вовсе не реконструируется, о ней можно только догадываться, и такие сравнительные ФЕ являются сегодня классическими идиомами: *drunk as a tinker* досл. ‘пьяный как лудильщик’, рус. ‘очень пьяный’; *quarrelsome as a tinker* досл. ‘сварливый как лудильщик’, рус. ‘сварливый, склочный’.

III. Эти же когнитивные инструменты лежат в основе **номинативно-коммуникативных** ФЕ (10 единиц), хотя и в несколько другой пропорции: фрейм несколько преобладает над равными по количеству метафорой и метонимией:

1. **фрейм** (4, или 30 %, например, значение ФЕ *to work like a navvy* досл. ‘работать, как землекоп’, рус. ~ ‘тяжело трудиться, вкалывать’ основано на импликации признаков тяжелого труда землекопа каналов);

2. **метафора** (2, или 13 %, например, во фразеологизме *to see more meat on a butcher's pencil* досл. ‘видеть больше мяса на резаке мясника’, рус. ‘худой как жердь’, т. е., мяса, плоти в человеке мало, он худой);

3. **метонимия** (2, или 13 %, например, *to introduce the shoemaker to the tailor* досл. ‘познакомить сапожника с портным’, рус. ~ ‘дать пинка’, где *the shoemaker* ‘сапожник’ метонимически соотносится с его ногой, а *the tailor* ‘портной’ – с его спиной).

Интересно также отметить, что несмотря на то, что абсолютное большинство глаголов в номинативно-коммуникативных ФЕ (8 из 10, т. е., 80 %) используются в прямом значении как и компонент, именуемый профессией, их декодирование нередко затруднено в результате утраты мотивирующих признаков или выраженных культурологически обусловленных факторов в процессах номинации. Так, *a tailor's goose* означал ‘утюг особой формы, которым пользовался портной’, соответственно, *to swim like a tailor's goose* означает досл. ‘плавать, как утюг портного’, т. е., не уметь плавать, рус. ~ ‘плавать как топор’.

Таким образом, можно заключить следующее:

Переносные значения компонентов, именующих профессию, вносят больший вклад во фразеологизацию ФЕ, особенно в случае адъективных номинативных и номинативно-коммуникативных.

Прилагательные и глаголы, встречающиеся в номинативных адъективных и номинативно-коммуникативных исследуемых ФЕ, обладают наименьшей идиоматичностью.

Когнитивные инструменты во всех группах ФЕ с данным компонентом одинаковы, однако их роль в каждой из них разная: например, фреймы более типичны для номинативно-коммуникативных ФЕ.

Утрата мотивирующего признака одного из компонентов ФЕ или когнитивного инструмента фразеологизации словосочетания усложняет его декодирование на современном этапе развития языка.

Т. С. Котик

ДЕЙКТИКИ *HIN* И *HER* КАК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ (на материале немецкого языка)

Дейктические наречия *hin* ‘туда’ и *her* ‘сюда’ выступают в немецком языке в качестве словообразовательных аффиксов, и, вступая в отношения словообразовательной продуктивности с различными производящими базами, используются для образования более сложных языковых единиц. Оба дейктика выступают как дейктические приставки, например, *hinnehmen* ‘брать, взять (себе)’, *hinschreiben* ‘написать, набросать’, *herkommen* ‘приходить, подходить’, *hersagen* ‘говорить, рассказывать (всё подряд, от начала до конца)’, так и как дейктические суффиксы, например, *dorthin* ‘туда’, *dorthier* ‘сюда’, *überallhin* ‘всюду, во все концы, во всех направлениях’, *überallher* ‘отовсюду, со всех сторон’.

Дейктические суффиксы *-hin/-her* характеризуются низкой словообразовательной активностью в немецком языке и взаимодействуют только с наречиями и предлогами, например, *überallhin* ‘всюду, во все концы, во всех направлениях’, *überallher* ‘отовсюду, со всех сторон’, *woher* ‘откуда’, *wohin* ‘куда’, *anhin* ‘до сих пор, доньше’, *mithin* ‘следовательно, итак, таким образом; конечно, естественно’, *nachher* ‘после (этого); потом, затем, впоследствии, позже; вскоре’, *umher* ‘кругом, вокруг; там и сям’, а суффикс *-hin* еще и с именами прилагательными, например, *fernerhin* ‘впредь, в будущем’, *weithin* ‘вдаль; кругом, повсюду; задолго’ и т. д.

В электронном словаре ABBY Lingvo зафиксировано всего 84 деривата с данными суффиксами: 54 деривата с *-hin*, например, *durchhin* ‘целиком; насквозь’, *geradehin* ‘всё прямо (вперёд)’, *linkshin* ‘налево’ и т. д., и 30 дериватов с *-her*, например, *anher* ‘сюда’, *fernher* ‘издали; издалека’, *nirgendher* ‘ниоткуда’. В словаре словообразовательных элементов немецкого языка под редакцией М. Д. Степановой эти суффиксы и вовсе отсутствуют в списке словообразовательных элементов. Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что такая модель словообразования, где дейктики *hin* и *her* выступают в качестве дейктического словообразовательного суффикса, является малопродуктивной в немецком языке.

По частеречному признаку все образованные таким образом дериваты относятся к наречиям. Анализ вхождений контекстов с производными наречиями из Национального корпуса немецкого языка DWDS показал, что большинство таких наречий употребляются редко, о чем свидетельствует количество контекстов с ними. Всего в корпусе для 54 наречий с суффиксом *-hin* зафиксировано 46 823 контекста, а для 30 наречий с суффиксом *-her* –

80023 контекста. При этом контексты распределены очень неравномерно. Для 43 наречий (79.6 %) в корпусе представлено менее 500 контекстов, для 3 наречий (5.6 %) – более 500, но менее 2000 контекстов. Наиболее частотными наречиями являются 8 языковых единиц (14.8 %): *dahin* ‘туда; до того места’, *daraufhin* ‘после этого; на основании этого; в ответ на это’, *dorthin* ‘туда’, *immerhin* ‘всё-таки, всё же’, *ohnehin* ‘и без (э)того, и так уже’, *schlechthin* ‘просто, совершенно; лишь; абсолютно’, *weiterhin* ‘дальше, впредь’, *wohin* ‘куда’. На их долю приходится 39 484 контекста, что составляет 84.3 % от общего числа. На долю же 43 менее частотных наречий приходится только 7339 контекстов (6.3 %).

Среди наречий с суффиксов *-her* для 21 наречия (70 %) в корпусе зафиксировано менее 500 контекстов (для 13 из них – менее 10 контекстов), для 3 наречий (10 %) – более 500, но менее 2000 контекстов. Наиболее частотными оказываются 6 производных наречий (20 %): *bisher* ‘до сих пор, доньше’, *daher* ‘оттуда’, *hierher* ‘сюда’, *nachher* ‘после (этого); потом, затем, впоследствии’, *vorher* ‘раньше, прежде’, *woher* ‘откуда’. На их долю, как и в случае с производными наречиями с *-hin* приходится большая доля контекстов – 73451 (91.7 %) из 80 023 контекстов.

Таким образом, дейктические суффиксы *-hin/-her* характеризуются достаточно низкой словообразовательной активностью, а большинство производных от них наречий относятся к числу низкочастотных языковых единиц в немецком языке.

К. А. Котов

ДЕСКРИПЦИЯ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

(на примере описаний глаз в современном русском языке)

Апелляция говорящего к окружающему миру в процессе коммуникации способствует значительному расширению спектра дескриптивных средств языка, обеспечивая тем самым более точное и нюансированное описание. Это становится очевидным на примере языковой дескрипции глаз человека, представляющей большой интерес, поскольку глаза часто рассматриваются не только как компонент внешности, обладающий физическими параметрами, но и раскрывающий внутреннее состояние человека, его личностные качества и свойства.

Цель исследования заключается в выявлении свойств, присущих языковой дескрипции глаз человека через обращение к феноменам окружающего мира в современном русском языке.

В качестве объекта исследования выступают свободные атрибутивные словосочетания и сравнительные обороты, в которых присутствует отсылка к тем или иным феноменам окружающей действительности.

Источником материала послужил Национальный корпус русского языка (далее НКРЯ).

Предложенное исследование ограничивается рассмотрением дескрипций глаз, выражающих **эмпирийные признаки** (воспринимаемые органами чувств и осознаваемые человеком в результате одноступенчатой мыслительной операции сопоставления с «эталоном» (Шрамм, 1979: 21)), к которым относятся: *цвет, степень прозрачности, характер поверхности (текстура), размер, форма, характер движения*.

Обращение к окружающему миру при описании глаз человека в современном русском языке происходит за счет широкого спектра денотативных областей, наиболее частотная из которых охватывает **части растений** (15,81 % от общего объема эмпирийных дескрипций глаз человека): *Невысокий, сухой, седые брови и ресницы, но под ними – живые каштановые глаза*.

Далее в порядке убывания представлены следующие денотативные области:

млекопитающие, птицы, земноводные, пресмыкающиеся, рыбы (15,25 %): *Галочки глаза цепко оглядели комнату, обойдя, впрочем, меня, словно я не сидела рядом с Кариной;*

природные образования (13 %): *Вот только перламутровые глаза (как у многих стариков) смотрели несколько отрешенно;*

продукты питания (11,86 %): *все, что видели ее простонародные глаза цвета зеленых щей с томной капелькой желтого жира, она принимала с невозмутимостью зеркала;*

горные породы, ископаемые, камни (9,6 %): *Он пристально посмотрел в слюдяные глаза напротив: а который вам год, Василий Васильевич?;*

металлы и металлические сплавы (8,47 %): *Он был высок, с лицом резко суженным к подбородку, а глаза цвета ртути, тяжелые, пристальные, в глубоких глазницах;*

растения и другие растительные организмы (5,64 %): *– На инвалида пусто смотрели глаза цвета белены;*

составы, смеси, жидкости и связанные с ними образования (5,64 %): *Он взойшёл на возвышение, обвёл чернильными глазами присутствующих и остановился, сложив на животе белые костлявые руки;*

предметы обихода, домашнего хозяйства, повседневной жизни (5,64 %): *Донной ее прозвали за черные волосы и глаза, блестящие, как крышка пианино, и зубы, ровные и чистые, как клавиши;*

люди (2,82 %): *Глаза, большие, как у индийских актрис, уже не щупали, не оценивали, не приглашали в ад;*

ткани и их компоненты (2,82 %): *Мордвинов оказался нестарым, лет сорока пяти, брюнетом с безукоризненно прочерченным стремительным боковым пробором, с карими замшевыми глазами, поблескивавшими из-под очков;*

насекомые и членистоногие (1,12 %): *Из прорехи свисала длинная желтая грудь с обкусанным соском, а за юбку ее держался мальчуган лет пяти, грязный, кривоногий, с глазами быстрыми, как тараканы;*

строительные материалы (1,12 %): – *У тебя глаза цвета асфальта, – вырвалось. – Ладно, – говорит;*

религиозные, мифологические, сказочные, фантастические существа (0,56 %): – *У Екатерины Павловны прекрасные длинные волосы, и глаза у нее темно-зеленые, как у русалки;*

части тела, органы (0,56 %): *И это особенно воспринималось молодыми, независимо от выражения их глаз, цвета крови и местожительства.*

Описание глаз человека в современном русском языке происходит за счет слов, которые обозначают феномены, характеризующиеся типичностью для окружающей носителей языка среды, известностью, доступностью для восприятия, особой практической или эстетической значимостью и т.п. Обращение к именам, называющих содержание вышеупомянутых денотативных областей, еще ярче демонстрирует это утверждение. Так, среди наименований частей растений самыми частотными оказались наименования плодов (*смородина, вишня, ежевика, желудь, каштан* и др.) и цветов (*василек, незабудка, фиалка* и др.). Млекопитающие, птицы, земноводные, пресмыкающиеся и рыбы наиболее широко представлены наименованиями домашних (*кот, курица, петух, свинья, корова* и др.) и промысловых животных (*олень, медведь, лиса, песец, бобр, судак, форель* и др.). Растения и другие растительные организмы прежде всего представлены наименованиями сельскохозяйственных культур (*капуста, морковь, рожь*). Среди наименований металлов и металлических сплавов важное место занимают наименования драгоценных металлов (*серебро, золото*) и металлов (сплавов), наиболее активно используемых в производстве и строительстве (*железо, медь, цинк, сталь, олово* и др.).

Материал исследования также позволяет определить, наименования каких феноменов являются наиболее частотными при описании того или иного эмпирического признака глаз человека в современном русском языке.

Так, уточнение цвета чаще всего происходит через наименования частей растений; степень прозрачности нюансируется в первую очередь за счет наименований природных образований; детализация характера поверхности чаще происходит посредством наименований составов, смесей, жидкостей и связанных с ними образований; форма чаще уточняется через наименования предметов обихода, домашнего хозяйства и повседневной жизни. Описание таких эмпирических признаков глаз человека, как размер и характер движения наиболее частотно осуществляется через наименования млекопитающих, птиц, земноводных, пресмыкающихся и рыб.

Для значительного количества феноменов окружающего мира, к которым прибегают авторы при описании глаз человека, салиентными оказываются несколько эмпирических признаков. Например, **цвет и размер**: *Карабанов сверкал черными огромными, как у коня, глазами; цвет и форма:*

*Волосы белые, **глаза** белые, как у щуки; Но вдруг на сморщенном лице ее рот перекосялся, а **глаза** стали круглые, как у щуки; **характер поверхности и размер**: Я была симпатичной девочкой, с косичками, бантиками, большими влажными глазами, как у подбитой лани; и др.*

В некоторых контекстах, однако, указание на эмпирический признак может отсутствовать: *Парень скалил крупные зубы, бычьи глаза весело следили за руками боярина*. Возникающая при этом вариативность интерпретации значения таких контекстов обусловлена полипризнаковым характером наименований феноменов окружающего мира.

Таким образом, в стремлении дать более нюансированное описание, человек обращается к знакомым и важным для своей жизнедеятельности феноменам действительности, признаки которых хорошо известны широкому кругу носителей языка. Однако наименования этих феноменов характеризуются полипризнаковостью, что, в отсутствие эксплицитно выраженного эмпирического признака, уточнение которого они обеспечивают, ведет к неопределенности дескрипции.

И. А. Лапицкая

СЕМАНТИКА НЕМЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАННЫХ ЛЕКСЕМ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Анализ семантики более 1200 заимствованных из немецкого языка лексических единиц, зафиксированных в «Словаре иностранных слов» А. Н. Булыко, показывает, что данная лексика неравномерно распределяется в белорусском языке по отдельным тематическим группам, отражающим разнообразные сферы жизнедеятельности белорусского социума и немецко-белорусских культурных контактов.

Самую многочисленную группу образуют немецкие заимствованные единицы, относящиеся к бытовой лексике, составляя около 20 % от общего количества. Наиболее частотными являются наименования предметов и приспособлений хозяйственного использования, например: *друшляк, прас*; наименования продуктов питания: *клёцкі, цыбуля, шпроты*; названия построек и их отдельных частей: *ганак, флігель*.

Было установлено, что значительное количество белорусских лексем немецкого происхождения (свыше 15 %) относится к сфере техники и ремесла. Этот факт объясняется многовековыми экономическими и научными контактами между немецким и белорусским народами. Так, пришедшие из немецкого языка технические термины обозначают приборы (*das Visier – візір*), технические сооружения (*der Schlagbaum – шлагбаўм*), механизмы (*die Klappe – клапан*), части механизмов (*das Gewinde – вінт*), средства передвижения (*die Fuhre – фура, der Reitwagen – рыдван*) и др. Примечательно, что в белорусском языке слово *фура* именуется только средства передвижения, в то

время как значение современной немецкой лексемы *die Fuhre* шире и включает компоненты «поездка» (данный компонент известен с древневерхненемецкой эпохи) и «отправка груза».

Наименования столярных инструментов, представляющих сферу ремесленного дела, являются в немецком языке чаще всего сложными именами существительными с мотивирующей основой. Данные лексемы потеряли в белорусском языке свою мотивацию и подверглись в связи с этим значительным фонетическим модификациям:

der Zahnhobel – *цынубель*

der Schärfhobel – *шархебель*.

Сфера горного дела и металлургии, перенесенная на белорусскую почву из-за рубежа, преимущественно из Германии, принесла с собой много терминов данной промышленной области:

der Schacht – *шахта*

die Strecke – *штрэк*

der Stollen – *штольня*.

В белорусском языке заимствование *штрэк* известно лишь в одном из 4 значений его немецкого эквивалента *die Strecke*: горизонтальная подземная выработка, не имеющая непосредственного выхода на поверхность земли, в то время как немецкая лексема обозначает дополнительно 1) расстояние, дистанцию, участок железной дороги; 2) отрезок (в математике); 3) добычу охотника.

Из военной области в белорусский язык пришли, например, немецкие лексемы *die Patronentasche*, *das Zeughaus*, *das Bollwerk*. При этом если слово *die Patronentasche* является в немецком языке абсолютно прозрачным: сумка для патронов, то в белорусском языке оно не воспринимается ни как сложное, ни как мотивированное, что и обеспечило изменение его грамматического рода. Имя существительное *патранташ* относится в белорусском языке к мужскому роду, в то время как немецкая лексема *Patronentasche* – по второму корню – к женскому роду. Немецкие лексемы *das Zeughaus* и *das Bollwerk* также полностью потеряли свою прозрачность и изменили морфологические характеристики. Так, лексема *das Zeughaus* появилась в немецком языке в 16 в. как немецкий синоним к иноязычному слову *das Arsenal* и обозначала, согласно семантике ее корней, склад для различных военных вещей. Морфологически оно принадлежало к среднему роду, как и *Bollwerk*. Оба слова являются в белорусском языке семантически немотивированными и относятся к мужскому роду: *цэйхгаўз*, *бальверк*.

Не воспринимается как мотивированная в белорусском языке лексема *ладунка*, обозначающая сумку для патронов, в то время как для немецкоязычного гражданина она очевидна: одно из значений лексемы *die Ladung* (от *laden* – заряжать) – заряд, взрывчатое вещество. Очевидно, что в данном случае произошла семантическая деривация: обозначение боеприпасов перенесено на его вместилище. Это свидетельствует о том, что заимствованная единица продолжает свое развитие в языке-реципиенте.

Заимствованные единицы в области общественных и социальных отношений включают наименования титулов, например: *der Graf* – *граф*, органов и инструментов самоуправления: *др.-в.-нем. rât* – *рада*. Сфера экономических отношений в обществе отражается в заимствованиях, называющих места проведения сделок, например: *der Ring* – *рынак*, торговые объединения: *die Gilde* – *гильдия*.

Заимствования в области культуры представлены наименованиями некоторых музыкальных инструментов, например: *das Horn* – *горн*, профессий в искусстве: *der Kappellmeister* – *канпельмайстер*, а также рядом слов, связанных с деятельностью представителей искусства, например: *die Gastrolle* – *гастролі*, *das Malbrett* – *мальберт*, *die Kunstammer* – *кунсткамера*.

Сфера спорта и развлечений охватывает наименования различных игр, например: *das Pfand* – *фанты*, *der Stoß* – *шток*, спортивного инвентаря: *die Scheibe* – *шайба*.

Таким образом, анализ материала показывает, что самые многочисленные тематические группы в рамках немецких заимствований в белорусском языке образуют единицы, относящиеся к бытовой лексике, технике и ремеслу, военному делу, т. е. к сферам, предполагающим разный образовательный уровень пользователей лексики, что сказывается на степени ее ассимилированности. Типичные для немецкого языка многокорневые структуры утрачивают в белорусском языке свою семантическую прозрачность, что обуславливает модификации на фонетическом уровне. Семантика заимствованных лексических единиц может претерпевать изменения, что проявляется как в сужении, так и в расширении семантического объема.

Л. М. Лещева

ИМЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ С СОЧИНИТЕЛЬНЫМИ СОЮЗАМИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Наиболее проблематичными лексическими единицами для исследования фразеологического фонда любого языка и наименее изученными являются словосочетания, занимающие промежуточное место между очевидными идиоматическими **фразеологизмами** и **свободными словосочетаниями**.

Их наличие в языке отмечали все лингвисты, начиная с основателя фразеологии Ш. Балли, указавшего на наличие **промежуточных типов словосочетаний**, и О. Есперсена, выделившего на основании признака воспроизводимости класс **языковых формул** различной структуры и природы (ср. современный термин *конструкция*).

Использование понятия *воспроизводимости* как *определяющего* параметра фразеологических единиц наряду с многословностью, 1семантическим параметром мотивированности многословного образования и некоторых других, позволило профессору Н. М. Шанскому выделить особый тип фразеологических единиц – **фразеологические выражения** (Шанский 1985),

типа *всерьёз и надолго* ‘о том, что делается на значительный период’. Тем самым, он установил еще один, *четвертый тип фразеологизмов*, дополнив широко известную 3-х членную классификацию фразеологизмов академика В. В. Виноградова (образные, эмоционально-экспрессивные, полностью неразложимые **фразеологические сращения** (*бить баклуши* ‘бездельничать’), метафорические, сохраняющие признаки семантической раздельности **фразеологические единства** (*сжечь мосты* ‘принять ответственное решение, отказавшись от возможности вернуть все обратно’) и **фразеологические сочетания** – устойчивые обороты, в состав которых входят слова как со свободным, так и с фразеологически связанным значением: *закадычный друг* ‘близкий, душевный друг’ (Виноградов 1946).

В этой иерархии фразеологических единиц **фразеологические выражения (ФВ)**, с нашей точки зрения, представляют особый интерес в силу своего пограничного характера, сходства со свободным словосочетанием слов, и потому они стали объектом исследования в данной работе. *Фразеологические выражения* – вид *фразеологических единиц*, полностью семантически членимых, состоящих из лексем со свободным номинативным значением и потому наиболее близких к *свободным словосочетаниям*. Единственный признак, после сверхсловности, который сближает их с фразеологизмами – это воспроизводимость. Именно воспроизводимость таких единиц делает их, по выражению Н. Н. Амосовой, «готовым строительным материалом речи» (Амосова 1978).

Структуры фразеологических единиц, в том числе, ФВ, подобно структурам свободных сочетаний слов, Н. М. Шанский подразделяет на двенадцать групп (прилагательное + существительное: *золотой фонд*; существительное + форма родительного падежа существительного: *точка зрения*; существительное + предложно-падежная форма существительного: *борьба за жизнь* и др.), одной из которых является группа **конструкций с сочинительными союзами** (*целиком и полностью, тут и там*), которые были рассмотрены в данной работе на примере английского языка.

Цель работы и материал исследования

Учитывая сложный характер любого фразеологизма, в составе которого взаимодействуют единицы разных уровней (фонетического, словообразовательного, лексического, семантического и грамматического (Лекант 1988), **целью работы** является выявление фонетических, словообразовательных, структурных и семантических особенностей английских именных фразеологических выражений с сочинительным союзом **and** ‘и’, образованных по моделям **N and N** и **Adj and Adj**.

Источником материала стали ФВ из известного Англо-русского фразеологического словаря А. В. Кунина, хотя в дальнейшем представляется важным отбор фразеологических выражений на основе корпусных данных. При этом из всего корпуса фразеологических единиц с сочинительным

союзом *and* 'и', представленного в Англо-русском фразеологическом словаре А. В. Кунина, отбирались только ФЕ, являющиеся, на наш взгляд, представителями группы фразеологических выражений.

ФВ с сочинительными союзами в данном словаре включают однородные члены предложения разных частей речи: **глаголы** (*to dig and delve* 'копаться, рыться', *to fret and fume / to fume and chafe* 'злиться и ворчать'), **наречия** (*back and forth* – *неформ.* 'основательно, досконально, со всех сторон; снова и снова'), **существительные** (*toil and moil / moil and toil* 'тяжелая, монотонная работа'), **прилагательные** (*effective and efficient* 'эффективный и действенный / экономный'). В целях ограничения материала были отобраны фразеологизмы с сочинительным союзом, связывающие только **именные однородные члены** – существительные и прилагательные.

Результаты проведенного анализа

Как показали наблюдения, англоязычные ФВ с однородными именными компонентами и сочинительным союзом *and* 'и' отличаются от других групп фразеологизмов и свободных словосочетаний следующими семантическими, фонетическими и структурными параметрами:

1. Частеречное значение ФВ неизменно такое же, как и частеречное значение его отдельных компонентов: *fear (n) and trembling (n)* – сущ. 'страх (сущ.) и трепет' (сущ.), что сближает их со свободными словосочетаниями, в то время как частеречные значения других ФЕ и составляющих их компонентов могут отличаться: *touch (v) and go (v)* = *adj.* 'рискованный'; *black (adj) and blue (adj)* = *adv* 'до синяков'.

2. Члены ФВ с именными компонентами и союзом *and* 'и' всегда характеризуются семантическими отношениями комплементарности единого концепта, в отличие от ФЕ других групп и свободных словосочетаний с союзом *and* 'и', где наблюдаются только отношения дополнения (ср. фразеологическое единство *to touch and go* – *досл.* 'коснуться и уйти' = *adj.* 'Рискованный' или свободное словосочетание *увлекаться шахматами и спортом*).

При этом парные комплементарные семантические отношения могут быть:

антонимичными: *day and night* 'день и ночь'; *black and white* 'черный и белый' и

синонимичными: *decay and default* 'разрушение и окончательный упадок', *effective and efficient* 'эффективный и экономный'; *fair and square* 'честный и прямой'; *dead and gone* 'умерший и ушедший из жизни'.

3. Фразеологические выражения с сочинительным союзом *and* 'и' обнаруживает дублирование некоторого элемента смысла в пределах словосочетания в виде **лексического повтора семантически близких слов:** *fear (awe) and trembling* – *библ.* 'страх (благоговение) и трепет'; *shock and awe* 'шок и благоговение (трепет). При этом ФВ не являются избыточными – лексической ошибкой, плеоназмом (греч. *pleonasmos* 'излишество'), где одно из слов в словосочетании является лишним: *сервисное обслуживание, меню блюд*. Второй лексический компонент во фразеологических выражениях дополняет смысл первого, без него смысл именуемого концепта был бы неполным.

4. С фонетической точки зрения ФВ с номинативными однородными членами и союзом *and* 'и' характеризуются **ритмичностью** и **фонетическим сходством** начала слов или рифмой, что придает речи большую убедительность и эмоциональность: *dribs and drabs* 'обрывки и крохи'; *decay and default* 'распад и упадок'.

5. С точки зрения структуры, ФВ всегда двухчленны в отличие от других групп фразеологизмов (ср. фразеологическое единство *lock, stock, and barrel* 'целостность, полнота, нераздельность') и, тем более, от свободных словосочетаний с однородными членами, создаваемых здесь и сейчас по лексико-грамматическим правилам (*apples, pears and bananas* 'яблоки, груши и бананы').

6. Источником фразеологических выражений могут быть:

паронимы (от др.-греч. пара 'около; рядом' + ὄνομα 'имя') – слова, сходные по звучанию и морфемному составу, но различающиеся лексическим значением: *defuse and diffuse* 'разряжать и рассеивать';

цитаты как в случае исконно библейского фразеологического выражения *fear (awe) and trembling* 'страх (благоговение) и трепет' или названия американской военной доктрины *shock and awe* 'шок и трепет', основанной на использовании тактики подавляющей мощи и эффектных проявлений силы для уничтожения воли противника к борьбе.

Ф. Т. Михасенко

ПРОБЛЕМА ЗАМЕНЫ АНГЛИЦИЗМОВ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ ИСКОННОЙ ЛЕКСИКОЙ

В последнее время для Италии характерно господство в самых разных областях знаний и сферах деятельности англоязычных терминов, которые официально признаны самыми строгими итальянскими словарями.

Итальянский язык всегда был открыт для заимствований в несравненно большей степени, чем другие европейские языки. Сегодня проблема осложняется отсутствием специальной языковой политики в Италии, принятой и успешно функционирующей в ряде других европейских стран (во Франции, Испании) и защищающей язык от вторжения иностранного языка и культуры. Например, во Франции власти решительно борются с тем, чтобы слова английского происхождения становились частью повседневной речи, и требуют максимальной замены их соответствующими французскими эквивалентами. Необоснованное использование заимствований запрещено, поскольку в Конституции записано, что официальный язык в этой стране – французский, которым нужно пользоваться из уважения к своим гражданам и во имя взаимопонимания между ними. Когда какое-либо предприятие начинает работать на территории этой страны, все контракты, производственная документация, включая информационные материалы, оформляются на французском языке.

В Италии в этом направлении не делается ничего. Количество англицизмов и американизмов поражает, а порой откровенно ставит в тупик неискушенного и неподготовленного читателя или слушателя. Многие считают такое положение вещей катастрофическим, называя это упадком культуры итальянского языка и полным отсутствием уважения к его уникальности. Другие же не находят в заимствованиях ничего страшного, поскольку в современных условиях глобализации и развития информационных технологий неизбежен подобный приток новых терминов, образующих своеобразный жаргон (сленг).

Большая часть англицизмов или точнее англо-американизмов вошла в итальянский язык после второй мировой войны. Многие из них уже прочно укоренились в итальянской лексике и используются повсеместно итальянцами всех возрастов: *jeans, killer, kit, okay, partner, puzzle, scout, spray, west*. В последние десятилетия проблема усугубляется тем, что хлынувший поток англицизмов становится неконтролируемым. При этом итальянские исследователи не пытаются бороться с теми заимствованиями, которые обозначают термины, не имеющие итальянских эквивалентов, как, например, *computer*, а объявляют войну избыточным заимствованиям, навязывающим итальянскому языку понятия и ценности иноязычной, чужой культуры. Доходит до того, что некоторые газетные заголовки практически полностью состоят из англицизмов.

Если в 90-е годы число терминов английского происхождения составляло 1600, то сегодня, спустя более двадцати лет, их уже насчитывается 3500. Для сравнения, за это время было зафиксировано около тысячи слов французского происхождения, порядка ста слов пришли из испанского и немецкого языков. При этом степень адаптации французских заимствований составляла в конце 90-х годов 70,5 % случаев, англицизмов лишь 31,6 %, а сегодня и того меньше – 28,5 %.

Слова, образованные путем прямого заимствования уже прочно вошли в систему итальянского языка. По мнению некоторых итальянских лингвистов наличие большого числа неадаптированных англицизмов негативно сказывается на итальянских правилах произношения и орфографии, приводя в некоторых случаях к появлению гибридных форм. Многие задумываются над тем, насколько велик риск того, что итальянский язык сможет справиться с подобной ситуацией собственными ресурсами. Чаще всего объясняют стремительный приток новых слов невозможностью выразить иным способом новые понятия или инновации в различных сферах. Существует и противоположное мнение, согласно которому эта проблема считается надуманной, поскольку теоретически нет ничего «непереводимого». Утверждается, что это явление является осознанным выбором господствующей элиты современного итальянского общества, средств массовой информации, которые прибегают к английским наименованиям, считая их использование более современным и экспрессивным способом выражения мысли.

Противники чрезмерного использования англицизмов ссылаются на опыт промышленной революции конца XIX, начала XX веков, когда тоже совершалось большое число открытий, появлялось много новых понятий, терминов. Но итальянский язык воспользовался собственными приемами словообразования, например, *la lampadina* и *la televisione*, вместо оригинальных английских *la lamp* и *la television*. Стало употребительным слово *la rivoltella* вместо возможного английского *la revolver*. Сегодня же в подобных случаях предпочитают неадаптированные английские формы, например, *smartphone*, а не *smartfono*. Возможно, если бы рекламная кампания в Италии называла смартфоны только *intellifonini* от *telefoni intelligenti* (калька) или *multifonini* (имея в виду *telefonino multimediale*), то эти термины прижились бы довольно быстро и не воспринимались как странноразвучающие.

Заемствования в итальянском языке подразделяются на безальтернативные, вошедшие в язык вместе с новым референтом (*computer, display, hardware, software, driver*), и альтернативные, вошедшие в язык при имеющейся уже исконной лексеме, (*ticket* – имеющий итальянское соответствие ‘*biglietto, buono*’; а также *show, boom, click*, при наличии итальянских эквивалентов ‘*spettacolo, sviluppo economico, schiacciare il puntatore*’, соответственно). Итальянский лингвист А.Теста утверждает, что такого рода англицизмам отдают предпочтение в современной итальянской лингвокультуре благодаря их краткости и емкости, они вошли в разговорный язык через средства массовой информации и пытаются занять место среди исконно итальянских слов. Наиболее подвержены наплыву англицизмов наиболее современные отрасли знаний и технологий, где круг новых понятий и явлений, имеющих итальянское происхождение, ограничен. Это в первую очередь экономическая и компьютерная терминология, мир моды, спорта, косметологии и т. д.:

В информационной сфере *computer, webcam, scanner, touchscreen, modem, password* – слова, не имеющие эквивалентов в итальянском языке.

В экономике и предпринимательской деятельности можно сказать *business, marketing, spread, import-export, manager* – итальянские соответствия существуют, но чаще используются английские слова.

Сегодня в итальянском языке преобладает тенденция не ограничиваться заимствованиями, вызываемыми отсутствием соответствующего собственного наименования предмета или явления, но использовать английские слова, руководствуясь их более «экзотическим» звучанием, там, где можно было бы обойтись без них при наличии итальянских эквивалентов. Например: *trend* ‘*tendenza*’, *partnership* ‘*accordo, collaborazione*’, *performance* ‘*prestazione*’, *background* ‘*formazione, esperienze pregresse*’, *competitor* ‘*concorrente*’, *fake* ‘*falso, bufala*’, *copyright* ‘*marchio di fabbrica*’, и этот список можно продолжить.

Лингвисты все больше уделяют внимания не только англицизмам в форме отдельного слова, но и отношениям между корнями слов английского происхождения, которые образуют целую связную сеть, которая как

щупальцами охватывает собой итальянскую лексику. Две трети английских слов, используемых в итальянском языке, действительно представляют собой сложные слова или выражения, а не изолированные заимствования. По модели *babysitter*, например, сегодня безальтернативно используются *pet sitter*, *dog sitter* или *cat sitter*. Корень *baby* превратился в своего рода приставку, которая живет самостоятельной жизнью и порождает десятки и десятки гибридных слов, своего рода «ассорти» (*babygang*, *babypensionato*, *babycaliatore*, *babycriminale* ...). *Pet sitter* в свою очередь связано с *pet shop* ‘зоомагазин’ (английские *shop* и *store* формируют все более многочисленные семьи слов в итальянском языке).

Это же касается и *food*, вошедшего в итальянский язык в начале 80-ых годов в форме *fast food* (в те времена в газетах еще приводилось пояснение *pasti veloci* ‘быстрая еда’), это слово обслуживает сегодня целый сектор питания: *street food* ‘уличная еда’, *junk food* ‘мусор из остатков продуктов питания’, *truck food* ‘фургон с продуктами питания’, *finger food* ‘еда в бумажной упаковке, которую едят руками’, а также новая мания – обмениваться фотографиями блюд и кушаний в Интернете, называемая «food porn». Между 2008 и 2018 годами появились 15 новых слов, построенных с *food* и только 2 от итальянского *cibo* ‘еда’. Проникли 17 терминов со словом *gender*, а с итальянским *genere* ‘род’ только 13. Здесь мы имеем дело не просто с заимствованиями, но с явлением своего рода соревнования, куда можно включить также многочисленные псевдоанглицизмы (*pile*, *slip*, *smoking*, *footing*, *autostop*, *beauty case*...), которые вновь изобретаются от английских корней, отсутствующих в англоязычных странах.

Все большее число итальянских лингвистов призывают для наименования новых понятий, предметов быстро меняющейся действительности прибегать к созданию неологизмов на основе проверенных практикой способов: фонетических калек (*bistecca* от *beefsteak*) или структурных преобразований (*grattacielo* от *skyscraper*). Возможны понятийные транспозиции, в результате чего английское *bug* ‘жучок, букашка’ в информатике становится в итальянском языке *baco* ‘гусеница’, по звуковому подобию и аналогии. Можно обратиться к уже существующему слову и расширить его значение (*singolo* от *unico* ‘единственный’ превращается также в *scapolo* ‘холостяк’ под влиянием английского *single*). Подобного рода решения помогли бы не нарушать природу итальянской языковой идентичности. К сожалению, если раньше они возникали во многом спонтанно, то сегодня встречаются все реже.

Тем не менее, в последние годы по причине большого распространения информационных знаний и переводных версий наиболее используемых компьютерных программ отмечается все более заметная тенденция к замене не адаптировавшихся англицизмов соответствующими итальянскими аналогами, которые в некоторых случаях начинают преобладать, как, например: *carattere* ‘шрифт’ вместо *font*, *invio* ‘ввод’ вместо *enter*, *salvaschermo* ‘заставка’ вместо *screensaver*.

Замена некоторых англицизмов на итальянские слова является насущной проблемой, чтобы прервать постоянно растущую тенденцию употребления английских слов.

Ю. И. Петракова

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ЭКЗОЦЕНТРИЧЕСКИХ КОМПОЗИТОВ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Немецкий язык, отличаясь любовью к словосложению, предоставляет носителю языка возможность порождать почти бесчисленное количество наименований, которые состоят из двух и более семантически полнозначных компонентов. Порождаемые таким образом имена не однородны по своим структурно-семантическим характеристикам. Так, выделяют детерминативные композиты, члены которых связаны подчинительными отношениями, где один компонент уточняет второй: *die Heilpflanze* ‘лекарственное растение’, *der Papierkorb* ‘корзина для бумаг’. И копулятивные сложные слова, между компонентами которых устанавливаются сочинительные отношения: *der Dichterkomponist* ‘поэт-песенник’, *gelbgrün* ‘желто-зеленый’. Однако в результате словосложения формируются единицы, структурно-семантические характеристики которых представляют определенные трудности при анализе.

Сложные слова типа *der Dickkopf* ‘упрямый человек’ традиционно обозначаются такими терминами, как экзоцентрические композиты, бахуврихи или посессивные композиты, и противопоставляются детерминативным и копулятивным композитам. Однако не все лингвисты соглашались с таким противопоставлением. Так, В. Фляйшер подчеркивает детерминативный характер экзоцентрических композитов, поскольку отношения компонентов внутри синтагмы *das Langbein* ‘долгоногий человек’ и синтагмы *die Langdistanz* ‘длинная дистанция’ по сути идентичны. Различия пролегают в ином, денотативном, измерении: если существительное *die Langdistanz* все еще обозначает дистанцию, то композит *das Langbein* обозначает не ногу, а человека с длинными ногами и может быть отнесен к застывшим конструкциям *pars pro toto*.

С данным мнением можно согласиться: по характеру отношений между конституентами экзоцентрические композиты действительно могут быть отнесены к детерминативному типу, однако необходимо оговорить их особый статус, поскольку для словообразовательного анализа представляется небезразличным, может ли последний член композита фигурировать в синтаксической перифразе в качестве ядра или нет, ср.: *der Rotwein* ‘красное вино’ – *Wein, der rot ist* ‘вино, которое является красным’, *die Rothaut* ‘краснокожий, индеец’ – *jemand, der rote Haut hat* ‘кто-либо, имеющий красную кожу’.

Сопоставление данных перифраз демонстрирует различия между детерминативными и экзоцентрическими композитами. Во второй перифразе появляется новый компонент-ядро, не представленный в структуре композита. Последний же член композита *Haut* включается в описательную часть конструкции. В этой связи, говоря о семантической функции последнего компонента экзоцентрических композитов, нельзя не отметить его двойственный характер: несмотря на то, что эта единица представлена именем существительным, значение предметности размывается. В результате экзоцентрические композиты по своим функциям приближаются к именам прилагательным. Именно эта вторичная семантическая функция, согласно Е. Куриловичу, и является тем маркером, который отличает экзоцентрические композиты от композитов эндоцентрических.

На носителя признака, имплицитно представленного в экзоцентрических композитах, иногда может указывать суффикс *-er* в таких сложнопроизводных существительных, как: *der Dickhäuter* ‘толстокожее (животное)’, *der Linkshänder* ‘левша’. Примечательно, что с точки зрения семантики такие единицы составляют неоднородную группу. Существительные типа *der Dickhäuter*, как и все экзоцентрические композиты без аффикса *-er*, имплицитно посессируют отношения – между признаком и носителем признака. Однако по этой же модели образуется ряд сложных существительных, которые актуализируют, например, **инструментативные** отношения: *der Linkshänder* ‘левша’ – тот, кто **пользуется** левой рукой, а не тот, у кого есть левая рука; **объектные** отношения: *der Falschmünzer* ‘фальшивомонетчик’ – человек, **производящий** фальшивые монеты, а не обладатель фальшивых монет. Поэтому если существительные типа *der Dickhäuter* ‘толстокожее (животное)’, *der Vierbeiner* ‘четвероногое (животное)’ можно отнести к посессирующим композитам, то в отношении слов *der Linkshänder* ‘левша’, *der Falschmünzer* ‘фальшивомонетчик’ и т.п. поступить так было бы неправомерным. Соответственно, в сравнении с термином «экзоцентрические композиты» термин «посессирующие композиты» явно уже по своему содержанию.

Различаются анализируемые композиты и тем, что существительные без словообразовательного аффикса иногда допускают двоякую интерпретацию: единица *der Spitzbart* может служить наименованием как для самой острой бородки, так и для человека с такой бородой. В таком случае, по-видимому, можно говорить уже не только о словосложении, но и о семантической деривации, вследствие которой в семантической структуре композита появляется новое значение – наименование лица. Сложнопроизводные единицы с аффиксом *-er* используются только для номинации носителя признака.

Объединяет же экзоцентрические композиты обоих типов реализация ими одновременно двух типов семантических отношений. Как известно, в деривационных процессах человек, порождая наименования, опирается на такие ассоциативные механизмы как сходство и смежность, что находит отражение в симилиативных, гиперо-гипонимических или импликационных

семантических связях между производящей базой и новым наименованием. Однако в экзоцентрических композитах, в отличие от большинства производных единиц, реализуется сразу два типа связей.

Обратимся к композитам и сложнопроизводным словам, образованным от наименований частей тела: *der Plattbauch* ‘(зоол.) стрекоза плоскобрюхая’ (< *der Bauch* ‘живот’), *das Rotaugen* ‘плотва’ (< *das Auge* ‘глаз’), *das Langbein* ‘длинноногий человек’ (< *das Bein*₂ ‘нога’) и аффиксальными производными *der Dickhäuter* ‘толстокожее (животное)’ (< *die Haut* ‘кожа’), *der Vierbeiner* ‘четвероногое (животное)’ (< *das Bein*₂ ‘нога’) и др. С одной стороны, эти единицы связаны с производящими базами гиперо-гипонимическими отношениями: первый компонент определяет, уточняет второй компонент композита (*platter Bauch* ‘плоский живот’, *rotes Auge* ‘красный глаз’, *langes Bein* ‘длинная нога’). С другой стороны, осуществляется опора на импликационную связь, или смежность, когда животному или человеку как целому предиктируется описываемая часть тела. Вероятно, такая двойная опора избавляет от необходимости называть носителя признаков и составляет специфику экзоцентрических композитов.

Порождение экзоцентрических композитов связано и с другими когнитивными выгодами для именуемого субъекта. Сослаться на некоторые признаки объекта, достаточные с точки зрения говорящего для идентификации, – это простой и экономичный способ назвать данный объект (в большинстве случаев цель такой номинации – люди, животные и растения). Экзоцентрические композиты метонимичны по своей природе, а метонимию многие исследователи характеризуют как категорию ассоциативного, интуитивного, спонтанного мышления, которая обеспечивает быстрый переход от источника к цели номинации.

Таким образом, двойственность экзоцентрических композитов в семантическом аспекте проявляется на уровне когнитивных опор, используемых говорящим при порождении нового наименования, и находит отражение в признаковом характере данных сложных слов.

И. Г. Цеханович

СЕМАНТИКА НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ДАННЫМ КРАУДСОРСИНГОВЫХ И ТРАДИЦИОННЫХ СЛОВАРЕЙ

Появление краудсорсинговых онлайн-словарей (т. е. лексико-графических интернет-платформ, где любой пользователь сети может опубликовать лексическую единицу и её толкование), природа которых противопоставлена традиционным, созданным профессиональными лексикографами, словарным ресурсам, открывает широкие перспективы изучения семантики лексических единиц с позиций рядовых носителей языка. Сравнительный

анализ лексических значений слов по данным дефиниций двух лексикографических парадигм – профессиональной и обыденной – может предоставить важнейшие сведения об особенностях метаязыковой деятельности рядовых носителей языка и профессиональных лингвистов.

Цель данного исследования – выявить особенности репрезентации лексического значения единиц в двух типах лексикографических источников: профессионально созданных и любительских. Материалом исследования стали обыденные толкования основного значения единиц «*man*» и «*woman*», отобранные из одного из самых больших и популярных краудсорсинговых словарных ресурсов, которым является Urban Dictionary. Количество дефиниций к слову «*man*» составило 105, к слову «*woman*» – 162. Источниками профессионально созданных дефиниций стали одноязычные американские и английские словари в их онлайн-версиях:

- 1) American Heritage Dictionary of the English Language;
- 2) Cambridge Dictionary;
- 3) Collins English Dictionary;
- 4) Macmillan Dictionary;
- 5) Merriam-Webster Dictionary;
- 6) Longman Dictionary of Contemporary English;
- 7) Oxford Learner's Dictionary;
- 8) Random House Dictionary.

В результате анализа полученного материала был выявлен ряд специфических и универсальных характеристик семантизации наименований лиц. Во-первых, профессиональные лексикографы немногословны в стремлении реализовать принцип экономичности толкований. Среднее количество слов в дефинициях составляет 5 для двух вокабул. Рядовые же носители языка игнорируют данный постулат традиционной одноязычной лексикографии и в свободной форме, не стесненной необходимостью в сжатом виде раскрывать значения толкуемых лексем, описывают их семантику. Так, среднее число входящих в обыденные дефиниции слов составляет 13 для «*woman*» и 34 для «*man*».

Во-вторых, в профессионально созданных дефинициях наблюдается высокая степень унификации: лексикографы следуют единой модели толкования значений исследуемых единиц и репрезентируют два типа информации: темпоральный (сведения о возрасте) и биологический (сведения о половой принадлежности): *man* – *an adult male human*; *woman* – *an adult female human*. Вариативность толкований в профессиональном лексикографическом дискурсе наблюдается лишь при выборе классификаторов (*human*, *human being*, *person*), которые, вместе с тем, относятся к одному иерархическому уровню – суперординатному. В обыденных толкованиях семантика исследуемых единиц раскрывается при помощи широкого спектра типов информации о поименованных лексемами субъектах (табл. 1).

Типы информации, используемые при описании семантики единиц «*man*» и «*woman*» в двух лексикографических парадигмах

Типы информации	Профессиональные словари		Краудсорсинговые словари	
	<i>man</i>	<i>woman</i>	<i>man</i>	<i>woman</i>
Биологический	100 %	100 %	36 %	65 %
Локативный	—	—	—	7 %
Перцептивный	—	—	6 %	6 %
Поведенческий	—	—	33 %	16 %
Психологический	—	—	15 %	12 %
Систематизирующий	—	—	18 %	35 %
Социальный			14 %	10 %
Темпоральный	100 %	100 %	3 %	7 %
Утилитарный	—	—	—	15 %

Как свидетельствуют данные таблицы, раскрывая семантику анализируемых слов, рядовые носители языка чаще всего используют биологический тип информации. Причем, если в традиционных словарях данный тип представлен однообразно – указанием гендерной принадлежности – то в дефинициях краудсорсингового словаря спектр информации этого типа шире: помимо возраста, упоминаются сведения о физиологических особенностях строения тела, физической силе: *man* – ... *man is the gender class with the most physical strength* При толковании слова «*woman*» кроме этого сообщается информация о физиологических особенности функционирования женского организма, а также о способности производить потомство: *Some women can create new life, unlike men, whose only skill is getting a new wife*.

Поведенческий тип – следующий по частоте использования при толковании слова «*man*»: авторы словарных статей описывают типичную модель поведения: *man* – *Never waste their time, they do everything with a purpose*; *man* – *The person who makes the mess, not clean it up.... Eats the sandwich. Drives well if not asian. Enjoys a nice week of not showering*; времяпрепровождение: *a special species of primate that likes to touch itself, consume alcohol in place of water, have sex nonstop, smoke like trains*. Для раскрытия значения «*woman*» носители языка считают важным сообщить систематизирующий тип информации, когда толкование осуществляется сквозь призму противопоставления с противоположным полом: *When compared to a man, a woman is less aggressive and violent, less sadistic, less anti-social, less narcissistic, better in school and college*. Психологический тип информирует о характере, эмоциональном состоянии, интеллектуальных способностях: *man* – *They get angry a lot and they are very crazy!* Социальный

тип представлен сведениями о межличностных отношениях, об отношении к субъектам, поименованным анализируемыми словами, в социуме: *woman – have been oppressed by the cowardice on men for so many years since those parasitic ... men knew well if given the same opportunities, they'd have no chance of winning against a woman in any way*. Для носителей языка не релевантной оказалась информация о возрасте, в отличие от профессиональных лексикографов. Примечательно, что, раскрывая значение «*woman*», носители языка сообщают локативный (*A girl that lives in the kitchen and makes sandwiches for gamer boys*) и утилитарный (*The one who makes the food. And cleans*) типы информации, которые не выявлены при толковании «*man*».

Таким образом, проведенное исследование выявило как общие (профессиональные лексикографы и рядовые носители языка важным параметром при описании семантики единиц считают биологический), так и специфические черты (в обыденных толкованиях выявлен широкий спектр типов информации, в отличие от профессионально созданных), свойственные семантике наименований лиц в двух типах дискурса. Обыденные толкования субъективны, в некоторой степени эгоцентричны, ориентированы на внутренний мир, опыт автора словарной статьи, в то время как дефиниции в профессиональном лексикографическом дискурсе стремятся к объективности, унификации, ориентированы на самую широкую аудиторию.

А. Шуманская, Л. М. Лещёва

АНГЛИЙСКИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ MAN ‘МУЖЧИНА’ И WOMAN ‘ЖЕНЩИНА’ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ

Вопросы системности лексики, лексические презентации в индивидуальном ментальном лексиконе не сходят с повестки дня лингвистики и смежных наук уже столетие, а особенно интенсивно они стали исследоваться с развитием психолингвистики и когнитологии во второй половине прошлого столетия. Тем не менее, остаются недостаточно изученными вопросы сопоставительного анализа лексических средств в разных языках, именующих определенные, достаточно универсальные концепты, а также их презентации в словарях и ментальном лексиконе носителей языка.

В данном исследовании были изучены англоязычные номинативные единицы, именующие концепты MAN ‘мужчина’ и WOMAN ‘женщина’, представленные в идеографических словарях, а также вербальные реакции носителей английского языка на центральные единицы этой группы номинативных единиц – существительные *man* ‘мужчина’ и *woman* ‘женщина’.

С целью установления корпуса англоязычных единиц, именующих данные универсальные концепты, были использованы два идеографических словаря: традиционный тезаурус П. Роже (Roget's Thesaurus of English Words and Phrases) и современный электронный тезаурус WordNet, а также выполнен психолингвистический эксперимент с носителями английского языка.

Результаты анализа корпуса данных, выбранных из указанных лексико-графических источников, показывают значительное количественное преобладание (в 1,4 раза) англоязычных субстантивных лексем, именующих концепт WOMAN 'женщина' (142), над количеством имен существительных, именующих концепт MAN 'мужчина' (104).

Лексико-семантическая организация двух полей антонимических существительных во главе с их центральными единицами *man* 'мужчина' и *woman* 'женщина' в целом является одинаковой: в каждом поле устанавливаются, наряду с некоторыми специфическими названиями, 3 общие лексико-семантические группы (далее ЛСГ) либо с прямыми, либо с переносными названиями лиц мужского / женского пола, а также субстантивные формы обращения к мужчине / женщине.

Самыми многочисленными из них являются ЛСГ, единицы которой прямо именуют лица мужского и женского пола (соответственно 50 и 78 субстантивных номинативных единиц).

Далее по численности следует ЛСГ, имена существительные которых не только именуют, но и характеризуют лица мужского и женского пола: они являются семантическими дериватами зоонимов, мифических существ, предметов одежды (43 характеризующих семантических деривата для обозначения мужчин и 56 – для женщин).

Третьей по численности выступает ЛСГ, включающая единицы формального обращения к мужчине (11 номем) и женщине (8 номем).

Сопоставительный анализ организации двух ЛСГ англоязычных номинативных единиц, именующих лица мужского / женского пола, позволил увидеть их общие черты: они именуют мужчин / женщин определенного возраста (*young man* 'молодой человек'; *young woman* 'молодая женщина'), семейного положения (*bachelor* 'холостяк'; *bachelorette* 'преим. ам. и канад. холостячка'), социального статуса (*gentleman* 'мужчина знатного происхождения'; *gentlewoman* 'женщина знатного происхождения' *gentlewoman* 'дворянка') и моральных качеств (*womanizer* 'бабник'; *minx* 'груб. распутница').

При этом количественный состав данных подгрупп может различаться.

Большее количество существительных (8) (*wife* 'жена'; *virgin* 'девушка'; *bachelor girl* 'холостячка'; *old maid* 'старая дева'; *spinster* 'старая дева'; *married woman* 'замужняя женщина'; *matron* 'замужняя женщина'; *dowager* 'вдова') именуют семейное положение женщины (ср. 4 для аналогичного статуса мужчины (*husband* 'муж'; *master* 'глава семьи'; *beau* 'бойфренд'; *married man* 'женатый человек')). Особенно заметны количественные различия в группе номинативных единиц, именующих моральные качества человека: 5 – для женщин (*courtesan* 'куртизанка'; *wench* 'разг. проститутка'; *new woman* 'современная женщина'; *good woman* 'порядочная женщина'; *goody* 'разг. добродетельная женщина') и 1 – для мужчин (*good man* 'порядочный человек'). Количество единиц, именующих возраст женщины (7) (*woman* 'женщина'; *female* 'взрослый человек женского пола'; *girl* 'девушка'; *dame* 'пожилая женщина'; *lady* 'леди'; *gammer* 'разг. бабушка'; *wench* 'разг.

Молодая девушка') и мужчины (8) (*man* 'мужчина'; *male* 'взрослый человек мужского пола'; *boy* 'мальчик'; *fellow* 'разг. парень'; *chap* 'разг. парень', *gaffer* 'разг. старик'; *youth* 'юноша'; *guy* 'разг. парень') примерно одинаково.

Согласно данным психолингвистического эксперимента, проведенного посредством интернета, в вербальных реакциях носителей языка на стимулы *man* 'мужчина' и *woman* 'женщина', в каждом лексическом поле присутствуют номинативные единицы 2 указанных выше общих ЛСГ (отсутствуют группа единиц формального обращения к мужчине и женщине и, естественно, сокращенные варианты их написания).

В отличие от лексической системы языка, в ментальном лексиконе самыми многочисленными оказались ЛСГ имен существительных, характеризующих лица мужского и женского пола (соответственно 28 и 52 субстантива). Далее по количеству следуют ЛСГ, прямо именующие лица мужского и женского пола (соответственно 35 и 30 субстантивных наименований).

Кроме данных 2 групп, среди вербальных реакций респондентов существует многочисленная группа номинативных единиц, называющих ближайшие ассоциации с мужчиной / женщиной', отражающих сложенный в индивидуальном и национальном сознании их образ. Они называют черты характера мужчин (*decisiveness* 'решительность'; *brutality* 'брутальность'; *dignity* 'благородство'; *manhood* 'мужественность'; *purposefulness* 'целеустремленность'; *briskness* 'живость, бойкость') и женщин (*beneficence* 'благоедеяние, милосердие'; *compassion* 'жалость, сострадание'; *confidence* 'уверенность'; *conscientiousness* 'добросовестность, честность'; *directness* 'откровенность'). Называются также ближайшие ассоциации-субстантивы, связанные с различными ситуациями жизни мужчин (29: *dating* 'свидание' (4); *betrayal* 'предательство, измена' (3); *kiss* 'поцелуй' (2); *sex* 'секс' (2); *barbecue* 'барбекю'; *guitar* 'гитара', *vows* 'клятвы' и др.) и женщин (13: *dating* (3) 'свидание'; *sex* (2) 'секс'; *flirt* 'флирт', *insta stories* 'сториз в Инстаграм'; *intimacy* 'интимность, близость'; *spiritual signs* 'духовные означенования'; *vibration level* 'уровень вибрации' и др.).

Таким образом, комплексное рассмотрение антонимических английских существительных *man* 'мужчина' и *woman* 'женщина' в системе языка (на основе идеографических словарей) и в индивидуальном ментальном лексиконе (психолингвистический эксперимент) позволило установить их общие и отличительные семантические характеристики.

Результаты проведенного ассоциативного эксперимента, отражающие спонтанные реакции респондентов, носителей английского языка, обусловленные их личным и социальным лингвокультурным опытом, выявили не только количественную специфику лексикографической и ментальной презентаций лексико-семантической информации концептов MAN 'мужчина' и WOMAN 'женщина' (ср. соотв.: 104 и 142 субстантивных лексем для их презентации в тезаурусах и 92 и 95 – в ментальном лексиконе), но и различия в принципах их устройства: если для идеографического словаря более важна структурно-семантическая организация номинативных единиц, то для ментального лексикона – его ассоциативно-фреймовая и аксиологическая организация.

БЕЛАРУСКАЯ МОВА І ЛІТАРАТУРА

В. У. Барысенка

ФАРМІРАВАННЕ НАВЫКАЎ АЎДЫЯВАННЯ НА СЯРЭДНІМ ЭТАПЕ НАВУЧАННЯ БМЗ

Распазнаванне вуснага маўлення, або аўдыяванне, у плане навучання гэтаму віду маўленчай дзейнасці ўяўляе сабой пэўную вучэбную і метадычную праблему. Навучанне БМЗ прадугледжвае авалоданне чатырма відамі маўленчай дзейнасці: аўдыяваннем, маўленнем, пісьмом і чытаннем, што дае магчымасць дасягнуць асноўную камунікатыўную мэту – фарміраванне беларускамоўнай камунікатыўнай кампетэнцыі. Як вядома, паняцце аўдыявання ўключае працэс успрымання і разумення маўлення на слых. Гэты від маўленчай дзейнасці часта выклікае цяжкасці ў навучанні, на любым этапе навучання. Аўдыяванне цесна звязана з вусным маўленнем. Чым больш аўтаматызаваныя ў вуснай практыцы маўленчыя комплексы, тым лягчэйшым будзе разуменне іх верагодных спалучэнняў пры праслухоўванні дыялогаў і маналогаў. Аднак адсюль не вынікае, што навучанне гаварэнню аўтаматычна вучыць і аўдыяванню. На пачатковым і нават на сярэднім этапе навучання маўленчыя мадэлі навучэнцаў не адпавядаюць у дастатковай ступені аўтэнтычным маўленчым узорам носбіта мовы, што выклікана аб’ектыўнымі і суб’ектыўнымі прычынамі: студэнты не маюць беларускамоўнага асяроддзя, выкладчык часта адаптуе сваё маўленне да ўзроўню моўнай падрыхтоўкі навучэнцаў. Актуальнасць навучання аўдыяванню вынікае з таго, што гэта складнік адэкватнай камунікацыі на беларускай мове і гэты від маўленчай дзейнасці ўключаны ў сертыфікацыйны экзамен па БМЗ. Каб паспяхова справіцца з тэстам па аўдыяванні, трэба здагадацца аб значэнні слоў па словаўтваральных элементах і ўмець абстрагавацца ад незнаёмай лексікі, якая не перашкаджае разуменню тэксту.

ДУА “Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы” (аўтары: Л. І. Сямешка, В. У. Барысенка, Л. С. Кныш, С. М. Якуба) распрацаваны Стандарты экзаменацыйных патрабаванняў да ўзроўняў валодання беларускай мовай як замежнай на падставе Адукацыйнага стандарту Рэспублікі Беларусь па беларускай мове як замежнай. Гэты адукацыйны стандарт вызначае мінімальныя абавязковыя патрабаванні да ўзроўняў агульнага валодання беларускай мовай як замежнай. Ён складае аснову Дзяржаўнай сістэмы сертыфікацыі нага тэсціравання замежных грамадзян па беларускай мове. Прызначаны як для складальнікаў тэстаў, тэстараў, выкладчыкаў, аўтараў вучэбных дапаможнікаў, адміністрацыі вышэйшых устаноў адукацыі, спецыялістаў у галіне міжнароднай адукацыі, так і для карыстальнікаў / замежных навучэнцаў, якія вывучаюць беларускую мову.

Кандыдаты, якія здаюць экзамен на ўзроўні В1, павінны разумець найбольш важны змест і інтэнцыі, выказаныя простым спосабам, у вусных і пісьмовых тэкстах, звязаных з паўсядзённым побытам, сямейным жыццём і вольным часам; умеюць карыстацца беларускай мовай у тыповых камунікатыўных сітуацыях, выступаючы ў акрэсленых камунікатыўных ролях. Могуць самастойна напісаць аб'яву, запрашэнне, пажаданне, тэкст на агульную ці папулярную тэму, а таксама на тэмы, звязаныя са сферай уласнай дзейнасці. Умеюць апісаць падзею, расказаць пра сваё захапленні, досвед, мары і планы, выказаць і абгрунтаваць сваё меркаванне. Умеюць карыстацца базавымі афіцыйнымі і неафіцыйнымі формамі беларускага маўлення ў залежнасці ад сітуацыі. Ведаюць і прымяняюць найважнейшыя сацыяльна-культурныя правілы камунікацыі на беларускай мове. Недахопы, з пункту гледжання бегласці маўлення, вымаўлення гукаў, інтанацыі слоўнікавага запasu, граматычнай карэктнасці і арфаграфіі, не замінаюць істотна камунікацыі.

Стандарт апісвае складнікі камунікатыўнай кампетэнцыі і ўменні, якія патрабуюцца ад кандыдатаў. Дастатковымі ўменнямі ў галіне аўдыявання з'яўляецца разуменне асобных выказванняў у рамках дыялогу, а таксама невялікіх па аб'ёме маналагічных тэкстаў, выказаных на літаратурнай мове; разуменне камунікатыўных інтэнцый і галоўнай ідэі тэксту (агульнае разуменне), магчымасць успрымаць і разумець канкрэтную інфармацыю, якая ўтрымліваецца ў выразна структураваным маўленні (дэталёвае разуменне). Маўленне ажыццяўляецца ў звычайным тэмпе ў добрых (аднак не ідэальных) акустычных умовах і з захаваннем стандартнага вымаўлення і інтанацыі. Запісы тэкстаў для экзаменацыйных заданняў могуць быць адмыслова распрацаванымі (студыйнымі) ці аўтэнтычнымі (фрагменты з радыё- і тэлепраграм і фільмаў).

Стандарт акрэслівае тыпы тэкстаў для экзаменацыйнага аўдыявання: асобныя інтэнцыйныя і тэматычныя выказванні; кароткія інтэнцыйныя ці тэматычныя дыялогі (напрыклад, тэлефонная размова); фрагменты з дыялогаў (напрыклад, простае абмеркаванне пэўнай тэмы, агульнай для ўдзельнікаў размовы); больш доўгія інтэнцыйныя выказванні (напрыклад, абгрунтаванне ўласнага меркавання, паведамленне пра падзеі, выказванне думкі па пэўнай тэме, параўнанне людзей, падзей); больш працяглыя тэматычныя выказванні (напрыклад: апавед пра сябе, апісанне, характарыстыка каго/чаго-небудзь, меркаванне па пэўнай тэме); кароткія фрагменты радыё- і тэлевізійных праграм, звязаныя з паўсядзённым побытам і інтарэсамі кандыдатаў. Кандыдат павінен разумець, у якіх камунікатыўных ролях выступаюць удзельнікі дыялогаў: незнаёмы, знаёмы; калега, сябар; сямейнік; навучэнец; госць; турыст; пакупнік, прадавец; пацыент; глядач, слухач, чытач і інш.

На экзамен адводзіцца 30 хвілін. Тыпы заданняў – гэта тры маналогі (аб'ём 1 і 2 маналогаў – 200 – 300 слоў), аб'ём 3-х тэкстаў – 600–700 слоў) і 15 заданняў на выбар 1 з 3-х варыянтаў. Тры тэксты- дыялогі (па 12 рэплік) і заданні на выбар 1 з 3-х варыянтаў.

Такім чынам, гэта асноўныя вынікі, да якіх трэба прыйсці на сярэднім этапе навучання БМЗ. Гэта мэта выкладчыка і навучэнцаў. Адно з найважнейшых пытанняў выкладання БМЗ, не толькі за мяжой, але, на жаль, і ў Беларусі, з'яўляецца стварэнне штучнага беларускамоўнага асяроддзя, якое прадугледжвае не толькі магчымасць выказвання на беларускай мове, але і атрымання інфармацыі – гэта значыць разумення маўлення. Праца над аўдыяваннем няпроста даецца навучэнцам, патрабуе ад іх напружанай псіхічнай дзейнасці, неабходнасці пастаяннай канцэнтрацыі ўвагі. Таму вельмі важная практычная задача выкладчыка – стварэнне спрыяльных умоў для аўдыявання, прымяненне метадаў і тэхналогій, якія дазваляюць інтэнсіфікаваць працэс у максімальна зручнай і цікавай навучэнцам форме, выкарыстанне аўтэнтычных матэрыялаў. Паколькі навучальна-метадычны комплекс па БМЗ яшчэ толькі ствараецца, выкладчыку прыходзіцца самому шукаць адпаведныя ўзроўню навучэнцаў матэрыялы ў інтэрнэце, распрацоўваць перадтэкставыя і паслятэкставыя практыкаванні. Перад праслухоўваннем тэкстаў можна прапанаваць скласці асацыяграмы, размясціць малюнкi да тэксту ў правільным парадку; падабраць да кожнага малюнка адпаведную фразу; падзяліць тэкст на сказы і размясціць у правільным парадку. Падчас праслухоўвання правяраецца правільнасць выканання заданняў, якія выконвалі перад праслухоўваннем тэксту. Могуць быць прапанаваныя лікавыя/літарныя дыктоўкі; падкрэсліць пачутыя словы (заданні на развіццё фанематычнага слыху), візуальныя дыктоўкі (паказаць дзе – што знаходзіцца, паказаць маршрут); запоўніць пропускі ў тэксце словамі; адзначыць правільную – няправільную інфармацыю). Пасля праслухоўвання прапануецца адказаць на пытанні, выказаць уласнае меркаванне. Неабходна выкарыстоўваць заданні 2-х відаў: аўдыяванне з поўным разуменнем усяго зместу і сэнсу матэрыялаў і аўдыяванне з разуменнем толькі асноўнага зместу і сэнсу.

Тэлеперадачы, урыўкі з анімацыйных і мастацкіх фільмаў, нават прагноз надвор'я – усё гэта з'яўляецца крыніцай аўтэнтычнай аўдыё- і відэаінфармацыі і можа быць выкарыстана на занятках.

Сістэматычнае выкарыстанне аўдытыўных практыкаванняў забяспечвае эфектыўнае навучанне рэцэптыўным навыкам, бо менавіта аўдыятэксты ствараюць ілюзію далучэння да натуральнага беларускамоўнага асяроддзя, знаёмяць навучэнцаў з культурным і паўсядзённым жыццём Беларусі, дапамагаюць павысіць матывацыю да вывучэння БМЗ.

І. А. Бурдзялёва

КАНФЛІКТ КАМУНІКАЦЫЙ У БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ ХІХ СТАГОДДЗЯ

Цягам апошніх дзесяцігоддзяў беларускае літаратуразнаўства абсалютна правамерна сцвярджала прыналежнасць да айчыннай літаратуры ХІХ стагоддзя польскамоўных твораў пісьменнікаў, урадженцаў Беларусі, справядліва

падкрэсліваючы пры гэтым «двухмоўнасць, двухбаковасць, двухкрайнасць, двухадзінства, а не раздвоенасць літаратурнага працэсу і творчасці асобных паэтаў» (У. І. Мархель). Але каб зразумець асаблівасці станаўлення новай беларускай літаратуры, варта ўлічваць і шматвектарнасць, рознаскіраванасць літаратурных тэндэнцый, што прыводзіла да канфлікту камунікацый і абумоўлівала складанасці фарміравання і далейшага функцыянавання беларускай літаратуры.

Наяўнасць у любой нацыянальнай літаратуры адрозных дыскурсаў – з’ява натуральная і заканамерная. Яна абумоўлівае разнастайнасць літаратурнага працэсу, стварае розніцу патэнцыялу, неабходную для дынамікі яго развіцця. XIX стагоддзе ў гісторыі Беларусі пазначана найважнейшымі працэсамі: гэта пачатак фарміравання беларускай нацыі і новай беларускай літаратуры як эстэтычна самастойнай з’явы. Не проста разнастайнасць, а рознаскіраванасць вектараў развіцця новай літаратуры было абумоўлена знаходжаннем Беларусі на культурна-цывілізацыйным памежжы, тым, што перад літаратарамі і дзеячамі культуры заўсёды стаяў цывілізацыйны выбар. Гэта прыводзіла да суіснавання на полі айчыннай культуры і літаратуры цалкам адрозных, часам супрацьлеглых тэндэнцый і з’яў.

Варта адзначыць, што нашы пісьменнікі-білінгвы, нават адчуваючы прыналежнасць да аднаго літаратурнага працэсу, абапіраючыся на польскія літаратурныя традыцыі і адначасова чэрпаючы поўнай жменнай з беларускага фальклору, падзялялі край як дзве тэрытарыяльныя прасторы – Літву і Беларусь (назвы ўжываюцца ў гістарычным сэнсе), што і сёння існуе ў неафіцыйным падзеле на «ўсходнікаў» і «заходнікаў». Ян Чачот, якому пасля ссылкі спачатку дазволілі пасяліцца ў Лепелі, не лічыў сябе цалкам на радзіме. Гэтаксама і Тамаш Зан, набыўшы маёнтак Кахачын на Магілёўшчыне, сумуе па сваёй малой радзіме, Літве. А. Міцкевіч з Парыжа паведамляў ў Чылі І. Дамейку: «У Зана вёсачка ў Беларусі». Каб патрапіць з Мінска у Беларусь, трэба здзейсніць сапраўднае падарожжа, як гэта апісана ў «Літаратурных клопатах» В. Дуніна-Марцінкевіча. У спісе А. Рypінскага з 55 пісьменнікаў, «якія нарадзіліся на Белай Русі, або таксама пісалі пра яе на абедзвюх мовах нашай правінцыі,» амаль атсутнічаюць літаратары з Літвы, заходняй часткі нашай краіны. У творчасці пісьменнікаў фігуруюць і розныя сакралізаваныя «domowy rzeki»: для А. Міцкевіча, паэтаў філамацкага кола, Адэлі з Устроіні, У. Сыракомлі гэта Нёман, які ўспрымаўся як калыска ліцвінскіх ідэй, ліцвінскага патрыятызму, сімвал нацыянальнай самавітасці. Для літаратараў з усходняй часткі краіны падобнай увагай надзелена Дзвіна. Але пры ўсёй моўнай і тэрытарыяльнай двухаблічнасці нашай тагачаснай білінгвальнай літаратуры яна мае агульны ідэйны падмурак, агульную аксіялагічную базу – рэчпаспалітаўскі патрыятызм у спалучэнні з патрыятызмам «краёвым», акрэсленым межамі ўсёй Літвы-Беларусі, і гэты апошні будзе набіраць вагу і ўзрастаць на працягу ўсяго XIX стагоддзя.

Разам з тым, хаця бы адносная гамагеннасць грамадства, а разам з тым культурнага і літаратурнага жыцця на цывілізацыйным памежжы – з’ява амаль немагчымая. Рознавектарны геапалітычны выбар вызначыў супрацьстаянне дзвюх канфесій: праваслаўнай і каталіцкай, носьбітаў розных

культурных і духоўных каштоўнасцяў. Гэта абумовіла ўплыў на фарміраванне айчыннай літаратуры XIX стагоддзя моцных палёў польскай і рускай культуры. Письменнікі-аднагодкі і землякі У. Сыракомля і П. Шпілеўскі, сын праваслаўнага святара, пры ўсёй шчырай любові аднаго да Літвы, другога да Беларусі выступаюць хутчэй як дзве супрацьлегласці. Дастаткова супаставіць «Вандроўкі па маіх былых ваколіцах» У. Сыракомлі і «Падарожжы па Палессі і беларускім краі» П. Шпілеўскага, каб пабачыць у аўтарах носьбітаў розных культурных каштоўнасцяў і норм, а ў літаратурнай прасторы Літвы-Беларусі наяўнасць рознаскіраваных тэндэнцый, якія цяжка аб'яднаць і дасягнуць нейкага кансэнсусу.

Культурна-літаратурная прастора складаецца з шэрагу падсістэм, з культурных прастораў розных супольнасцяў. Станаўленне новай беларускай літаратуры распачалося ва ўмовах поўнага камунікатыўнага правалу паміж апалячанай шляхтай, дэнацыяналізаванай адукаванай часткай насельніцтва, і сялянствам. Мабыць, нідзе не было такой глыбокай прорвы паміж вышэйшымі сляямі грамадства і сялянствам, як на нашай зямлі. Глыбокі раскол праходзіў на саслоўным, моўным, канфесійным, культурна-эстэтычным узроўні, выклікаў сур'ёзны камунікатыўны канфлікт пры ўзаемадзеяннях паміж гэтымі сацыяльнымі пластамі, які адбываўся апрача сацыяльнага ўзаемаадмаўлення на аксіялагічнай, кагнітыўнай, псіхалагічнай, культурна-эстэтычнай глебе. Беларускі селянін быў тым Іншым, які заўсёды існаваў побач, але для шляхты па ўсіх параметрах быў інакшым. Невыпадкова М. Каяловіч, ідэолаг заходнерусізму, пісаў пра беларускага селяніна: «Пакінуты грамадствам, якое ў сваю чаргу пакінула сваю народнасць, — грамадствам, у руках якога была калісьці і ўлада, і сіла, ён цярэў моўчкі і ніхто не чуў яго стогнаў». Калі працэс нацыянальнага самавызначэння шляхты ўскладняўся адначасовым атаясамліваннем сябе з палякамі і ліцвінамі адначасова (адно паняцце служыла палітонімам, другое этнонімам), то ў селяніна ўвогуле доўгі час не было вызначана імя. А. Міцкевіч на лекцыях па гісторыі славянскіх літаратур у Калеж дэ Франс казаў: «На беларускай мове, якую называюць русінскай альбо літоўска-русінскай, таксама размаўляе каля дзесяці мільёнаў чалавек...» Або: «З усіх славянскіх народаў русіны, гэта значыць сяляне Пінскай, часткова Мінскай і Гродзенскай губерняў, захавалі найбольшую колькасць агульнаславянскіх рысаў». Больш таго, ідэалогія сарматызму падтрымлівала ў шляхты погляд на ўласнае сялянства, як да прадстаўніка чужога народу. Э. Т. Масальскі ў рамане «Пан Падстолиц», робячы агляд гаротнага становішча сялянства, справядліва крытыкуе памылковы погляд некаторых землеўласнікаў, што сяляне — іншы народ, якога шляхта некалі заваявала і запыгоніла.

У літаратуры дыскурсіўны дысананс прыводзіў да канфлікту камунікацый паміж рознымі сацыяльна-культурнымі сляямі і, разам з тым, падштурхоўваў да яго пераадолення, стымуляваў пошук «агульных месцаў» для паразумення. Гэта ўзаемадзеянне паміж культурнымі супольнасцямі, наладжванне культурна-літаратурнага дыялогу пачалося з гуманістычна-асветніцкіх памкненняў, асэнсавання невычэрпных багаццяў народнай твор-

часці, выкарыстання яе здабыткаў у аўтарскіх творах, і, ўрэшце прывяло нашых аўтараў да беларускамоўнай мастацкай творчасці. Спроба развязання канфлікту паміж абедзвюма культурнымі сістэмамі нарадзіла стратэгічную двухпланавасць творчасці аўтараў. Калі польскамоўныя творы прызначалася да спажывання адукаванай шляхтай і арыентавалася на вопыт мастацкай літаратуры, то беларускамоўныя творы адрасаваліся сялянству і абапіраліся на фальклорную аснову і традыцыі народнага вершаскладання. Такім чынам пісьменнік імкнуцца пазбегнуць ўзаемнага непаразумення на этапах перадачы сэнсаў, дэкадзіроўкі мастацкіх вобразаў і паняццяў паміж гэтамі вельмі далёкімі сацыяльнымі пластамі.

Бадай, першым, хто з такіх пазіцый звярнуўся да селяніна, быў Я. Чачот. Выдаючы «Сялянскія песні», ён спадзяваўся павялічыць узаемную прыхільнасць пана і селяніна, садзейнічаць сацыяльнай згодзе і гарманізацыі грамадства. Сваю мэту В. Дунін-Марцінкевіч таксама дэкларуе як асветніцкую, накіраваную на дасягненне грамадскага міру і міжчалавечай згоды. Але ў адрозненне ад свайго папярэдніка Дуніну-Марцінкевічу ўдалося стварыць характар беларускага селяніна. З аб'екта асветніцкай дзейнасці аўтара селянін пераўтварыўся ў суб'екта мастацкага свету пісьменніка. Дзякуючы паўнавартаснасці беларускамоўнай творчасці Дуніна-Марцінкевіча і яе раўназначнасці з польскамоўнай, беларускі селянін побач са шляхтай становіцца паўнапраўным літаратурным героем. Такім чынам Дунін-Марцінкевіч выступае не проста як спадкаемца і прадаўжальнік асветніцкай місіі Чачота, але і пераводзіць яго пачынанне на якасна іншы ўзровень. З Дуніна-Марцінкевіча, аўтара друкаваных беларускамоўных твораў, па-сапраўднаму распачалося мастацкае набліжэнне да селяніна, асэнсаванне яго як нечага значнага і самакаштоўнага. Творчасць Ф. Багушэвіча падвяла своеасаблівую выніковую рысу пад двухпланавасцю творчасці яго папярэднікаў. У праграмнай прадмове да «Дудкі беларускай» ён аб'яднаў усе беларускія землі пад адной назвай, сцвердзіў беларускую мову як нацыянальную і звернуўся на ёй не толькі да сялянства, але да ўсіх «дзяцей Зямлі-маткі маёй», памкнуўся спалучыць літаратурную і фальклорную традыцыі ў сваёй беларускамоўнай творчасці.

Яднанне рознародных дыскурсаў, пошук агульнага вектара – справа далейшай літаратуры, але раскрыжаванне Беларусі паміж цывізацыйнымі парадыгмамі нікуды не дзелася. Яно нараджае новыя праблемы камунікацыі.

М. М. Воінава-Страха

ВІДЫ ЭКЗІСТЭНЦЫЙНЫХ МАДЭЛЕЙ У МАЛОЙ ПРОЗЕ А. БРАВА І Д. ЛЕСІНГ

Канцэптуальнасць і маштабнасць творчай спадчыны мастака слова, як слушна заўважыў айчынны літаратуразнаўца П. Васючэнка, вызначаецца яго ўнікальнай магчымасцю не толькі «алітаратурвання» жыцця, але і пераства-

рэння, мадэлявання чалавечых лёсаў. Існаванне літаратурных герояў у цесным узаемадзеянні з хранатопам у рамках мастацкага твора *пры наяўнасці абагульнення, іншасказальнасці і некаторай фармалізацыі выглядае як экзістэнцыйная мадэль* (П. Васючэнка). Навукоўца вылучае наступныя віды мадэлей існавання: лінейная (падарожжа, шлях), цыклічная (кола), дыскрэтная (прарыў кола), энтрапічная (разлад), новарамантычная ці вертыкальная (палёт).

Творчасць англійскай пісьменніцы, лаўрэата Нобелеўскай прэміі Дорыс Лесінг і прадстаўніцы беларускага мастацтва слова Алены Брава вылучаецца спецыфікай стварэння «жаночых» экзістэнцыйных мадэлей. Увага аўтараў скіравана на даследаванне ў мастацкай прасторы тоеснай праблемы – існаванне гераінь у сітуацыі, калі асобаснае «я» знаходзіцца ў няспыннай канфрантацыі з сацыяльна абумоўленымі стэрэатыпнымі формамі жаночай самарэалізацыі. Як вынік, і Д. Лесінг, і А. Брава дэманструюць шляхі пошуку балансу быцця ва ўмовах, якія вымагаюць вырашэнне шэрагу жыццёва значных пытанняў: адказнасць за сваю і чужую будучыню, усведамленне каштоўнасці ўласнага існавання і важнасці сямейна-родавай пераемнасці, пераасэнсаванне зместу быцця на розных каардынатах прасторава-часовага вымярэння, неабходнасць змагання за права выжыць, адчужанасць і адзінота ў соцыуме і інш.

Так, Д. Лесінг звяртаецца да аналізу жаночай экзістэнцыі ў яе эвалюцыі. Зыходны пункт гэтага працэсу прадстаўлены ў нацеле *To room nineteen*. Жыццёвая лінія галоўнай гераіні разгортваецца ў традыцыйным рэчышчы ў адпаведнасці з базавымі складнікамі аксіялагічнай сістэмы, згодна з якімі сям'я і працяг роду з'яўляюцца аднымі з найважнейшых чалавечых каштоўнасцяў. Гераіня заключае шлюб у тым узросце, калі сфармавана не толькі аб'ектыўнае ўсведамленне сваіх дзеянняў, але і гатоўнасць несці за іх адказнасць.

Англійская пісьменніца стварае рэалістычна дакладную карціну, няспынна акцэнтуючы ўвагу на грунтоўнасці жыццёвай пазіцыі, сацыяльным статусе кожнага з персанажаў, нібы імкнучыся тым самым прадставіць аб'ектыўную доказную базу трываласці фундаменту іх шлюбу. Чым мацней аўтар падкрэслівае, што *everything right, appropriate, and what everyone would wish for, if they could choose*, тым выразней кантраст паміж знешнімі «збалансаванымі» ўмовамі і нарастаючай унутранай драмай гераіні.

Сям'я і дзеці з'яўляюцца важным складнікам і ў мастацкай аксіялагічнай сістэме А. Брава. Менавіта з прычыны татальнай засяроджанасці на жыцці свайго сына і вострага жадання стварыць спрыяльныя ўмовы для працягу роду ў асобе роднай унучкі застаецца без шанца на выжыванне Валянціна, гераіня навелы «Змяя, пакрытая пёрамі птушкі Сонца». Імкненне забяспечыць дабрабыт хвораму сыну Ігнату, паглыбленасць у штодзённыя побытавыя клопаты не дазваляюць раскрыцца асобным якасцям гераіні навелы «Яснай раніцай у Пінар-дэль-Рыю». Вымушана падпарадкоўвацца ўсталяванай сістэме абавязкаў нават свабодалюбівая гераіня навелы «Крупнік для музы».

Істотнае значэнне для раскрыцця спецыфікі жаночай экзістэнцыі ў творчасці абедзвюх пісьменніц мае асэнсаванне той мяжы, калі паняцце сям’і як аксіялагічнага складніка, прызначанага гарманізаваць чалавечы ўніверсум, пераўтвараецца ў фактар не толькі дэстабілізуючы, але і дэструктыўны па сваёй сутнасці. Бясспрэчна, навідавоку парадаксальнасць дадзенай з’явы, бо сям’я з’яўляецца адной з быццёвых першаасноў і яе стваральны пачатак аксіёматычны. Разам з тым, унутраная драма гераінь і А. Брава, і Д. Лесінг напрамую звязана з іх уключанасцю ў сямейную прастору. З кантэксту твораў вынікае, што сям’я як сацыяльная з’ява і ў англійскай, і беларускай нацыянальных прасторах абумоўлівае замкнёнасць характару жаночай экзістэнцыйнай мадэлі. Менавіта маці/жонка выконвае ролю цэнтраўтваральнага звяна, парушэнне якога можа адмоўна паўплываць на трываласць сям’і як сістэмы: *Susan’s practical intelligence for the sake of Matthew, the children, the house and the garden, – which unit would have collapsed in a week without her.*

Мяжа, пераход за якую можа быць небяспечным і нават фатальным, узнікае як вынік працэсу растварэння асобаснага «я», калі ролі маці/жонкі спачатку выцясняюць, а з цягам часу і замяняюць тое ядро, якое безадносна да гендарнай ролі фарміруе індывідуальнасць і ўнікальнасць чалавека.

Як бачым, і ў мастацкай прасторы А. Брава (напр., «Змяя, пакрытая пёрамі птушкі Сонца»), і ў некаторых творах Д. Лесінг (напр., «Пакой 19») назіраецца свядомая падмена жыццяў – свайго і дзяцей. Разам з тым, гераіні робяць крок наперад у асобасным развіцці і спрабуюць засяродзіцца на пошуку ісціны, схаваных сэнсаў быцця. Нягледзячы на выразнае жаданне вырвацца з кола паўсядзённых «жаночых» абавязкаў і вымушанай залежнасці экзістэнцыйная мадэль гераінь навел А. Брава набывае замкнёны характар. Шлях да выйсця цяжка заўважыць нават у выпадку атрыманай свабоды (*Homo vitreus*), бо замест палёгка яна становіцца нечым «самым цяжкім у жыцці», «быццам правалілася ў бездань». Працэс усеагульнай энтрапіі непазбежны, што дазваляе вылучыць не толькі цыклічную, але і энтрапічную мадэль экзістэнцыі.

Тым не менш, у адрозненні ад А. Брава, у Д. Лесінг назіраецца выразная тэндэнцыя да дыскрэтнай экзістэнцыйнай мадэлі, якая праяўляецца ў прарыве сацыяльна-стэрэатыпнага кола жаночага існавання. Так, гераіні зборніка апавяданняў “Бабкі” дэманструюць адасабленне ад традыцыйна прынятых спосабаў рэалізацыі прадстаўніц “слабога” полу, сцвярджаючы магчымасць паўнаважнага жыцця па-за шлюбнай сувяззю, выходзячы нават часам за рамкі прынятых нормаў маралі.

Такім чынам, агульным у мастацкай прасторы Д. Лесінг і А. Брава з’яўляецца рэалізацыя тоеснай энтрапічнай (разлад) і цыклічнай (замкнёнае кола) жаночых экзістэнцыйных мадэлей. Няспынная тэндэнцыя да самаідэнтыфікацыі і незалежнага волевыяўлення выводзіць гераінь Д. Лесінг на эвалюцыйны віток развіцця і з цягам часу знаходзіць выражэнне ў новай

мадэлі – дыскрэтнай (прарыў замкнёнага кола). Аналагічныя праявы ў раскрыцці жаночых вобразаў у А. Брава дазваляюць адзначыць толькі спарадычныя праявы выхаду на дадзены ўзровень асобаснай экзістэнцыі.

Т. І. Гарановіч

БЕЛАРУСКІЯ СІНТАКСІЧНЫЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ МАДЭЛІ *НЕ КАБ Х* І ІХ АДПАВЕДНІКІ Ў АНГЛІЙСКОЙ МОВЕ

У той час як беларускія сінтаксічныя фразеалагізмы (далей – СФ) у цэлым дэманструюць схільнасць да полісеміі, у іх агульнай масе вылучаюцца мадэлі, якія маюць толькі адно значэнне. Да іх належаць канструкцыі тыпу *не каб Х*, якія выражаюць павіннасць у мінулым у дачыненні да нявыкананага дзеяння: – *Ты гадкі, – кажа яна, – не, каб падгуляць мне. Заўсёды дурніцай выстаўляеш* (М. Клімковіч) ‘табе трэба было падгуляць мне’; *Вось ёлунь, – з прыкрасцю падумаў Мар’ян, – сядзіць, зацяўся, не, каб збегчы, сысці, куды падзеўся той дзетдомаўскі спрыт* (В. Казько) ‘яму трэба было збегчы, сысці’. Неадпаведнасць паміж тым, што *Х* трэба было зрабіць, і тым, што гэтага не адбылося, выклікае неадабрэнне, незадаволенасць, асуджэнне з боку моўцы. У першым прыкладзе гэта стаўленне эксплікуецца фразай *ты гадкі*, у другім – лаянкавым словам *ёлунь*. Указваючы на тое, што трэба было зрабіць, моўца такім чынам крытыкуе тое, што было зроблена замест гэтага.

Аналіз кантэкстаў, у якіх ужываюцца СФ мадэлі *не каб Х*, паказаў, што ў іх бліжэйшым акружэнні называюцца дзеянні, якія не адпавядаюць таму, што, на думку моўцы, павінна было быць выканана: у першым прыкладзе персанаж твора павінен быў падгуляць гераіні, але замест гэтага выставіў яе дурніцай; у другім герою трэба было паказаць свой спрыт і збегчы, але ён застаўся. Моўца называе і тое, што было зроблена, і тое, што трэба было зрабіць замест гэтага, і несупадзенне і супрацьпастаўленне гэтых дзеянняў дакладна выражаюць яго пункт гледжання, дазваляюць зразумець прычыну крытыкі: ‘я незадаволены дзеяннем *А*, таму што трэба было зрабіць *В*’.

Асаблівасцю функцыянавання СФ мадэлі *не каб Х* з’яўляецца тое, што ў шэрагу кантэкстаў моўца побач з німі ўказвае на непажаданыя наступствы невыканання таго, што было трэба, г.зн. няправільных, памылковых дзеянняў: *Маланніны два сыны ажно на Сахалін заехалі. Там недзе і засталіся навечна... Не, каб дома жыць* (Звязда) ‘яны павінны былі жыць дома’; *На адной з рэпетыцый адбылася сварка. Спявачка не пагадзілася з партыяй, што прапаноўвала віяланчэлістка. А тая, не – каб саступіць, пачала ўпірацца і настойваць на сваім варыянце* (А. Глёбус) ‘віяланчэлістка была павінна саступіць’. У першым з прыведзеных прыкладаў сыны Маланні, якім трэба было застацца жыць дома, паехалі на Сахалін, сумным следствам чаго стала іх смерць на чужыне. У другім прыкладзе віяланчэлістка не саступіла, а пачала ўпарціцца і настойваць на сваім, што прывяло да сваркі.

Пазіцыю пераменнага кампанента ў СФ мадэлі *не каб Х* займае інфінітыў або інфінітыўнае словазлучэнне, і нават у выпадках, калі фармальна *Х* прадстаўлены іншай знамянальнай часцінай мовы (*не, каб заўтра; не, каб да мяне; не, каб зялёны*), у яго аснове ляжыць інфінітыўнае словазлучэнне, у якім адбываецца эліпсіс: *не, каб [прыехаць] заўтра; не, каб [звярнуцца] да мяне; не, каб [купіць] зялёны [гальштук]*, напрыклад: *Наагул мы толькі і ўмеем, што плакаць, енчыць ды галасіць. Звычайна, калі ўжо позна, калі нябожчык – на покуці. Не, каб раней, хоць бы ўзлавацца ды добра вылаяцца, як умеюць лаяцца некаторыя* (В. Быкаў) ‘не, каб раней [выказваць тое, што думаеш]’, ‘выказвацца трэба было раней’.

У англійскай мове павіннасць з пункту гледжання моўцы перадаецца мадальным дзеясловам *should*, а яго аднесенасць да мінулага – спалучэннем *should* з інфінітывам закончанага ладу: *Suddenly felt I was wearing the wrong thing. I should have worn the navy silk dress* (H. Fielding) ‘раптам я зразумела, што была апранута не ў тое. Трэба было надзець цёмна-сінюю шаўковую сукенку’ = (бел.) ‘не, каб апрануць цёмна-сінюю шаўковую сукенку’; “*Women are frightfully rummy,*” he said gloomily. “**You should have thought of that before you married one,**” I said (P. G. Wodehouse) ‘«Жанчыны жахліва дзіўныя», – змрочна сказаў ён. «Табе трэба было падумаць пра гэта перад тым, як ты ажаніўся з адной з іх», – сказаў я’ = (бел.) ‘не, каб падумаць пра гэта да жаніцьбы’. Згодна з М. Х’юінгсам, *should have Infinitive* выражае крытыку або шкадаванне, а ў трактоўцы Н. А. Кобрынай – крытыку, прыдзірку, калі штосьці пажаданае не было выканана, што карэлюе з элементам незадавальнення, выяўленым намі ў семантыцы беларускіх СФ.

Адрозненне паміж беларускімі і англійскімі структурамі заключаецца ў тым, што *не каб Х* належыць да размоўнага стылю, а канструкцыі тыпу *should have Infinitive* стылістычна нейтральныя і таму не такія выразныя, толькі ў пэўных кантэкстах, на фоне агульнай эмацыянальнасці, як у прыведзеных прыкладах, набываючы пэўную экспрэсіўнасць. Сказы, збудаваныя паводле мадэлі *should have Infinitive*, ужываюцца як у размоўным і мастацкім, так і афіцыйна-дзелавым або газетным стылях: *The WHO should have declared a global emergency earlier than it did, its report said* (The BBC) ‘У дакладзе адзначаецца, што СААЗ павінна была ўвесці рэжым надзвычайнага становішча ў ахове здароўя ва ўсім свеце раней, чым яна гэта зрабіла’; *The west should have tried talking to the Taliban a decade ago, after they had just been toppled from power, the top British commander in Afghanistan has told the Guardian* (The Guardian) ‘Прадстаўнік камандавання брытанскім кантынгентам у Афганістане заявіў «Гардыян», што захаду трэба было спрабаваць весці перамовы з Талібанам дзесяцігоддзе таму, калі яго рэжым толькі быў зрынуты’; *The Denmark goal should have been disallowed. Last second, as the taker runs up, they moved their wall to within a metre of our wall and blocked Pickford's view. That's an offence under current rules* (The Sun) ‘Гол Даніі трэба было не залічваць. На апошняй секундзе, калі пенальціст разбягаўся, яны перасунулі сваю сценку на адлегласць меншую за метр ад нашай і закрылі

агляд Пікфарду. Згодна з дзейнымі правіламі, гэта парушэнне'. У кантэксте афіцыйнага дакумента (першы прыклад), каментарыя высокапастаўленай службовай асобы (другі прыклад) або эксперта (трэці прыклад) пераклад *should have Infinitive* пры дапамозе СФ мадэлі *не каб Х* быў бы неадэкватным. Такім чынам, па прычыне стылістычнай нераўнаважанасці мы адносім структуры тыпу *не каб Х і should have Infinitive* да міжмоўных, але не эквівалентных перакладчыцкіх адпаведнікаў.

В. С. Забродская

ТВОР ПРЫНАГОДНАЙ ЛІТАРАТУРЫ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XVI – ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XVII стст. ЯК СРОДАК ЗАХАВАННЯ ГІСТАРЫЧНАЙ ПАМЯЦІ

Папулярнасць прынагодная літаратура (у тым ліку творы, напісаныя з нагоды вяселляў) набыла на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага (пазней Рэчы Паспалітай) у другой палове XVI – першай палове XVII ст., што было абумоўлена дасягненнем адпаведнага ўзроўню культуры (людзі верылі ў тое, што паэтычнае слова і пісьмовы дакумент, дзе яно зафіксавана, з'яўляецца дзейсным сродкам фарміравання і перадачы памяці, плённа функцыянаваў інстытут мецэнацтва), адукацыі (многія магнаты ці шляхціцы ажыццяўлялі вандроўкі для набывання ведаў ва адукацыйныя ўстановы Еўропы), а таксама развіцця ўсебаковых кантактаў эліты грамадства з прадстаўнікамі іншых краін.

Прынагодная літаратура азначанага перыяду была прадстаўлена (віншавальнымі твораў на шлюб); прывітальнымі вершамі, якія ствараліся з розных нагод (прыезду ў мясцовасць, абрання на пэўную пасаду, інаўгурацыі і г.д.).

Пэралічаныя падзеі прыватнага (а ў той жа час і грамадскага) жыцця магнатаў і шляхты насілі як рытуальны, так і статусны характар. У сувязі з распаўсюджваннем кнігадрукавання гэта стала добрай магчымасцю пакінуць для нашчадкаў матэрыялізаваную версію цырымоніі ў выглядзе густоўна аздобленага друкаванага арт-аб'екта.

Асноватворным элементам светабудовы асобы з элітарнага кола была прыналежнасць да пэўнага знакамітага роду. Высакароднасць пацвярджалася наяўнасцю герба роду, які абавязкова змяшчаўся на адваротным баку тытульнага ліста прынагодных твораў і меў наступныя неад'емныя элементы: 1) назву *In Stemma...* 'На герб', *In arma illustris...* 'На выяву герба...'; 2) ілюстрацыю герба героя твора – прадстаўніка знакамітага роду; 3) эпіграму (эмблематычны верш).

Мэтай твораў прынагоднай літаратуры ў другой палове XVI – першай палове XVII ст. было віншаванне, прывітанне і ўсхваленне асобы і яе роду. Прызначэнне такіх твораў не абмяжоўвалася толькі апісаннем і паэтызацыяй цырымоній. Як складнік сацыяльнай культуры тэкст, напісаны да пэўнай

нагоды, спрыяў вырашэнню пытанняў прэзентацыі ключавых момантаў светапогляду прадстаўнікоў эліты: выяўлення каштоўнасных і маральных характарыстык герояў твораў, годных славы продкаў, дэманстрацыі велічы і старажытнасці родаў, богабязнага і фундатарскага характару стаўлення да рэлігіі, адлюстравання гістарычнай памяці.

Паколькі прадстаўнік эліты прымаў актыўны ўдзел у жыцці краіны, ён выконваў пэўныя ролі, якія акрэслівалі адпаведную пазіцыю ў грамадскай супольнасці. Робячы акцэнты на яго грамадскую дзейнасць, аўтары прынагодных твораў стваралі яго сацыяльны партрэт. Так, з боку палітычнай сферы ён быў паказаны як абаронца Айчыны, палітык міжнароднага плана, мудры і мужны змагар. У сацыяльна-культурным жыцці ён – грамадскі дзеяч (прадстаўнік заканадаўчай, выканаўчай, судовай улады), заказчык у прафесійных творцаў прадметаў мастацтва, адукаваны патрон навучальных устаноў, удзельнік і арганізатар адукацыйных вандровак, які актыўна развіваў культурныя цэнтры на землях, якімі валодаў.

Прынагодныя творы, што напаўнялі бібліятэкі магнатаў і шляхты прадстаўлялі канкрэтныя падзеі прыватнага, а ў той жа час і грамадска-палітычнага, жыцця. Яны належалі і да ўтылітарнай сферы, і да мастацкай прасторы, спрыялі захаванню інфармацыі сацыякультурнага характару. Такім чынам, прынагодны твор як элемент візуалізацыі сямейнай (родавай – сацыяльнай) гісторыі спрычыніўся да фарміравання, замацавання і пашырэння культурна-гістарычнай памяці пра эліту Вялікага Княства Літоўскага другой паловы XVI – першай паловы XVII ст.

В. С. Забродская

ШЛЯХАМІ ЯКУБА КОЛАСА

Сёлета мы адзначаем 140-годдзе з дня нараджэння чалавека, які ўжо ў 1920 г. у «Гісторыі беларускай літаратуры», выдадзенай М. Гарэцкім, быў названы класікам. Сярод яго творчых поспехаў літаратуразнаўцы адзначаюць спалучэнне лірыкі і эпасу, закладанне асноў беларускага рамана і беларускай дзіцячай літаратуры, філасофскае адлюстраванне рэчаіснасці ў алегарычным апавяданні спрыянне фарміраванню норм беларускай літаратурнай мовы.

Творчасць Якуба Коласа ў цэлым вызначаецца няспынным развіццём і ўдасканальваннем. Пачаўшы пісаць вершы, ён перайшоў да алегарычных апавяданняў, эпасу, драм, раманаў. Таксама і кожнаму твору класіка ўласцівы рух. Канстанцін Міцкевіч сцвярджаў, што менавіта «дарога, вандроўка – самае лепшае лякарства ад усякіх напасцей». Таму вобраз «вечных дарог», які знайшоў сваё ўвасабленне ў творы «Новая зямля» пранізвае і злучае разам у адно цэлае шматлікія старонкі Коласавых твораў. Ахвотна выкарыстоўваюць даследчыкі-коласазнаўцы для акрэслення творчасці і біяграфіі лексемы *шлях/сцяжына жыцця/творчасці* (М. А. Тычына, М. І. Пратасевіч, М. А. Чырскі).

Чалавек жа прадстаўляецца Якубам Коласам *Часцінкай злітаю вялікага сусвету* («Я жыву», 1937), які *вітае шляхі дарогі, бо дарога ж многа з'яў хавае* («Рыбакова хата», 1941–1947). *Пры шляху шырокім, / Дзе стаіць камора, / Я на свет радзіўся / Пад глухі шум бору, / Позняю парою, – піша Якуб Колас, згадваючы засценак Акінчыцы ў вершы «На раздарожжы» (1911). Як сцвярджаў Якуб Колас: «У кожным моманце з'яў прыроды для мяне ўсё было напоўнена глыбокай цікавасці і сэнсу, і кожны бачны элемент прыроды для мяне меў свой твар, сваю строга акрэсленую індывідуальнасць, сваё пэўнае жыццё, свядомае, адушаўлёнае».*

Менавіта таму Колас заўсёды апісвае мясціну, дзе жыве яго персанаж яго твора, бо гэта мае значэнне, ад гэтага залежаць думкі, настрой, памкненні апошняга. Так, прыгадаем разважанні Лабановіча пра характар песні, што ён пачуў у в. Люсіна, куды прыехаў настаўнічаць: *Чаму мала разнастайнасці ў іх матывах?.. Ці не аднатоннасць тутэйшага краявіду, гэтыя доўгія, бясконцыя дарогі між лясоў і балот адбіліся на іх?* (У Палескай глушы, XIII).

Многа дарог перамералі мае ногі, – піша ў чарговым лірычным адступленні Якуб Колас у трылогіі «На ростанях».

Лексема *дарогі*, якая каля 70 разоў сустракаецца ў паэме «Новая зямля», каля 270 разоў – у трылогіі «На ростанях», з'яўляецца моўным складнікам злучэння прасторы і часу, яна – неад'емны элемент прасторы, бела-сіне-зялёнага ландшафту, абавязковы кампанент жыцця. Часта яе можна сустрэць у назвах вершаў («Дарогі» («Між палёў шырокіх...», 1906; «Між спелага жыта...», 1909); «З дарогі» («Дым бялявы, дым празрысты...», 1914; «Мінула шмат гадоў...», 1936), «Прайшоў я на свеце не мала дарог...», 1955; «Дзве дарогі», 1917; «Перад дарогай» («Эх, як тупну я нагою...», 1907), «У дарогу!», 1912); п'есы «На дарозе жыцця» (1917).

Дарога таксама прадстаўляецца элементам часу. Уключаная ў няспыннае кола часу, яна ўяўляе віток і спрыяе пераходу на новы ўзровень развіцця: прыгадаем радкі з «Новай зямлі»: *О, як бы я хацеў спачатку / Дарогу жыцця на парадку / Прайсці яшчэ раз, азірнуцца, / Сабраць з дарог каменні тыя, / Што губяць сілы маладыя, – / К вясне б маёй хацеў вярнуцца.*

Шлях Якуба Коласа і ў наш час працягваецца па зямлі. Плённа працуюць і радуюць сваіх шчырых наведвальнікаў супрацоўнікі Літаратурна-мемарыяльнага музея Якуба Коласа ў Мінску, які ў Сталбцоўскім раёне мае філіял, што ўключае мемарыяльныя сядзібы Акінчыцы, Альбуць, Ласток, Смольню; літаратурна-этнаграфічныя музеі ў сярэдніх школах Брэсцкай вобласці: в. Люсіна (Ганцавіцкі раён), в. Пінкавічы (Пінскі раён) і інш. У гэтых культурных установах ладзяцца цікавыя выставы і мерапрыемствы да памятных угодкаў, звязаных з жыццём і творчасцю класіка. У Коласаўскім заказніку (Стаўбцоўскі раён Мінскай вобласці) адкрыты мастацка-мемарыяльны комплекс «Шлях Коласа», які ўключае больш за 40 драўляных скульптур, зробленых па матывах твораў пісьменніка.

Вобраз Якуба Коласа натхняў таксама і майстроў выяўленчага мастацтва, сярод іх І. Ахрэмчык, Ю. Герасіменка, Л. Асядоўскі, М. Купава, Я. Раманоўскі, І. Рэй, У. Стальмашонак, В. Шаранговіч, Л. Шчамялёў і інш. Матэрыял пра жыццё і дзейнасць Якуба Коласа спрычыніўся да стварэння фільмаў («Народны паэт», 1952; «Якуб Колас», 1962 г.; «Дзядзька Якуб», 1982).

Творы Якуба Коласа натхнілі рэжысёраў на стварэнне тэатральных, кінематаграфічных (В. Гардзін, фільм «Песня вясны» – паводле аповесці «На прасторах жыцця», 1929; У. Корш-Саблін, фільм «Першыя выпрабаванні» – паводле трылогіі «На ростанях», 1960–1961), а кампазітараў – музычных твораў. Опера «У пушчах Палесся» створана Ю. Багатыровым па аповесці «Дрыгва», опера Ю. Семянякі – па паэме «Новая зямля».

Так, імя класіка беларускай літаратуры носяць Інстытут мовазнаўства, Цэнтральная навуковая бібліятэка Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, паліграфкампінат у Мінску, Нацыянальны акадэмічны драматычны тэатр у Віцебску, школы і бібліятэкі ў розных населеных пунктах нашай рэспублікі, плошчы і вуліцы, што знаходзяцца як у нашай краіне, так і за яе межамі.

Т. Г. Казакевіч

АСАБЛІВАСЦІ ВЫКЛАДАННЯ БМЗ КІТАЙСКІМ СТУДЭНТАМ НА ПАЧАТКОВЫМ УЗРОЎНІ

Вопыт выкладання беларускай мовы як замежнай ў кітайскай аўдыторыі дазваляе адзначыць пэўныя асаблівасці і цяжкасці, якія ўзнікаюць на пачатковым этапе авалодання студэнтамі беларускай мовай.

Адразу ў кітайскай аўдыторыі адчувацца розніца ў метадычных падыходах пры авалоданні замежнымі мовамі. Для кітайскіх студэнтаў на радзіме характэрны больш некамунікатыўны стыль авалодання замежнымі мовамі, дзе аддаецца перавага пісьму і чытання, а камунікатыўны падыход з яго актыўным маўленнем, з развіццём умення свабодна наладжваць натуральныя зносіны з носьбітам мовы рэалізуецца слаба. Гэта абумоўлівае тое, што на пачатковым этапе кітайскі студэнт мала гатовы да актыўнай камунікацыі ў аўдыторыі, да ўзаемадзеяння, ён добра запамінае гатовыя тэксты, фразы, але з цяжкасцю будзе іх, амаль не імкнецца да самавыяўлення.

Прыняты на радзіме характар узаемаадносін паміж студэнтам і выкладчыкам таксама істотна ўплывае на ўзаемадзеянне і камунікацыю ў аўдыторыі. Кітайскі студэнт з заўважнай насцярожанасцю ставіцца да прамога кантакту з выкладчыкам, да формы гутаркі, дыскусіі з ім, схільны слухаць выкладчыка, а не задаваць яму пытанні.

Беларуская і кітайская мовы істотна адрозніваюцца на фанетычным, лексічным, марфалагічным, сінтаксічным, графічным узроўні мовы. Гэта дадаткова істотна ўскладняе выкладанне БМЗ кітайскім студэнтам.

Фанетычныя складанасці абумоўлены кітайскай артыкуляцыяй. Заўважнай памылкай артыкуляцыйнага тыпу на пачатковым этапе з'яўляецца частая замена кітайскімі студэнтамі звонкіх зычных гукаў беларускай мовы на паўзвонкія гукі. Носьбітамі мовы такія гукі часта ўспрымаюцца як глухія, што не спрыяе правільнаму разуменню маўлення кітайскіх студэнтаў. Такія фанетычныя складанасці звязаны перш з тым, што ў кітайскай мове няма супрацьпастаўлення гукаў па глухасці/звонкасці. Найбольш складанымі для кітайскай аўдыторыі з'яўляюцца гукі [п]/[б], [т]/[д], [γ]/[х]/[к]. Выклікаюць цяжкасці таксама адрозніванне і спалучэнне двух і больш зычных гукаў.

Цяжкасці пры пастаноўцы вымаўлення [р] абумоўлены адсутнасцю ў кітайскай мове прэдняязычнага дрыжачага [р]. Неабходна выкарыстоўваць гукі-дапаможнікі, артыкуляцыя якіх абцяжарвае вібрацыю языка і актывізуе працу прэдняй часткі языка (напрыклад, вымаўляць спалучэнні наступнага тыпу: жрэ, зры, кры, гры, крэ, грэ, дры, тры і пад.).

Значныя цяжкасці выклікае ў кітайцаў вымаўленне гукаў [л]/[л']. Паколькі гук [л] у кітайскай мове больш задні, чым у беларускай, магчыма памылка: вымаўленне [л] як сярэдняга. Адзначаецца таксама ў некаторых студэнтаў фаналагічнае змешванне [р] - [л], звязанае з адсутнасцю ў кітайскай мове гука [р] дрыжачага. Артыкуляцыйныя прычыны змешвання [р] і [л] абумоўлены некаторым падабенствам пазіцыі языка (форма выгібу) і тым, што абодва зычных санорныя.

Паколькі ў кітайскай мове адсутнічае супрацьпастаўленне цвёрдых і мяккіх зычных, пэўныя цяжкасці выклікае як сама дадатковая артыкуляцыя, так і фаналагічнае адрозніванне цвёрдых і мяккіх зычных. Цяжкасці могуць узнікаць таксама пры вымаўленні спалучэнняў зычных з [j] ([ta – t'a – t'ja]). Пастаноўку мяккіх зычных мэтазгодна пачынаць з губных гукаў.

Каб развіваць артыкуляцыйны апарат, пераадольваць цяжкасці ўспрымання беларускага слова, гукаў, неабходна на пачатковым этапе досыць шмат часу надаваць фанетыцы, фанетычнай зарадцы.

Кітайскія студэнты з цяжкасцямі пераадольваюць моўны бар'ер, уваходзяць у камунікацыю толькі пасля стараннай падрыхтоўкі: перакладу слова, яго шматразовага прагаворвання (у іх добра развіты навык завучвання). Памятаючы пра гэта, неабходна актыўна выкарыстоўваць камунікатыўныя заданні, практыкаванні на моўную здагадку, кітайскія студэнты таксама добра працуюць з падстановачнымі практыкаваннямі.

Кітайцы даволі закрытыя, цяжка дзеляцца сваім асабістым, стрыманыя ў праяве эмоцый, таму актыўную камунікацыю можна матываваць праз цікавыя для студэнта тэмы.

Істотная розніца ў графічнай сістэме абумоўлівае складанасці пры пісьме ў кітайскіх студэнтаў, таму неабходна падмацоўваць гука-слыхавую памяць візуальнымі радамі (у кітайцаў добра развіты зрокавы канал успрымання), неабходным не толькі пры ўвядзенні новай лексікі, але і пры іншых відах працы: напрыклад, пры ўвядзенні і замацаванні граматычных мадэляў. Разнастайныя відэаматэрыялы, фотаздымкі, малюнкі, карты, табліцы і інш.

спрашчаюць асваенне лексічных адзінак. Далейшыя заданні і пытанні па малюнках, па сюжэце, пераказ убачанага і г.д. спрыяюць зняццю цяжкасцяў у працэсе камунікацыі.

Праца над тэкстам у кітайскай аўдыторыі асабліва эфектыўная. Такая праца развівае ўменне бачыць прычынна-выніковыя сувязі, што з'яўляецца вельмі важным на пачатковым этапе авалодвання мовай. Аўдыяванню неабходна навучаць з абавязковай апорай на тэкст.

Працуючы з замежнымі студэнтамі на пачатковым этапе ў кітайскай аўдыторыі выкладчык павінен заахвочваць іх вучэбную актыўнасць, праводзіць рэгулярную фанетычную зарадку, надаваць асаблівую ўвагу маўленчай камунікацыі, актыўна выкарыстоўваць нагляднасць, надаваць увагу актыўнай рабоце са слоўнікамі, рэгулярнаму паўтарэнню як асобных слоў, так і маўленчых мадэлей, рэгулярнаму чытання і пераказванню тэкстаў з праверкай разумення асобных фрагментаў тэксту, практыкаванням на развіццё моўнай здагадкі, улічваюць псіхалагічныя і сацыякультурныя асаблівасці студэнтаў, падаваюць матэрыял у больш павольным тэмпе і інш. – усё гэта дапаможа мінімізаваць цяжкасці пры вывучэнні беларускай мовы ў кітайскай аўдыторыі на пачатковым этапе.

Л. С. Кныш

МЕТАД НАВУЧАННЯ ЯК БАЗІСНАЯ КАТЭГОРЫЯ МЕТОДЫКІ (пры выкладанні БМЗ)

Методыка навучання беларускай мове як замежнай (БМЗ) як любая іншая самастойная дысцыпліна валодае традыцыйным паняццёвым апаратам. Да асноўных паняццяў, якія з'яўляюцца падмуркам методыкі выкладання БМЗ, належаць *мэты, задачы, змест, арганізацыйныя формы навучання, прынцыпы, метады, прыёмы*. Гэтыя кампаненты непарыўна звязаны паміж сабой. Змест навучання БМЗ – гэта той вучэбны матэрыял, які неабходна засвоіць і якім трэба авалодаць для пастаўленай мэты. Аснову зместу БМЗ складаюць маўленчыя навыкі і ўменні. Прынята вылучаць наступныя кампаненты зместу: матэрыял навучання (моўны і маўленчы), веды, уменні, навыкі, тэмы, сітуацыі, тэксты і інш. Канчатковай мэтай авалодання мовай з'яўляецца фарміраванне на аснове набытых ведаў маўленчых навыкаў і ўменняў. Маўленчы навык – гэта аўтаматызаваны кампанент дзейнасці, якая выконваецца свядома.

Базіснай катэгорыяй методыкі з'яўляецца **м е т а д** навучання. Метады навучання, якімі неабходна кіравацца ў выкладанні беларускай мовы як замежнай, уяўляюць з сябе сістэму агульнадыдактычных лінгвістычных і метадычных складнікаў. Метад – спосаб узаемазвязанай дзейнасці выкладчыка і навучэнцаў, накіраваны на рашэнне задач адукацыі, выхавання і развіцця навучэнцаў (Т. И. Капитонова, Л. В. Московкин, А. Н. 2008).

У айчыннай навуцы незалежна адно ад аднаго склаліся дзве асноўныя школы, прадстаўнікі якіх распрацавалі дзейнасны падыход (метады). Заснавальнікамі гэтага падыходу з'яўляюцца А. Н. Лявонцьеў, аўтар тэорыі агульнасці пабудовы ўнутранай і знешняй дзейнасці, і С. Л. Рубінштэйн, які лічыў асновай дзейнаснага падыходу прынцып адзінства свядомасці і дзейнасці. Дзейнасны падыход базуецца на катэгорыі дзейнасці, якая разумеецца як актыўнасць суб'екта, накіраваная на змяненне аб'ектаў і стварэнне прадуктаў духоўнай або матэрыяльнай культуры (Н. Л. Федотова 2013).

Е. І. Пасаў сфармуляваў асновы камунікатыўнага падыходу да навучання замежным мовам, які стаў вынікам распрацоўкі камунікатыўнага метада авалодання маўленнем. Асноўныя характарыстыкі камунікатыўнага падыходу: *мэта навучання* – фарміраванне камунікатыўнай кампетэнтнасці, *вядучыя прынцыпы* – камунікатыўнасць, актыўнасць, нагляднасць, *сродкі навучання* – камунікатыўныя практыкаванні (Е. И. Пассов, Н. Е. Кузовлева 2010).

Метады навучання ў другім разуменні адрозніваюцца дыферэнцаванасцю, здольнасцю ахапіць усе бакі авалодання тым ці іншым відам маўленчай дзейнасці. Метады прадугледжваюць функцыянальнасць, сітуацыйнасць, арыентацыю на асобу, камунікатыўную дзейнасць.

Як адзначае Н. Л. Федотава, тэрмін «метад» выкарыстоўваецца ў двух значэннях:

1. Асобы кірунак, які ўяўляе з сябе сукупнасць прынцыпаў, прыёмаў зместу навучання і звязаны з цэласным вучэбным працэсам. Метады – гэта шлях для дасягнення пастаўленых мэт. Вылучаюць граматыка-перакладны, прамы, аўдыявізуальны, свядома-практычны метады навучання (Раўшэнбах, 1971; Рахманаў 1972) (Н. Л. Федотова 2013).

2. Сістэма навучальных і вучэбных дзеянняў, паказ, тлумачэнне, трэніроўка і інш.), выкарыстаных у працэсе навучання для дасягнення мэты (Н. Л. Федотова 2013).

Тры значэнні паняцця 'метад' акрэслівае А. М. Шчукін: «Паняцце 'метад' (грэч. *methodos* – шлях даследавання або пазнання) у шырокім сэнсе абазначае спосаб дасягнення мэты, пэўным чынам уладкаваную дзейнасць, накіраваную на дасягненне пастаўленай мэты. З'яўляючыся базіснай катэгорыяй метадыкі, метады навучання з'яўляюцца кампанентам сістэмы навучання мове. Без адпаведных метадаў навучання немагчыма рэалізаваць мэты і задачы навучання.

Гэта паняцце ў сучаснай навуцы ўжываецца ў трох значэннях:

- агульнаметадалагічным (метад як сродак пазнання, спосаб вывучэння рэчаіснасці, з'яў прыроды і грамадства);
- агульнадыдактычным (сістэма ўзаемазвязаных дзеянняў выкладчыка і навучэнцаў, якая забяспечвае засваенне зместу адукацыі);
- прыватнадыдактычным (або ўласна метадычным) – метад як кірунак ў навучанні, што вызначае стратэгію вучэбнай дзейнасці для навучэнца» (А. Н. Щукін 2017).

Сёння адукацыя церпіць вялікія змены і рэфармаванне ва ўсім свеце. Гэта выклікана часам, стратэгіямі і новымі нетрадыцыйнымі формамі навучання. Пры гэтым адны застаюцца прыхільнікамі старых падыходаў у галіне методыкі, баючыся перамен, другія, абагульняючы магутны папярэдні вопыт, смела рэфармуюць і змяняюць яго. Таму нароўні з традыцыйнымі ўсёвядомымі метадамі распрацоўваюцца новыя або мадыфікуюцца ці трансфармуюцца тыя, што існуюць.

Гісторыя методыкі навучання мовам ведае шматлікія і разнастайныя падыходы знайсці найбольш рацыянальныя метады навучання. Абгрунтаваўшы вопыт айчынных і замежных метадыстаў, лінгвістаў, псіхолагаў А. М. Шчукін распрацаваў стройную і абгрунтаваную класіфікацыю сучасных метадаў. Ён вылучае: агульнаметадалагічныя, агульнадыдактычныя, прыватнадыдактычныя, прамыя, свядомыя, камбінаваныя, інтэнсіўныя метады (А. Н. Щукін 2017).

У наш час навукоўцамі-метадыстамі намечаны два асноўныя кірункі для больш гнуткага і эфектыўнага засваення замежных моў: адзін з выкарыстаннем сучасных тэхналогій, тэхнічных сродкаў, выкарыстаннем розных прыёмаў (выкарыстанне тэкстаў, дыялогаў, практыкаванняў, малюнкаў, разнастайнай нагляднасці, мультымедычных сродкаў, музыкі, аўдыя і відэа сродкаў і інш), а другі скіраваны на актывізацыю скрытых рэзерваў асобы (метады актывізацыі, гіпнапедыя і інш.) (А. Н. Щукін 2017).

Пры вывучэнні беларускай мовы як замежнай у адпаведнасці з мэтамі і задачамі і для дасягнення гэтых мэт найбольш эфектыўнымі, на нашу думку, будуць розныя варыянты камунікатыўнага метады і таксама інтэнсіўнага, якія скіраваны ў першую чаргу на практычнае авалоданне мовай ў розных сферах камунікавання і якія ў наш час атрымалі найбольшую цікавасць і прымяненне пры выкладанні замежных моў у цэлым.

Аднак гэта не выключае выкарыстанне прыёмаў іншых метадаў, іх мадыфікаваных варыянтаў, асобных іх складнікаў, ідэй і прынцыпаў. Пры гэтым у сувязі з ростам прымянення інтэрнэт-адукацыі, мультымедычных сродкаў узрастае і роля выкладчыка як асобы, якая павінна адпавядаць свайму часу. Не менш важным складнікам з'яўляецца ўзровень ведання мовы навучэнцам: пачатковы, базавы і г.д.; канкрэтныя мэты навучання: бытавое, прафесійнае ці прафесійна-спецыяльнае валоданне мовай; і, безумоўна, майстэрства, крэатыўнасць педагога як выкладчыка і метадыста, яго прафесійнага майстэрства, уменняў, ведаў, вопыту і творчага бачання.

Н. Ю. Паўлоўская

ЗАГАЛОВАК ЯК СЕМАНТЫКА-ПРАГМАТЫЧНАЕ ЯДРО НАВУКОВАГА ДЫСКУРСУ

У сучасных умовах пашырэння і ўскладнення камунікацыі існуе неабходнасць дакладнай і адэкватнай трансляцыі велізарнага пласта навуковай інфармацыі ў часе і прасторы, магчымасць апэратыўна яе трансліраваць і атрымліваць. Формамі навуковай дзейнасці служаць тэксты розных жанраў, аб'яднаныя гіперонімам *функцыянальны стыль навукі*.

З камунікатыўна-прагматычнага пункту погляду гэты стыль можна трактаваць у якасці аднаго з тыпаў інстытуцыянальнага дыскурсу (У. І. Карасік). У рамках паняцця *інстытуцыянальны навуковы дыкурс* вылучаюцца акадэмічны (уласна навуковы), навукова-вучэбны, навукова-публіцыстычны, навукова-інфармацыйны і іх падтыпы. Далейшае структураванне можна весці ў рэчышчы тэорыі поля, якая адпавядае паняццю *сістэма* ці *падсістэма*. З гэтых пазіцый жанравая іерархія навуковых тэкстаў можа выглядаць наступным чынам: першасныя структуры навуковага выкладу – манаграфіі, артыкулы, дысертацыі – складаюць ядро поля, другасныя формы – даклады, падручнікі, рэфераты, рэцэнзіі, водзвывы, анатацыі, рэзюмэ і інш. – утвараюць яго прыядзерную зону і перыферыю (Р. С. Алікаеў, А. С. Траянская). Межы паміж ядром і перыферыяй нетрывалыя, вар’іруюцца ў кожнай канкрэтнай галіне навукі, абумоўлены экстралінгвістычнымі – гістарычнымі (развіццё ці змена навуковай парадыгмы), сацыяльна-эканамічнымі (падзеі ў грамадстве), суб’ектыўнымі (пункт погляду і паводзіны аўтара) прычынамі.

Магчымы больш падрабязны падзел навуковых жанраў на разнавіднасці. Да прыкладу, навуковы артыкул у залежнасці ад камунікатыўнай задачы і структурна-кампазіцыйнай спецыфікі чляніцца на артыкул-паведамленне аб выніках даследавання, уласна артыкул, перадавы артыкул, дыскусійны (палемічны артыкул), навукова-публіцыстычны, аглядны ці рэкламны артыкул (Р. С. Алікаеў, А. А. Бажэнава).

Навуковы дыкурс будзецца ў адпаведнасці з рэалізацыяй інфармацыйнай праграмы стваральніка – аўтара. Ён дэманструе свой погляд на навуковую (дысцыплінную) карціну свету, носбітам якой з’яўляецца і адрасат. Пры гэтым адрасанту і адрасату належыць знаходзіцца ў адэкватных прэсупазіцыях: як удзельнікі камунікацыі яны знаёмыя з агульным пластом навуковых ведаў і тэкстаў, а абмен думкамі выкліканы патрэбамі развіцця навуковых ідэй, што ў выніку вядзе да карэкціроўкі, удакладнення ці змены агульнай навуковай карціны свету.

Аўтар А. С. Траянская імкнецца да адпаведнага ўспрымання навуковага твора чытачом, і для гэтага навуковы дыкурс у знакавай фіксацыі пісьмовага тэксту павінен мець дакладную кампазіцыйную структуру, экспліцытна паслядоўнае выяўленне лагічных сувязей, завершанасць доказаў, акцэнтацыю ўвагі на тэксце, а не на дзеячы, рацыянальную адназначнасць тлумачэння без магчымых варыянтаў сэнсавага зместу, падкрэсленую неэмацыянальнасць.

Артыкул як найбольш пашыраны жанр навуковага стылю мае наступныя кампазіцыйныя элементы (у іншай тэрміналогіі – субтэксты): а) заглавак і падзаглавачны комплекс з інфармацыяй аб аўтары, анатацыяй і ўступам; б) асноўную частку, пададзеную ў залежнасці ад камунікатыўных мэтаў аўтара ў якасці паведамлення, апісання, разважання, дыскусіі; в) заключэнне і бібліяграфічныя спасылкі, аформленыя ў спісы выкарыстанай літаратуры і крыніц даследавання.

Загалавак навуковага твора – гэта сінтаксічна аформлены па пэўнай мадэлі згорнуты дыскурсіўны знак, які служыць сродкам выражэння пэўнага метаўместу (В. Ю. Варзапава). У загалоўку ў сціслым выглядзе змяшчаецца інфармацыя аб асноўным аб’екце апісання, а таксама часта знаходзіцца месца элементы новых ведаў – іх прыметы, функцыі, эксплікаваныя прэдыкатам. Гэта першы пункт кантакту аўтара і чытача, таму назва артыкула павінна быць дакладнай, празрыстай, максімальна інфарматыўнай – яна дае задзел (зарад) усяму навуковаму артыкулу. Загалавак навуковага твора мае амбівалентны характар: з аднаго боку рэпрэзентуе аб’ектываваныя веды, з другога – змяшчае суб’ектыўны погляд аўтара на праблему, які можа сумяшчацца з агульнапрынятай тэорыяй ці адрознівацца ад яе. Гэтыя ацэначныя (модусныя) сэнсы, рэпрэзентаваныя рацыянальнымі і, рэдка, эмацыянальнымі, экспрэсіўнымі маркерамі, могуць увасабляцца ў непрамыя (неканвенцыянальныя) паказчыкі, якія адрасат павінен дамысліваць.

Загалавак разам з падзагалавачным комплексам выконвае розныя функцыі: сістэмна-структурныя, семантычныя, камунікатыўна-прагматычныя, дзе задаецца агульная навукова-лінгвістычная стратэгія аўтара.

У структурных адносінах пераважная большасць прааналізаваных загалоўкаў на беларускай мове – гэта намінацыйныя сказы: *дзейнычны дзеясловы ў беларускай і англійскай мовах (параўнальна-супастаўляльны аспект); валіцыйнасць (на мяжы рэальнасці і ірэальнасці); спецыфіка эмпірычнай аргументацыі ў беларуска- і рускамоўнай гуманітарыстыцы; мадэлі глыбінных сэнсаў і іх мадальная рэалізацыя ў мастацкім дыскурсе; нацыянальна-кагніцыйныя фактары лексікалізацыі субстанцыйных форм множнага ліку.*

Вельмі рэдка з мэтай палемічнай заостранасці загалавак беларускага навуковага артыкула можа фармулявацца як пыталыны сказ: *«Ці сучасна сучаснае мовазнаўства?» «Пра што мараць жанчыны і чаго хочуць мужчыны: досвед асацыяцыйнага эксперыменту»; «Палітычная карэктнасць у англійскай мове: даніна модзе ці аб’ектыўная рэальнасць?» «Што ёсць нормай у мадальнай прасторы беларускай мовы?»* ці падавацца цытатай з адзнакай прэцэдэнтнасці: *«Двое яны як адна з’ява».* *Творчасць Янкі Купалы і Якуба Коласа у мастацкай рэцэнцыі Алеся Разанава.*

Агульная семантычная функцыя загалоўкаў – змястоўная канкрэтызацыя прадметна пададзенага дзеяння: прэдыкатыўная прымета фармулюецца як існаванне падзеі, сітуацыі ў адцягненасці ад іх носбітаў ці дзеячоў. З’яўляючыся семантычна неаднамерным, загалавак выступае як імя дыскурсу і сігналізуе пра галоўныя сэнсавыя элементы навуковага твора, тым самым забяспечваючы больш-менш адэкватнае прадстаўленне аб ідэі і пазіцыі аўтара. У загалоўку змяшчаюцца найбольш важныя, з пункту погляду

стваральніка навуковага дыскурсу, словы для перадачы яго асноўнага зместу. Адрасант вызначае не толькі выбар назвы, але і свядома прагназуе ўспрыманне тэксту адрасатам, выклікаючы яго інтарэс і эксплікуючы імпрэсіўнасць (стварэнне ўражання) і атрактыўнасць (успрыманне на аснове станоўчых пачуццяў).

Прагматычныя функцыі загалоўка грунтуюцца на структурна-семантычных, сінтаксічных паказчыках яго складнікаў у іх узаемасувязі і ўзаемаўплыве з камунікатыўнымі інтэнцыямі аўтара, увасобленымі ў тактыка-стратэгічную арганізацыю ўсяго навуковага артыкула. Інтэнцыя забяспечвае танальнасць загалоўка, аб'ектывуе выкарыстанне моўных сродкаў, вызначае асобу адрасанта, рэгулюе ўзаемадзеянне з чытачом. З дапамогай рознаўзроўневых моўных сродкаў аўтар навуковага артыкула ажыццяўляе дзве галоўныя дыскурсіўныя стратэгіі – інфармаванне і ўздзеянне, вызначаныя інфармацыяна-аргументатыўнай арганізацыяй твора, маючы на мэце ўзбагаціць ці змяніць навуковую карціну свету суразмоўцы.

Эфектыўнымі тактыкамі асноўных стратэгий загалоўкаў у навуковых артыкулах выступаюць імкненне аўтара эксплікаваць ісцінасць прапазіцыі выказвання, прагназаванне вынікаў даследавання, актуалізацыя фонавых ведаў, апеляцыя да рацыянальнай ацэнкі, гатоўнасць да супрацоўніцтва (устаўнення кантакту) у прафесійна арыентаванай супольнасці.

У заключэнне адзначым, што загалолак навуковага артыкула, як малафарматны дыкурс, выступае дамінантай у логіцы яго пабудовы, рэпрэзентуе аб'ектыўную інтэнцыю ва ўзаемадзеянні з аўтарскай задумай, мае багаты сістэмна-структурны, семантычны і камунікатыўна-прагматычны патэнцыял, скіраваны на апэратыўнае азнаямленне са змястоўнай сутнасцю аднаго з тыпаў інстытуцыянальнага дыскурсу.

А. А. Салавей

СЕМАНТЫКА-ПРАГМАТЫЧНЫЯ ЎЛАСЦІВАСЦІ МАРКЕРАЎ ПРАБЛЕМАТЫЧНАЙ ВЕРАГОДНАСЦІ

Верагоднасць выступае кваліфікатыўнай катэгорыяй, якая можа быць рэпрэзентавана ў рознастылёвых тэкстах з дапамогай марфалагічных, лексічных, сінтаксічных, іншых моўных сродкаў і іх варыяцый.

Мэта даследавання заключалася ў вылучэнні семантыка-прагматычных функцый маркераў праблематычнай верагоднасці, якія абумоўліваюць іх ужыванне ў публіцыстычным, навуковым і мастацкім дыскурсах. Матэрыялам даследавання паслужылі 100 беларускамоўных і англамоўных тэкстаў

публіцыстычных рэцэнзій на кнігі, 100 навуковых рэцэнзій на манаграфіі па лінгвістыцы на дзюх мовах, 100 беларускіх і 100 англійскіх апавяданняў сучасных пісьменнікаў.

Пры выкарыстанні маркераў праблематычнай верагоднасці адрасант падкрэслівае, што выказанае меркаванне не з'яўляецца адзіна магчымым і суразмоўца мае права на сумнеў, на іншае меркаванне, на ўласную трактовку падзей. Семантыка-прагматычныя функцыі маркераў праблематычнай верагоднасці раскрываліся з дапамогай кантэкстуальнага метаду. Устаноўлена, што эксплікатары праблематычнай верагоднасці рэалізуюць семантыка-прагматычныя функцыі зніжэння катэгарычнасці, самааўтарызацыі, спасылкі на чужое меркаванне, некатэгарычнага прымушэння да дзеяння, стварэння вобразнасці і іранічнага эфекту, змякчэння крытыкі, стрыманай пахвалы.

Функцыя зніжэння катэгарычнасці ўласціва тром стылям і рэпрэзентуецца мадальнымі словамі *мабыць, магчыма, напэўна, perhaps, possibly, probably* і інш.; мадальнымі часціцамі *бадай, наўрад, хутчэй*; прэдыкатамі *здаецца, падаецца, seem, appear*; мадальнымі дзеясловамі *could, may, might*.

Функцыя самаўтарызацыі актуалізуецца маркерамі *адчуваю, баюся, думаю, лічу, маю спадзеў, мяркую, спадзяюся, сумняюся, на маю думку, як на мне, I assume, I'm doubtful, I'm not sure, I believe, I consider, I doubt, I expect, I hope, in my view, I imagine, I presume, I suggest, I suppose, I suspect, I think*, якія сігналізуюць аб прысутнасці суб'екта мадальнай кваліфікацыі, у ролі якога выступае адрасант.

Функцыя спасылкі на чужое меркаванне ўласціва тром стылям. У публіцыстычных і навуковых рэцэнзіях рэцэнзент прыводзіць думкі іншых аўтараў, каб паказаць існаванне разнастайных поглядаў на вывучаемую праблему. Акрамя таго, ён можа спасылацца на меркаванне самага аўтара кнігі ці манаграфіі для акцэнтавання яго пункту гледжання, які часта адрозніваецца ад агульгапрынятага. У беларускіх тэкстах маркерамі чужога меркавання выступаюць мадальнае словаспалучэнне *на думку аўтара* і яго мадыфікацыі (*на думку даследчыка, даследчыцы* і інш.), прэдыкат *лічыць*. У англійскіх тэкстах чужое меркаванне рэпрэзентавана большай колькасцю адзінак (*assume, believe, consider, hypothesize, propose, regard, think, suggest*). Маркеры *ён / яна лічыць, ён / яна падумаў / падумала, he / she thinks / thought* выконваюць названую функцыю ў кароткіх апавяданнях. Выкарыстоўваючы дадзеныя эксплікатары, аўтар спасылаецца на словы герояў, якія часцей за ўсё ўтрымліваюць ацэначныя характарыстыкі іншых герояў ці іх учынкаў. Аўтар як бы дыстанцыруецца, спасылаючыся на ацэначныя меркаванні саміх герояў, якія дапамагаюць стварыць іх вобраз і характар.

Функцыя некатэгарычнага прымушэння да дзеяння ўвасабляецца пры выкарыстанні мадальнага слова *можа / можа быць* у пытальных сказах. Гэта можа быць просьба, парада, запрашэнне да сумеснага дзеяння. Мадальнае слова *можа* сумесна з інтанацыйным малюнкам афармляе імператывнае выказванне ў выглядзе просьбы. Такія выказванні можна разглядаць як

ускосны маўленчы акт з інтэнцыяй прымушэння. Беларускія маркеры ў гэтай функцыі сустрэліся толькі ў апавяданнях, для англійскіх эксплікатараў яна не характэрна.

Функцыя стварэння вобразнасці эксплікуецца лексэмамі *быццам, нібы, нібыта, бы, як бы, as if, as though* у беларускіх і англійскіх апавяданнях. Параўнальныя канструкцыі з семантыкай верагоднасці ў апавяданнях выкарыстоўваюцца пры апісаннях герояў, іх фізічнага і псіхічнага стану, прадметаў навакольнага свету, што дазваляе адрасату найбольш поўна прадставіць вобразы герояў. Індывідуальна-аўтарскія вобразныя параўнальныя канструкцыі як маркеры праблематычнай верагоднасці ў дзвюх мовах таксама актуалізуюць індывідуальныя унутраныя свету аўтара, спецыфіку яго мастацкага і рэальнага светаўспрымання.

Функцыя стварэння іранічнага эфекту рэалізуецца канструкцыямі з параўнальнымі злучнікамі і часціцамі *быццам, as if, like* у мастацкіх тэкстах.

Функцыя змякчэння крытыкі маніфестуецца маркерамі *здаецца, (мы) мяркуем, на мой унутраны погляд / на наш погляд, на нашу думку, наўрад ці, (нам) падаецца, хутчэй, could, in my view, I'm not quite sure, perhaps, seem* у навуковых рэцэнзіях.

Функцыя стрыманай пахвалы рэалізуецца ў навуковых рэцэнзіях лексэмамі *здаецца, мяркую, на нашу думку, на наш погляд, падаецца, уяўляецца, appear, might, perhaps, probably, seem*.

Такім чынам, галоўныя семантыка-прагматычныя функцыі, рэалізуюмыя маркерамі праблематычнай верагоднасці, характэрныя для публіцыстычнага, навуковага і мастацкага стыляў – зніжэнне катэгарычнасці, самааўтарызацыя, спасылка на чужое меркаванне. Функцыі змякчэння крытыкі, стрыманай пахвалы ўвасабляюцца пераважна ў навуковых рэцэнзіях, паколькі навуковы этыкет прадугледжвае карэктнае выказванне як адмоўнай, так і станоўчай ацэнкі. Функцыі стварэння вобразнасці і іранічнага эфекту актуалізуюцца ў мастацкіх апавяданнях на дзвюх мовах, некатэгарычнага прымушэння да дзеяння – у беларускіх мастацкіх тэкстах, што абумоўлена іх вобразнасцю і эмацыянальнай экспрэсіўнасцю.

А. В. Семянькевіч

СІНТАГМАТЫКА ЗЛІЧАЛЬНЫХ МНОЖНАЛІКАВЫХ НАЗОЎНІКАЎ

Адным з крытэрыяў вылучэння канкрэтна-прадметных намінацый у асобны клас субстантыўнай лексікі з'яўляецца іх магчымасць спалучацца з колькаснымі словамі. У традыцыйнай граматыцы лічыцца, што большасць злічальных назоўнікаў мае поўную парадыгму ліку. Але ў беларускай мове ёсць шэраг назоўнікаў, якія паддаюцца злічэнню, аднак маюць толькі форму множнага ліку. Па нашых падліках, яны складаюць каля 20 % ад агульнай

колькасці назоўнікаў *pluralia tantum* (далей *plt*). Гэтая лічба сведчыць пра тое, што гэта не анамальная з’ява, рэпрэзэнтантаў якой можна было б аднесці да маргінальнай зоны выключэнняў з правіла, а пэўная граматычная заканамернасць.

Злічальныя плюратывы выяўляюць спецыфіку ў адносінах як да незлічальных *plt*, так і да карэлятыўных злічальных назоўнікаў. У адрозненне ад незлічальных *plt*, назоўнікі тыпу *сані, нажніцы* маюць марфалагічна няпоўную, але функцыянальна поўную лікавую парадыгму, бо ў адных кантэкстах могуць абазначаць грамема адзіночнага ліку (*Хлопец на хаду ўскочыў у сані. Дай мне сінія нажніцы. Дзіця надзела штаны*), а ў іншых – грамема множнага ліку (*Па дарозе ехала чарада саней. Нам спатрэбіцца нажніцы рознага памеру. Яму кароткія ўсе яго штаны*). У гэтай супярэчнасці лінгвісты бачылі праяўленне аманіміі лікавых форм (А. А. Залізняк, Г. К. Паліванава) або граматычнай мутацыі (Л. Г. Яцкевіч). Некаторыя мовазнаўцы (Г. М. Сямёнава) уласціваць плюратываў выражаць значэнні адзіночнасці і множнасці аднолькавымі формамі з дапамогай розных кантэкстаў адносяць да з’явы марфалагічнага аналітызму ці лексічнай субстытуцыі, пры якой флектыўная недастатковасць кампенсуецца спалучэннямі з лексемамі, ідэнтычнымі па сямантыцы граматычным формам (А. А. Калеснікаў).

Як і ўсе злічальныя карэлятыўныя назоўнікі, злічальныя множналікавыя назоўнікі спалучаюцца з:

- лічэбнікамі і словам *некалькі*: *двое нажніц, некалькі нажніц*;
- квантарамі *штука, пара* і інш.: *пара нажніц*;
- квантыфікатарамі *кожны* і ўсе: *кожны вучань меў нажніцы, нажніцы ляжалі на кожнай парце, усе нажніцы завоштраеныя*;
- дзеясловамі дыстрыбутыўна-сумарнага спосабу дзеяння: *выдаць усім па нажніцах, вучні пакідалі нажніцы*;
- прыназоўнікам *па* + месны склон множнага ліку ў дыстрыбутыўным значэнні: *купіць усім па нажніцах*;
- прыназоўнікам *з* + творны склон множнага ліку: *не чапайце нажніцы з дэфектамі*;
- формамі множнага ліку сінтаксічна звязаных слоў: *узяўшы нажніцы, дзеці пачалі працу; цэннікі на нажніцах былі пераблытаныя; нажніцы вучняў былі невялікія*.

Аднак злічальныя плюратывы маюць і істотныя сінтагматычныя адрозненні ад карэлятыўных назоўнікаў. Назоўнікі тыпу *сані, нажніцы* з’яўляюцца адзінай групай слоў, якія могуць спалучацца толькі са зборнымі лічэбнікамі *двое, трое, чацвёрта*, хаця гэтыя спалучэнні і маюць лакуны – адсутнічаюць адпаведныя састаўныя лічэбнікі (такія колькасць перадаецца апісальнымі канструкцыямі). Са зборнымі лічэбнікамі, пачынаючы з *пяцёра*, сувязь злічальных *plt* адрозніваецца толькі магчымасцю іх паралельнага ўтварэння з колькаснымі лічэбнікамі ў назоўным склоне (*пяцёра саней – пяць саней*). Акрамя таго, злічальныя *plt* выяўляюць спецыфіку ў спалучэнні са словамі *адны* і *кожныя*. Слова *адны* можа рэалізаваць функцыю колькаснага

лічэбніка толькі з множналікавымі назоўнікамі (*адны сані*, але нельга *адны сталы* ў колькасным значэнні). Квантыфікатар *кожныя* (у форме множнага ліку для абазначэння грамема адзіночнага ліку) таксама можа спалучацца толькі з плюратывамі (*кожныя суткі*, але нельга *кожныя сталы*).

Пералічаныя сінтагматычныя характарыстыкі сведчаць пра тое, што ў беларускай мове выпрацаваны граматычныя механізмы маркіроўкі множналікавых назоўнікаў. Гэта аказваецца вельмі важным у вырашэнні праблемы аб'ёму паняцця *plt*. Пры вызначэнні граматычнага статусу полісемантычнага назоўніка, які мае форму адзіночнага ліку, мэтазгодна абавірацца не на ступень яе узуальнай ужывальнасці, а на семантычныя суадносіны лікавых форм па ўсім складзе семнай структуры лексемы. Пры такім падыходзе лексічная зона канкрэтных *plt* значна пашырыцца за кошт назоўнікаў з множналікавай семай 'пара' і 'набор'. Напрыклад, назвы абутку ў традыцыйнай граматыцы не адносяцца да зоны плюратываў, аднак у практыцы марфалагічных апісанняў іх нярэдка разглядаюць сярод іх. Такія супярэчнасці ў кваліфікацыі назваў абутку выкліканы наяўнасцю ў іх семантычнай лікавай парадыгме трох значэнняў формы множнага ліку: 1) *боты* 'асобныя боты, узятых не ў пары' – карэлятыўная сема; 2) *боты* 'пара, від абутку' *plt*; 3) *боты* 'некалькі пар' *plt*. Множналікавыя семы дыягнастуюцца дыстрыбутыўнымі кантэкстамі, уласцівымі злічальным *plt*. Лічэбнік *адны* ў колькасным значэнні спалучаецца толькі з плюральнай формай у значэнні 'пара' (*Маю на зіму адны боты*). Зборныя лічэбнікі *двое*, *трое*, *чацвёрэ* таксама ўжываюцца толькі з такой формай (*Двое ботаў аднаго памеру*), тады як з формай множнага ліку ў значэнні 'адзінкавыя прадметы' спалучаюцца колькасныя лічэбнікі (*два левыя боты*). Плюральна-парную сінтактыку выяўляюць назвы абутку і ў спалучэнні з квантарам *кожныя* (*На кожных ботах зламана маланка*, але нельга *кожныя левыя боты*), а таксама ў дыстрыбутыўных канструкцыях (*Куплю ўсім па ботах*). Калі быць паслядоўнымі і з'яву *plt* разглядаць на ўзроўні асобных лексіка-семантычных варыянтаў, назвы пар варта адносіць да зоны плюратываў.

Такім чынам, сінтагматычныя прыметы канкрэтна-прадметных злічальных назоўнікаў з'яўляюцца фармальным моўным інструментам семнай дыферэнцыяцыі і таму павінны ўлічвацца пры іх лексікаграфічным апісанні. Пабудова дыягнастычных дыстрыбутыўных кантэкстаў дазваляе вылучыць множналікавыя семы ў семантычнай структуры канкрэтных назоўнікаў.

С. А. Сігаева

МЕСЦА І РОЛЯ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ Ў СІСТЭМЕ УВА ЛІНГВІСТЫЧНАГА ПРОФІЛЮ

Паняцце “ўніверсітэт” уыходзіць да лацінскага слова “universum”, якое ў перакладзе азначае “ўсеагульны”, “цэласны”. І сапраўды, на працягу некалькіх апошніх стагоддзяў студэнтамі вывучаліся не толькі вузкасפעцыаль-

ныя, але і агульнагуманітарныя і грамадскія дысцыпліны. Гэта прыводзіла да таго, што людзі, якія атрымалі ўніверсітэцкую адукацыю, былі развіты ўсебакова, валодалі некалькімі замежнымі мовамі, разбіраліся ў літаратуры і філасофіі, культуры і мастацтве.

Галоўнай мэтай любой вышэйшай прафесійнай адукацыі з'яўляецца фарміраванне сістэмы прафесійных навыкаў і ўменняў з мэтай падрыхтоўкі грамадскіх спецыялістаў, што неабходна ўлічваць незалежна ад прафесійнай спецыялізацыі студэнта. У немалой ступені гэта адносіцца і да ўстаноў вышэйшай адукацыі гуманітарнага профіля. Нараўне з гэтым, вышэйшая адукацыя павінна таксама дапамагчы станаўленню і ўсебаковаму развіццю асобы, павышэнню яе агульнага інтэлектуальнага ўзроўню. Выкладанне літаратуры як няпрофільнага прадмета дае магчымыя шляхі вырашэння гэтай праблемы.

Студэнты Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта вывучаюць беларускую літаратуру як няпрофільны прадмет. Асноўным аб'ектам вивучэння ва ўніверсітэце акрамя моўных дысцыплін абранай спецыяльнасці з'яўляецца як гісторыя замежнай літаратуры ў цэлым, так і гісторыя літаратуры той дзяржавы, мову якой вивучае студэнт. Пры гэтым шматгадовая традыцыя выкладання ў Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэце як беларускай, так і замежнай літаратуры дазволіла знайсці аптымальную форму выкладання беларускай літаратуры: была ўпершыню сфармулявана канцэпцыя выкладання беларускай літаратуры менавіта ў кантэксце сусветнай.

Літаратура як частка культуры з'яўляецца адкрытай, пранікальнай для ўсіх іншых яе складнікаў. Кампаратывістскі падыход да выкладання дадзенай дысцыпліны дазваляе выявіць міжлітаратурныя сувязі на аснове твораў, аўтараў, жанраў, гісторыка-культурных перыядаў. Вынікам узаемапраанікнення культурных пластоў з'яўляецца інтэртэкстуальнасць. Тэкст пры гэтым разумеецца ў шырокім сэнсе. Інтэртэкстуальнасць – тэрмін, які абазначае латэнтна існуючыя сувязі кожнага тэксту з іншымі тэкстамі як нацыянальнай, так і сусветнай літаратуры. Інтэртэкстуальнасць з'яўляецца філалагічнай, лінгвістычнай і агульнакультурнай праблемай і адносіцца да складанай сістэмы наўмысных або ненаўмысных спасылак у полі кожнага тэксту.

Інтэртэкстуальнасць у літаратурным творы можа быць з тэкстам іншага твора, з сям'ятычным невербальным феноменам, з гістарычнай падзеяй або сацыяльным фактам. У літаратуразнаўчым адукацыйным дыскурсе інтэртэкстуальнасць – гэта падыход да выяўлення і разумення сувязі паміж рознымі аб'ектамі. Для метадыкі выкладання літаратуры інтэртэкстуальнасць – гэта праблема аўтара, літаратурнага дыскурсу і чытача.

Розныя метадычныя шляхі і формы ўзаемазвязанага вивучэння літаратур вызначаюцца своеасаблівайсцю культурна-гістарычнага развіцця народаў. Разам з тым можна гаварыць аб асноўных метадычных прынцыпах, якія на кожнай нацыянальнай тэрыторыі рэалізуюцца з улікам канкрэтных умоў.

Методыка выкладання літаратуры ўвогуле – гэта методыка, накіраваная на навучанне студэнтаў і сродак, з дапамогай якога пазнаюць літаратуру, каб яе зразумець і асэнсаваць. Сутнасць методыкі выкладання беларускай літаратуры як няпрофільнай дысцыпліны ў вышэйшай школе – пры дапамозе адукацыі садзейнічаць узаемапрапранікненню культур шматнацыянальнага грамадства. Пры гэтым асаблівае месца ў жыцці студэнта павінны займаць чытанне і праца ў бібліятэцы. Гэта садзейнічае павышэнню кругагляду, развіццю духоўных і маральных каштоўнасцей. Пакідаючы ўніверсітэт, яго выпускнікі павінны стаць не толькі спецыялістамі, але і высокаадукаванымі людзьмі ў цэлым.

Выкладанне беларускай літаратуры як няпрофільнай дысцыпліны ва ўстановах вышэйшай адукацыі патрабуе асаблівай канцэпцыі падачы мас-тацтва слова, прымянення найноўшай метадалагічнай асновы. У гэтым працэсе выкладчык дзейнічае як літаратуразнаўца, даследчык, інтэрпрэтатар сусветнай і нацыянальнай літаратуры, які ўвесь час узаемадзейнічае з культуралагічнымі і камунікацыйнымі тэндэнцыямі, пашыраючы, такім чынам, метадалогію свайго прадмета і спецыяльнасці. У сучасным адукацыйным працэсе лекцыя фактычна з’яўляецца галоўнай формай выкладання матэрыялу, планам дзеянняў, стратэгічным кірункам, шмат матэрыялу адводзіцца на самастойную працу. Таму ўніверсітэцкі лектар павінен быць выключным адмыслоўцам па сваім прадмеце.

Новае гучанне набывае і само вывучэнне літаратуры ва ўніверсітэце, неабходнасць разглядаць яе як зварот да традыцыі і сучаснасці, што дае магчымасць ажыццяўляць пошук ідэнтычнасці ў шырокім міжкультурным кантэксце. Гісторыя літаратуры бачыцца як гісторыя духоўнага і ментальнага развіцця нацый і іх дзяржаў ў літаратурных тэкстах.

Месца беларускай літаратуры як вучэбнага прадмета вызначаецца вучэбнымі праграмамі. Вучэбная праграма з’яўляецца дзяржаўным дакументам, які адлюстроўвае канцэпцыю сістэмы адукацыі.

Прынцыпы пабудовы вучэбнай праграмы па беларускай літаратуры:

Жанравы прынцып – перавага яго ў тым, што ён дазваляе вылучыць жанравую сістэму, а таксама інварыянтнасць у канкрэтных тэкстах.

Тэматычны прынцып – ужываецца пры вывучэнні мастацкіх тэкстаў з падобнымі тэмамі і праблемамі. Гэта дае магчымасць параўноўваць розныя жанры.

Храналагічны прынцып – “гістарычны” – ўжываецца для вывучэння як беларускай, а так і для еўрапейскай літаратуры.

Змест дысцыпліны павінен адпавядаць сучасным адукацыйным стандартам і прынцыпам. Ён грунтуецца на вывучэнні ключавых літаратурных твораў адпаведных культур (сярэднявечнай, рэнесанснай, Новага часу, XX стагоддзя, сучаснай).

Мэта дысцыпліны – азнаёміць студэнтаў з найбольш важнымі паняццямі літаратуразнаўства, літаратурнымі напрамкамі, жыццём і творчасцю самых яркіх прадстаўнікоў беларускай і сусветнай літаратуры ад старажытнасці да

сучаснасці. Адначасова мэтай літаратурнай адукацыі з'яўляецца стварэнне літаратурна адукаванай асобы, якая ўспрымае літаратуру як спецыфічнае агульнасусветнае мастацтва, умее асэнсоўваць і абагульняць літаратурныя факты, інтэрпрэтаваць мастацкія і немастацкія тэксты.

Дасягненне мэты прадугледжвае рашэнне некаторых задач. У працэсе вывучэння беларускай літаратуры студэнты павінны:

1) азнаёміцца з творчасцю беларускіх пісьменнікаў як у шырокім культурным кантэксце, так і разумець дыялагічнае ўзаемадзеянне твораў аўтараў розных літаратур;

2) вывучыць гісторыю беларускай літаратуры, яе вертыкальную перыядызацыю і гарызантальныя сувязі з іншымі літаратурамі;

3) адрозніваць віды літаратурных сувязей (кантактныя, тыпалагічныя, генетычныя);

4) азнаёміцца з прыродай мастацкага перакладу як найважнейшай формай літаратурных сувязей;

5) авалодаць прынцыпамі і крытэрыямі аналізу літаратурнага твора;

6) асэнсавать агульначалавечы характар літаратуры ўвогуле і месца нацыянальнай літаратуры ў ёй.

Навыкі, якімі павінен авалодаць студэнт у працэсе вывучэння курса беларускай літаратуры:

1) умець праводзіць кампаратыўны аналіз мастацкіх твораў;

2) разумець літаратуразнаўчыя і культуралагічныя з'явы, для выяўлення як адзінства сусветнага літаратурнага працэсу, так і самабытнасці нацыянальнай літаратуры.

С. М. Тычына

ЭКСПРЭСІЯНІЗМ У ТВОРЧАСЦІ ЯНКІ КУПАЛЫ

Сусветны літаратурны працэс першай паловы XX ст. вызначыўся разнастайнымі мастацкімі эксперыментамі, якія тычыліся як формы, вобразаў, так і зместу твораў. У гэты час ўзніклі шматлікія мастацкія плыні, якія суіснавалі, узаемаўзбагачаліся і дапамагалі аўтару намацаць свой ўласны творчы шлях. Яскравыя прыклады спалучэння рыс розных мастацкіх плыняў ў беларускай літаратуры можна назіраць у творчасці пісьменнікаў пачатку XX ст.: Я. Купалы, Я. Коласа, М. Багдановіча, З. Бядулі, М. Гарэцкага і інш.

У мастацкіх тэкстах Я. Купалы беларускія даследчыкі адзначалі рысы рамантызму, рэалізму і сімвалізму. Найбольш увагі літаратуразнаўцы ўдзялялі праявам рамантызму ў тэкстах беларускага класіка. Пра гэта сведчыць і артыкул «Романтызм творчасці Янкі Купалы» ў энцыклапедычным даведніку 1986 года, у той час як іншым плыням асобнага месца ў манументальнай працы не знайшлося. Тым не менш, у тым жа артыкуле гутарка ідзе і пра рэалізм, які ў творчасці Я. Купалы цесна знітаваны з рамантызмам: «У К. амаль няма вобразаў, створаных чыста рэаліст. сродкамі тыпізацыі:

адметны, вельмі своеасаблівы купалаўскі рэалізм амаль заўсёды ідзе побач з рамантызмам, з «матэрыялізацыяй» суб'ектыўнага пачатку, які не можа знайсці апоры ў тыповасці характараў і абставін» (І. Я. Навуменка 1986). Сімвалізм, як блізкі паэту напрамак, не згадваецца ў даведніку наогул (у артыкуле «Сімвал у творчасці Янкі Купалы» У. Конан адзначае, што сімволіка беларускага аўтара арганічна спалучае рэалістычныя і рамантычныя пачаткі (У. М. Конан 1986), што тлумачыцца асаблівасцямі развіцця літаратуразнаўства ў той час, бо І. Навуменка, аўтар артыкула «Романтызм творчасці Янкі Купалы», ўжо ў раздзеле «Гісторыі беларускай літаратуры XX стагоддзя» (1999 г.) піша: «Янка Купала не прайшоў міма пэўных мастацкіх форм, выпрацаваных паэтамі-сімвалістамі і імпрэсіяністамі, яны мелі на яго бясспрэчны ўплыў» (І. Я. Навуменка 1999). Надзвычай цікавае даследаванне, прысвечанае праявам сімвалізму ў творчасці Янкі Купалы, было праведзена П. Васючэнкам у манаграфіі «Беларуская літаратура XX стагоддзя і сімвалізм».

Наогул, калі разглядаць літаратурную спадчыну Янкі Купалы з пункту погляду асаблівасцей той або іншай плыні, вынікае, што значная частка яго твораў ўтрымлівае адначасова рысы розных кірункаў. Пры гэтым, на праяўленні рыс, характэрных для экспрэсіянізму, у творчасці беларускага класіка ўвага не акцэнтуюцца. Тым не менш некаторыя вершы Я. Купалы нясуць адзнакі гэтай плыні. Сам экспрэсіянізм, як вынікае нават з самой назвы, звязаны з выражэннем моцных пачуццяў. «Пратэстуючы супраць сусветнай вайны і сацыяльнай несправядлівасці, супраць бездухоўнасці жыцця і прыгнечанасці асобы сацыяльнымі механізмамі, а часам і звяртаючыся да рэвалюцыйнай тэмы, майстры экспрэсіянізму сумяшчалі пратэст з жахам перад хаосам быцця» (Н. С. Павлова 1987). Творчасць Янкі Купалы ў цэлым надзвычай насычана эмоцыямі, адчуваннямі, аўтар вельмі трапна падбірае словы, для таго, каб перадаць настрой героя або асабістыя пачуцці. Таму чытач вельмі добра адчувае тое, што адбываецца ў душы героя або аўтара. Творы Я. Купалы, ці гэта вершы, ці гэта п'есы, ці гэта артыкулы, ўражваюць сваёй здольнасцю пераканаць, прымусіць адчуваць і суперажываць. Несумненна, на эмацыянальныя прынцыпы пабудовы твора апіраўся і сімвалізм, але экспрэсіянізм рабіў акцэнт найперш на супярэчнасцях, якія ўзнікаюць паміж асобай і сацыюмам, падкрэсліваў залежнасць асобы ад сацыяльнага быцця, што праяўляецца, напрыклад, у такіх творах Я. Купалы, як «Смейся!..» і «Маё цярпенне» (вершы былі напісаны ў 1915 г.). Кожны радок гэтых твораў не проста насычаны пачуццямі, унутранымі перажываннямі, тут аўтар перадае адчай, звязаны з ўсведамленнем нікчэмнага становішча чалавека, які не можа выказаць свой боль, закрываць на ўвесь свет, звярнуць на сябе ўвагу у сувязі з тым, што ён бачыць сябе членам ці невялікай, нязначнай часткай грамадства (а па-сутнасці, кропляй у моры): «Маё цярпенне, мой крывавае боль – // Што значыць перад мукамі мільёнаў...»,

«Мой крык перад малітвай свету – ноль!», «І веру я, што я нішто ў быцці – // Іначай думаць не дае сумленне...»; «І не важся ад сэрца ўздыхаці, // Ласкі ждаць...» (Я. Купала 2001).

Чалавек залежыць ад іншых людзей, ад іх меркавання. Усё, што ён можа прапанаваць людзям – сваё сэрца, сваю душу: «Ха-ха-ха-ха! Душу сваю выні, // Палажы на далонь і надзейся, // Што павераць табе, што не згіне // Ёся прысяга твая ў чорнай ціне // Перасудаў людскіх...» (Я. Купала 2001). Вершы «Смейся!..» і «Май цярпенне» вельмі дакладна ілюструюць наступнае выказванне з «Літаратурнага энцыклапедычнага слоўніка»: «У цэнтры мас-тацкага сусвету экспрэсіянізму – змардаванае бяздушнасцю сучаснага свету, кантрастамі жывога і мёртвага, духа і цела, «цывілізацыі» і «прыроды» сэрца чалавека» (Н. С. Павлова 1987). Напрыклад, кантраст жывога і мёртвага перадаецца ў вершы «Смейся!..» праз аксюмаран «жывыя трупы». Лірычны герой твора знаходзіцца на мяжы вар'яцтва, на мяжы адчаю, на мяжы прорвы, у якую ў любы момант ён можа абрынуцца, на мяжы жыцця і смерці: «Вырываі з сябе жылу па жыле, // Ві ў вярхоўку, ў пятлю і павесся, // І, пакуль у зямлю не зарылі, // Хоць дух будзе шыпець у бяссілі, – на сваіх вісі жылах і смейся!» (Я. Купала 2001). Тым не менш заклік «смейся!», які гучыць у канцы кожнай страфы, – гэта спроба вярнуць чалавека да жыцця, да змагання за сябе, да пошуку сілы, якая падтрымае ў цяжкі для чалавека момант, нават тады, калі, здаецца, наступае апошняя хвіліна і ўжо нічога зрабіць нельга: «Смейся смехам – хрыпеннем быдлярці // З перарэзаным горлам, і грэйся // Ё гэтым храпе скрозь стогн і пракляцце, // І не важся да сэрца ўздыхаці, // Ласкі ждаць... Хоць крывёю, а смейся!» (Я. Купала 2001).

Такім чынам, у творах Янкі Купалы можна выявіць рысы розных плыняў, якія цесна спалучаюцца і пераплятаюцца адна з адной. Цікавасць да розных спосабаў выяўлення жыццёвых фактаў, чалавечых гісторый, сваіх уласных назіранняў, перажыванняў, думак, ідэй сведчыць пра складаны творчы пошукі аўтара, які, несумненна, здолеў знайсці свой арыгінальны, непаўторны, адметны творчы стыль.

ГІСТОРЫЯ І БЕЛАРУСАЗНАЎСТВА

І. В. Грабянчук

МАТЭРЫЯЛЬНАЕ ЗАБЕСПЯЧЭННЕ ДЗЕЙНАСЦІ БАБРУЙСКАГА НАСТАЎНІЦКАГА ІНСТЫТУТА (1949–1954)

Стварэнне новай ВНУ заўсёды з’яўляецца складанай задачай, паспяховае выкананне якой забяспечвае арганічнае адзінства трох важнейшых састаўных частак: матэрыяльна-тэхнічнай базы, навучальнага працэсу, навукова-даследчай работы. Аналіз праблемы забеспячэння матэрыяльна-тэхнічнай базы вивучаемай навучальнай установы дасць магчымасць выявіць некаторыя важнейшыя фактары, якія вызначылі яе нядоўгае існаванне.

Бабруйскі дзяржаўны настаўніцкі інстытут быў створаны на базе Бабруйскага педагагічнага вучылішча 1 верасня 1949 г. і размяшчаўся ў будынку былой жаночай Аляксееўскай гімназіі, пабудаваным яшчэ ў другой палове XIX ст. (вул. Сацыялістычная, 119). У гэтым навучальным корпусе мелася 24 пакоі: зала на 75 чалавек, 2 аўдыторыі на 50 чалавек, 3 – на 40 чалавек, 5 – на 25 чалавек, з якіх адна была занята пад бібліятэку і дзве пад кабінеты. Астатнія 13 пакояў былі невялікімі па сваёй плошчы, у якіх размяшчаліся адміністрацыя, канцылярыя, бухгалтэрыя, партыйная, камсамольская і прафсаюзная арганізацыі, складскае памяшканне. Інстытут меў два грузавыя аўтамабілі, якія забяспечвалі яго гаспадарчыя патрэбы.

12 верасня 1949 г. прыступілі да заняткаў 196 студэнтаў. Ад Бабруйскага педагагічнага вучылішча інстытуту перайшоў інтэрнат (вул. Пушкіна, 122), разлічаны на 90 чалавек. Аднак перад пачаткам 1949/50 навучальнага года там абвалілася столь, у выніку чаго ў памяшканні інтэрната змаглі пражываць толькі 60 чалавек. Студэнцкая сталовая не была арганізавана з-за адсутнасці неабходнай плошчы, і студэнтам даводзілася харчавацца ў сталовых гархарчгандлю. Ужо па выніках першага навучальнага года стала зразумела: каб стварыць нармальныя ўмовы для навучальнага працэсу, патрэбны дадаткова 6 аўдыторыі па 50 чалавек кожная і інтэрнат на 100–120 чалавек.

Інтэрнат быў адрамантаваны перад пачаткам 1949/50 навучальнага года. У ім жылі да 100 студэнтаў. Яны маглі карыстацца працоўным пакоем для самападрыхтоўкі, у якой мелася чытальная зала і перасоўная бібліятэка. Аднак, як паказала праверка інтэрната, у ім было золка і холадна, і ў цэлым побыт студэнтаў заставаўся неўладкаваным. Варта таксама адзначыць, што пытанне аб выніках комплекснай праверкі побытавых умоў студэнтаў было абмеркавана на паседжанні Рады інстытута толькі 17 студзеня 1953 г., г.зн. толькі праз тры з паловай гады ад пачатку дзейнасці гэтай навучальнай установы.

Для паўнаты агульнай карціны матэрыяльнага забеспячэння варта адзначыць, што ў інстытуце не было сваёй спартзалы, таму ў непагадзь заняткі па фізічнай культуры праводзіліся ў калідоры навучальнага корпуса, «што

вельмі нязручна і адмоўна ўплывае не толькі на фізічнае выхаванне, але і на іншыя прадметы, паколькі шум у калідоры падчас фізкультурных заняткаў замінае працы ў аўдыторыях і кабінетах».

Кіраўніцтва інстытута імкнулася забяспечыць усім неабходным абсталяваннем навучальныя кабінеты і лабараторыі. На працягу 1949/50 навучальнага года было набыта прыбораў і наглядных дапаможнікаў на суму 9 959 рублёў, што дазволіла дастаткова добра забяспечыць навучальны працэс. У той жа час існавала практыка самазабеспячэння навучальных кабінетаў неабходным абсталяваннем. Напрыклад, выкладчыкі і студэнты ўласнымі сіламі вырабілі серыю прыбораў па радыётэхніцы і наглядных дапаможнікаў для практычных заняткаў на ўроках фізікі ў школе: прыбор для дэманстрацыі правіла паралелаграма сіл, прыбор для дэманстрацыі пераўтварэння патэнцыйнай энергіі ў кінетычную і інш. Вядома, неабходныя заяўкі на матэрыяльнае забеспячэнне навучальных кабінетаў падаваліся ў Мінск, Маскву, Ленінград, але паступленне неабходнага абсталявання ішло вельмі дрэнна.

Сур'ёзныя праблемы былі звязаны з камплектаваннем і эфектыўнасцю працы бібліятэкі інстытута. У пратаколе пасяджэння Рады інстытута № 2 ад 23 лістапада 1949 г. была зафіксавана такая яе агульная ацэнка: «Прымушае жадаць лепшага бібліятэка, паколькі гэта ў асноўным бібліятэка сярэдняй школы». Найбольшыя складанасці пачыналіся падчас экзаменацыйных сесій, бо не хапала студэнтам патрэбнай літаратуры, а выкладчыкі казалі, што на перыяд экзаменаў чытальная зала бібліятэкі павінна працаваць да... 10–11 гадзін вечара. З другога боку, змест пратаколаў Рады Бабруйскага настаўніцкага інстытута паказвае, што яна не ўдзяляла сістэматычнай ўвагі працы бібліятэкі і за 5 гадоў заслухала справаздачу яе загадчыка толькі на адным пасяджэнні, якое адбылося 22 снежня 1951 г. У пастанове па гэтаму пытанню была запісана прапанова для паляпшэння працы бібліятэкі завесці картатэку. Паказальна, што на гэта звярнулі ўвагу толькі на трэцім годзе дзейнасці інстытута.

Калі пытанні матэрыяльнага забеспячэння БНІ ў цэлым былі вырашаны, то з забяспечэннем прыезжых выкладчыкаў жылой плошчай з самага пачатку яго працы пачаліся вялікія праблемы. У верасні 1949 г. на старонках «Савецкай Радзімы» прагучала крытычная заўвага на адрас гарадскіх улад: «Няхай будзе сказана ў папрок кіраўнікам Бабруйскага гарвыканкама, якія вынеслі рашэнне забяспечыць кватэрамі выкладчыкаў у Доме спецыялістаў, (Дом Камуны), але рашэнне не выканалі. Кватэрнае пытанне і да гэтага часу не вырашана і гэта мела ўплыў на першы навучальны дзень (3 вучэбных аўдыторыі заняты пад кватэры для выкладчыкаў)».

Дырэкцыя і партыйная арганізацыя інстытута не аднойчы ставілі пытанне перад партыйнымі і савецкімі арганізацыямі горада аб забеспячэнні кватэрамі выкладчыкаў. У сакавіку 1950 г. бюро абласнога камітэта КП(б)Б прыняло пастанову, якая абавязвала старшыню Бабруйскага гарвыканкама неадкладна вырашыць гэту праблему, але да канца 1949/50 навучальнага года «кватэрнае пытанне» засталася не вырашаным.

Сітуацыя не змянілася да лепшага і ў наступныя гады. У справаздачы Бабруйскага настаўніцкага інстытута за 1950/51 навучальны год паведамлялася, што «на працягу навучальнага года 4 працаўнікі інстытута пражывалі на прыватных кватэрах, якія зусім не забяспечваюць нармальныя ўмовы для навуковай працы». Зразумела, што такія побытавыя ўмовы зніжалі эфектыўнасць працы выкладчыкаў. Акрамя таго, адсутнасць жылля не давала магчымасці Бабруйскаму настаўніцкаму інстытуту ў бліжэйшай перспектыве запрасіць на працу высокакваліфікаваных супрацоўнікаў і аб'явіць конкурс на замяшчэнне вакантных пасадаў.

Сумная карціна незайздроснага матэрыльнага становішча бабруйскіх выкладчыкаў паўстае з справаздачы інстытута за 1951/52 навучальны год: 4 супрацоўнікі па-ранейшаму пражываюць на прыватных кватэрах у тых жа умовах, па-ранейшаму няма магчымасці аб'явіць конкурс на замяшчэнне вакантных пасадаў. Адсутнасць якой-небудзь надзеі праглядаецца ў наступных радках узгаданага дакумента: «У вырашэнні гэтых пытанняў неабходна дзейсная дапамога з боку Міністэрства асветы БССР, абласных партыйных і савецкіх арганізацый. Да гэтага часу гэтай патрэбнай дапамогі інстытут не меў». У Бабруйскі гарадскі выканаўчы камітэт з просьбай аб вырашэнні жыллёвай праблемы для выкладчыкаў БНІ звяртаўся Прэзідыум Беларускага рэспубліканскага камітэта прафесійнага саюза работнікаў вышэйшай школы і навуковых устаноў, але безвынікова. Не меў поспеху і зварот па гэтым пытанні Міністэрства асветы БССР да старшыні Бабруйскага абласнога выканаўчага камітэта Ждановіча А. Ф.

Такім чынам, Бабруйскі настаўніцкі інстытут меў сур'ёзныя праблемы з матэрыяльным забеспячэннем сваёй дзейнасці, якія так і не знайшлі свайго належнага вырашэння. Ці мог быць іншым лёс першай вышэйшай навучальнай установы ў Бабруйску? Верагоднасць альтэрнатывы закрыццю тэарэтычна існавала. Далейшае развіццё інстытута патрабавала значнага пашырэння плошчаў кабінетаў, лабараторый, бібліятэкі. Акрамя таго, неабходна было пабудаваць новы вучэбны корпус і жылы дом для выкладчыкаў на 24 кватэры. Аднак на працягу ўсіх гадоў свайго існавання ў вырашэнні гэтых пытанняў ніякай дапамогі з боку гарадскіх, абласных і рэспубліканскіх партыйных і савецкіх органаў Бабруйскі настаўніцкі інстытут не дачакаўся. У пачатку ж 1954 г. яго дырэктар накіраваў у Міністэрства асветы ліст з прапановай пераўтварыць гэту навучальную ўстанову ў педагагічны інстытут з 4-х гадовым тэрмінам навучання, а неабходныя для яго будынкі перадаць з ліку тых, што належалі структурам ліквідаванай Бабруйскай вобласці, але гэта ідэя была адхілена.

Стаць педагагічным інстытутам Бабруйскі настаўніцкі інстытут рэальнай магчымасці не меў. Нават калі б і былі вырашаны пытанні з матэрыяльнай базай, не вырашанай засталася б галоўная праблема – недахоп высокакваліфікаваных выкладчыкаў для ВНУ больш высокага ўзроўню. Гэты інстытут быў запатрабаваны да жыцця ў найбольш складаны перыяд развіцця адукацыі ў Беларусі, калі ў школах рэспублікі вельмі не

хапала кваліфікаваных настаўнікаў. Ён дастаткова поўна выканаў сваю задачу, выпусціўшы з сваіх сцен 815 настаўнікаў, і мусіў адысці ў гісторыю, а частка яго выкладчыкаў працягнула сваю педагагічную дзейнасць у іншых ВНУ краіны, у тым ліку і ў Мінскім інстытуце замежных моў.

С. Я. Новікаў

МАШТАБЫ ЗЛАЧЫНСТВАЎ НАЦЫСЦКІХ ЗАХОПНІКАЎ У ДАЧЫНЕННІ ДА ГРАМАДЗЯНСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА МАГІЛЁўСКОЙ ВОБЛАСЦІ Ў 1941–1944 гг. (па дакументальных матэрыялах НАРБ)

Вызначэнню маштабаў злачынстваў у дачыненні да грамадзянскага насельніцтва на акупаванай тэрыторыі Беларускай ССР у гады Вялікай Айчыннай вайны служаць зборнікі архіўных дакументаў і матэрыялаў НАРБ, выдадзеныя ў апошнія два гады ў рамках серыі «Без тэрміну даўніны». Аўтар аналізуе змест толькі аднаго з выданняў (2021 г.), у якім сістэматызавана прадстаўлены 163 архіўныя дакументы і матэрыялы па Магілёўскай вобласці 1941–1944 гг.

Структуру зборніка складаюць два раздзелы і дадаткі у якіх скампанаваны дакументальныя крыніцы ў рамках раскрыцця, з аднаго боку, праяў нацысцкай палітыкі генацыду і выпаленай зямлі на тэрыторыі 21 раёна Магілёўскай вобласці і горада Магілёва, а з другога – выяўленне маштабаў злачынстваў германскіх акупантаў і іх памагатых у дачыненні да грамадзянскага насельніцтва адной з 10 абласцей занятай БССР. Апроч таго, зборнік утрымлівае дадаткі у выглядзе спісаў месцаў прымусовага ўтрымання грамадзянскага насельніцтва, масавага знішчэння яўрэяў, правядзення найбольш буйных карных аперацый, а таксама сельскіх населеных пунктаў, знішчаных нямецкімі акупантамі цалкам ці часткова на тэрыторыі Магілёўскай вобласці ў 1941–1944 гг. Адрозна заўважым, што кожны з прыведзеных раздзелаў і дадаткаў патрабуе самага ўважлівага аналізу і дэталёвага вывучэння, а таксама выкарыстання ў навукавай, інфармацыйнай і выхаваўчай працы з студэнцкай моладдзю ў рамках вывучэння вучэбнай дысцыпліны «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (ў кантэксце Другой сусветнай вайны)» ці новай вучэбнай дысцыпліны «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці», а таксама з мэтай захавання праўдзівай гістарычнай памяці.

У нашым выпадку прааналізуем толькі некалькі дакументаў і матэрыялаў, якія ўтрымліваюць першыя два раздзелы. Знаёмства з 66 дакументамі першага раздзела дазваляе адзначыць той факт, што абсалютная большасць матэрыялаў датычыцца злачынстваў нямецкіх карнікаў, пра якія сведчаць даклады камандавання партызанскіх атрадаў, актаў аб знішчэнні населеных пунктаў у асобных раёнах вобласці, злачынстваў карнікаў у дачыненні да грамадзянскага насельніцтва, звестак, загадаў, радыёграм і інш. Самымі адметнымі можна лічыць 9 дакументаў аб спаленні нямецкімі акупантамі

вёскі Баркі Кіраўскага раёна і забойстве яе жыхароў 15 чэрвеня 1942 г. Асноўныя звесткі вынікаюць з акта ваеннага следчага Мазнічэнкі, які быў складзены праз два гады пасля падзей на падставе звестак, атрыманых у працэсе апытання чатырох былых жыхароў вёскі, хто з’яўляўся сведкай падзей і застаўся жывым. Паводле іх расповядаў, вёска Баркі складалася з 7 пасёлкаў: Пралетарскі, Дзяржынскі, Чырвоны Араты, Закрынічча, Старыя Баркі, Доўгаполле, Хватаўка. У гэтых пасёлках месцілася блізу 300 двароў з насельніцтвам агульнай колькасцю 1738 чалавек. Паводле дакумента, у маі месяцы партызаны пачалі праводзіць аперацыі супраць немцаў шляхам падрыву аўтамашын на шашы Бабруйск–Магілёў. Заўважым, што паводле дакумента, складзенага следчым на аснове звестак сведак, у маі месяцы на шашы было падарвана 5 нямецкіх аўтамашын.

Звернем увагу чытача на гэты дакладны факт: у вытрымцы з «Дакладной камандавання 208-га партызанскага атрада Ваеннаму савета Заходняга фронту» ад 28 ліпеня 1942 г. паведамляецца аб гэтым жа факце, але ў іншай фармулёўцы: «в конце месяца немецкими властями в ответ на уничтожение 33 автомашин с 42 летчиками, ехавшими по шоссейной дороге Могилев–Бобруск», было расстаралена і спалена ўсё насельніцтва разам з вёскай. Вышэй у зборніку прыведзены яшчэ адзін дакумент, але нямецкага паходжання, то бок «Данясенне асобай каманды СС О. Дзірлевангера вышэйшаму фюрэру СС і паліцыі «Расія–Цэнтр Э. фон Баху» ад 16 чэрвеня 1942 г. «з якога вынікае, што пры злучэнні дарогі з вёскі Баркі з шашой Магілёў – Бабруйск партызанамі былі абстраляны 3 нямецкія грузавыя аўтамабілі. Публікацыя дакументаў рознага паходжання паказвае, што асобныя падзеі патрабуюць больш глыбокага і крытычнага вывучэння, што пакуль не ўваходзіць у задачу аўтара гэтых радкоў.

Галоўнай мэтай артыкула з’яўляецца паказ маштабаў нацысцкіх злачынстваў у дачыненні да грамадзянскага насельніцтва, а не вывучэнне эфектыўнасці баявой дзейнасці партызан на тэрыторыі Магілёўскай вобласці летам 1942 г. У нашым выпадку ў цэнтры разгляду знаходзяцца факты знішчэння жыхароў вёскі і яе самой цягам аднаго дня – 15 чэрвеня 1942 г. (складальнікі зборніка прыводзяць дату 16 чэрвеня 1942 г. – С. Н.). Паводле звестак непасрэдных сведак тых падзей, хто застаўся жывым, «за падбітыя машыны» немцы 15 чэрвеня на золку акружылі ўсё пасёлкі і в. Баркі. Так, у вёсцы Закрынічча немцы пачалі выганяць усіх жыхароў з дамоў на край пасёлка, потым заганялі ў кожны з дамоў па 8 чалавек, прымушалі класціся на падлогу ў адзін рад па 4 чалавека, а другі рад галовамі да галоў першага рада, пасля чаго з аўтаматаў расстрэльвалі ляжачых на падлозе людзей. Адною са сведак, 30 гадовай Сакадынец Н. Ф., якая ляжала паміж расстрэляных, удалося застацца жывой, хоць і параненай. У астатніх шасці пасёлках расправа з мірнымі жыхарамі была праведзена іншым спосабам: карнікі заходзілі ў кожны дом і, нічога не кажучы, расстрэльвалі вяскоўцаў:

і старых, і малых. Крывая расправа была скончана ў сярэдзіне дня, пасля чаго вёска была спаленая. Паводле дакумента, у гэты дзень былі расстраляны жанчыны, старыя і дзеці ў агульнай колькасці 1 700 чалавек.

Аналіз дакументаў другога раздзела дае магчымасць для раскрыцця маштабаў знішчэння грамадзянскага насельніцтва Магілёўскай вобласці ў гады германскай акупацыі. Так, з дакумента № 70 «Звесткі Магілёўскай абласной камісіі НДК аб колькасці насельніцтва, забітага і выгнанага на прымусовыя работы нямецкімі акупантамі ў раёнах вобласці» (1945 г.) вынікае, што ўсяго па раёнах вобласці камісія склала 555 актаў, якія сведчылі: пра расстрэл 71 756 чалавек, павешанне 17 мірных грамадзян, спаленне 1286 чалавек, 95 загінулі ў час паветранай бамбардзіроўкі. З табліцы вынікае, што 20 920 жыхароў былі адпраўлены на прымусовыя работы ў Германію. Заўважым, што табліца не ўтрымлівае звестак пра нацыянальны склад забітых.

З гэтага і іншых дакументаў бачна, што знішчэнне грамадзянскага насельніцтва адбывалася сістэматычна цягам усяго часу германскай акупацыі Магілёўскай вобласці. Выкарыстоўваліся самыя розныя метады, сярод якіх звернем увагу на ўдушэнне людзей газамі ў спецыяльным аўтамабілі. Так, увосень 1941 г. у гарадской бальніцы, дзе на лячэнні заходзіліся псіхічнахворыя, была абсталявана «душагубка» шляхам прыстасавання ад аднаго з вокнаў газаправодных трубак ад аўтамабіля да пакою з герметычнымі дзвярымі і іншай неабходнай ізаляцыяй ад доступу ў яе паветра. Калі пакой быў абсталяваны, пачалося ўдушэнне псіхічнахворых. Гэта адбывалася шляхам падачы газу ад выхlapной трубы аўтамабіля ў памяшканне, у якой прымусова заганыліся па 70–80 чалавек душэўнахворых і ў герметычна зачынены пакой напампоўваліся газы ад працуючага матара аўтамабіля, які знаходзіўся пад вакном у двары бальніцы. Такім шляхам былі загублены каля 700 чалавек, яшчэ 500 душэўнахворых былі забіты ў выніку падрыву гранатамі і расстрэлаў. Усяго ў Магілёўскай міжабласной псіхбальніцы было загублена 1300 душэўнахворых.

Звернем увагу чытача таксама на дакумент, які сведчыць аб ліквідацыі германскімі захопнікамі слядоў злачынстваў на месцах правядзення масавых расстрэлаў мірных жыхароў і савецкіх ваеннапалонных. У распараджэнні складальнікаў апынулася заява жыхара вёскі Прысна Магілёўскага раёна С. І. Пілунова, які быў непасрэдным сведкам знішчэння гітлераўцамі вязняў з магілёўскай турмы і спальвання цел забітых. Адразу заўважым, гэты сведка пакінуў для гісторыі фактычна адзіны малавядомы дакумент, дзякуючы якому можна дэталёва рэканструяваць падзеі, звязаныя з ліквідацыяй слядоў нацысцкіх злачынстваў на акупаванай тэрыторыі Беларусі, пачынаючы з 1943 г., калі ва ўсходніх раёнах пачала дзейнасць спецыяльная каманда пад сакрэтным кодам 1005 ці «зондэракаманда-1005».

Менавіта ёй ставілася задача па знішчэнні слядоў на месцах расстрэлаў шляхам эксгумацыі і спальвання забітых людзей. Сведку гэтых падзей удалося выжыць пасля таго, як ён удзельнічаў у рабоце па ўскрыцці месцаў масавых пахаванняў з савецкімі ваеннаслужачымі, грамадзянскімі асобамі, у тым ліку дзецьмі, старымі, падлеткамі і жанчынамі.

Знаёмства толькі з некалькімі архіўным дакументамі і матэрыяламі паказвае, наколькі маладаследаванай з'яўляецца гэта тэма для цяперашняга пакалення моладзі і студэнтаў, а таксама ваенных гісторыкаў, калі даследаванне гісторыі нацысцкіх злачынстваў весці выключана да базе крыніц і новых дакументаў. Дзякуючы іх выданню на парадак дня беларускіх гісторыкаў павінна быць пастаўлена пытанне аб параўнаўчым аналізе тых падзей шляхам выкарыстання дадатковых дакументаў і матэрыялаў нямецкага паходжання, а таксама даследавання наступстваў нацысцкага генацыду на акупаванай тэрыторыі не толькі Магілёўскай, але і іншых абласцей Беларускай ССР у 1941–1944 гг.

А. Г. Цымбал

МЕСЦЫ ПАМЯЦІ: СУЧАСНЫЯ ПАДЫХОДЫ ДА ІНТЭРПРЭТАЦЫІ

З моманту заканчэння Другой сусветнай вайны адбыліся сур'ёзныя змены ў падыходах да канцэпцыі спадчыны, інтэрпрэтацыя якой сёння звязана з паняццем «месцаў памяці». Тэрмін спадчына выкарыстоўваецца для апісання падыходу да мінулага, які захоўвае, інтэрпрэтуе і прадстаўляе сведчанні мінулага для вывучэння і асветы грамадскасці, у тым ліку турыстаў, а таксама мясцовых супольнасцяў. Дадзены падыход прыводзіць да больш глыбокага і збалансаванага разумення мінулага.

Канцэпт «месцаў памяці» быў вызначаны французкім гісторыкам П'ерам Нара. Месца памяці – гэта любая значная сутнасць, матэрыяльная або нематэрыяльная па сваёй прыродзе, якая па волі чалавека або па волі часу стала сімвалічным элементам мемарыяльнай спадчыны любой супольнасці. Месцы памяці – гэта месцы, якія ў сувязі з характарам падзей, якія там адбываліся, маюць гістарычнае, сацыяльнае або культурнае значэнне. Яны могуць мець асаблівае значэнне, улічваючы іх ролю ў фарміраванні ідэнтычнасці супольнасці або нацыі. Месцы памяці, на яго думку, уключаюць такія месцы, як музеі, саборы, мячэці, храмы, палацы, могілкі, архівы і мемарыялы, канцэпты і практыкі, камемарацыі, дэвізы і рытуалы; аб'екты, як эмблемы, асноўныя тэксты і сімвалы важныя для сацыяльнай групы.

У цяперашні час спадчына прызнана міжнароднай навуковай супольнасцю, міжнароднымі і нацыянальнымі ўрадавымі органамі ў якасці важнага фактару самабытнасці супольнасцей і груп, уключана ў мэты Арганізацыі Аб'яднаных Нацый у галіне ўстойлівага развіцця на перыяд да 2030 года.

Гэта прызнанне звязана з развіццём і зменамі ва ўспрыманні гісторыі, праз такія новыя падыходы як “shared historical authority” і “co-created histories”. Акрамя таго, аб'екты культурнай спадчыны ўсё часцей разглядаюцца як важны ўклад ва ўстойлівы рост, развіццё турызму, сацыяльны і эканамічны дабрабыт мясцовых супольнасцяў, а таксама ў іх пачуццё ідэнтычнасці.

Адным з следстваў пашырэння новага разумення спадчыны з'яўляецца значна больш ўсёабдымны і цэласны падыход да кіравання сведчаннемі мінулага, часта заснаваны на канцэпцыях культурных ландшафтаў і гістарычных гарадскіх ландшафтаў.

Сучасны падыход да месцаў памяці як спадчыны грунтуецца на каштоўнасцях, якія падзяляюць людзі. Паколькі розныя групы могуць успрымаць розныя і нават супярэчлівыя каштоўнасці ў адным і тым жа месцы, усе гэтыя групы, а не толькі спецыялісты па спадчыне, павінны ўдзельнічаць у прыняцці рашэнняў аб тым, што адбываецца з гэтымі месцамі.

Прызнанне разнастайнасці зацікаўленых бакоў і іх часта супрацьлеглага разумення каштоўнасці аб'ектаў спадчыны прывяло да зменаў у падыходах да інтэрпрэтацыі шляхам прызнання, што месцы памяці могуць мець розныя значэнні для розных супольнасцяў, кожная са сваім уласным наратывам, які ў многіх выпадках можа супярэчыць адзін аднаму. У цяперашні час усё часцей прызнаецца, што інтэрпрэтацыя большасці аб'ектаў культурнай спадчыны павінна ўключаць у сябе мноства наратываў і пунктаў гледжання.

На міжнародным узроўні прызнанне і інтэрпрэтацыя аб'екта з мемурыяльнымі аспектамі павінны ажыццяўляцца з асаблівай павагай да пачуццяў іншых краін і іншых супольнасцей, а таксама ў духу супрацоўніцтва, які ляжыць у аснове канцэпцыі ЮНЕСКА і Канвенцыі аб сусветнай спадчыне. Для ўсіх месцаў памяці, будзь то лакальныя, нацыянальныя, рэгіянальныя або міжнародныя, інтэрпрэтацыя павінна быць этычнай і адпавядаць каштоўнасцям месца і яго сапраўднасці. Наратыў месца памяці быць сумленным, справядлівым і непрадузятым і, магчыма, павінен ўключаць некалькі розных поглядаў. Для дасягнення гэтай мэты часта бывае карысны знешняя экспертыза падыходу да інтэрпрэтацыі. Таксама важна пазбягаць анахронічнага ўвядзення сучасных ідэй, ідэалагічных штампаў і перспектывы сучаснасці ў апісанні мінулага і прадстаўляць мінулыя падзеі ў іх кантэксце. Прэзентызм з'яўляецца недапушчальным ў інтэрпрэтацыі месцаў памяці.

На міжнародным узроўні інтэрпрэтацыя месцаў памяці павінна забяспечваць культурныя правы. Спадчына важная як права і адыгрывае вялікую ролю ў фарміраванні ідэнтычнасці, асабліва мясцовых жыхароў і іншых значных супольнасцяў.

Пры працы з месцамі памяці прадугледжваецца забяспячэнне і інклюзіўнага падыходу праз ілюстрацыю ўспрымання ў цяперашні час значнасці, і асацыятыўных каштоўнасцей месца памяці з ўлікам меркавання супольнасцей, так ці інакш звязаных з месцам, паколькі часта грамадскасць фактычна піша гісторыю месца памяці.

Сацыяльны аспект адлюстроўваецца праз прыцягненне увагі да сацыяльных, эканамічных і экалагічных аспектаў аб'екта спадчыны.

Звяртаецца ўвага на пытанні захавання і рэстаўрацыі, а таксама да прыярытэзацыі мерапрыемстваў па захаванні ў дачыненні да мемарыяльных аспектаў.

Інтэрпрэтацыя месцаў памяці павінна адпавядаць асноўным мэтам ЮНЕСКА і духу Канвенцыі аб сусветнай спадчыне 1972 года, рэкамендацыі 1972 г. аб ахове культурнай і прыроднай спадчыны на нацыянальным узроўні і прынцыпам палітыкі Камітэта сусветнай спадчыны па інтэграцыі перспектывы ўстойлівага развіцця ў працэсы Канвенцыі аб сусветнай спадчыне, якія дастасуюцца да ўсіх месцаў памяці: дыялог, паразуменне, памяркоўнасць, павага.

Пры інтэрпрэтацыі месца памяці таксама неабходна:

вызначэнне каштоўнасцей, што прадугледжвае ідэнтыфікацыю асацыятыўных каштоўнасцей мемарыяла як часткі агульнай ацэнкі значнасці месца памяці з прыцягненнем усіх зацікаўленых бакоў, уключаючы іх супярэчнасці ў інтэрпрэтацыі. Інтэрпрэтацыя павінна перадаць шматграннае значэнне і каштоўнасці месца памяці і прадбачыць магчымыя змены ў значэннях і інтэрпрэтацыі месца памяці з цягам часу.

Прымірэнне розных кропак гледжання, што значыць кіраванне рознымі, часам разбежнымі, супярэчлівымі і канфліктуючымі каштоўнасцямі, якія ўзнікаюць у выніку адрозненняў ва ўспрыманні зацікаўленымі бакамі каштоўнасцяў месца памяці. Магчыма, спатрэбіцца прадставіць больш аднаго гістарычнага наратыву аб месцы памяці. Выкарыстоўваць інтэрпрэтацыю для пераадолення рознагалоссяў, забеспячэння платформы для годнасці і павагі да ўсяго вопыту, пазбягаючы або зводзячы да мінімуму палітычную эксплуатацыю. гэта можа прывесці да развіцця пазітыўнай перспектывы з пункту гледжання аднаўлення грамадства і грамадскіх адносін. Інтэграваць прымірэнне і нават прабачэнне ў інтэрпрэтацыю месцаў памяці.

Інтэрпрэтацыя павінна ўключыць матэрыяльныя доказы, уключаючы архівы або вусныя сведчанні, сімвалічным чынам упісаныя ў наратыў месцаў памяці.

Сучасныя падыходы да пазнання гісторыі прызнаюць, што любы наратыў месца памяці з'яўляецца інтэрпрэтацыяй вядомых фактаў і доказаў, і такой рэчы, як абсалютная ісціна, не існуе. Таму навукоўцы і іншыя зацікаўленыя бакі, уключаючы ўсе супольнасці, што маюць адносіны да месца памяці могуць злічыць карысным працу ў рамках канцэпцыі «чатырох ісцін» Міжнароднай кааліцыі месцаў сумлення. Канцэпцыя прадугледжвае аналіз месцаў памяці і месцаў сумлення праз некалькі відаў «праўды»:

афіцыйная праўда – публічнае і афіцыйнае прызнанне або адмаўленне таго, што адбылося;

наратыўная праўда – апавяданні ахвяр, сведак і злачынцаў;

сацыяльная праўда – усталёўваецца з дапамогай грамадскага ўзаемадзеяння паміж усімі зацікаўленымі бакамі;

праўда, якая лякуе – праўда, якая дапамагае выправіць шкоду і прадухіляе паўтарэнне грамадзянскага гвалту.

Мемарыяльны аспект аб'ектаў спадчыны існуе даўно, але ў апошнія дзесяцігоддзі ён стаў больш выразна акцэнтавацца праз прызнанне катэгорыі аб'ектаў памяці. Прызнанне месцаў памяці і месцаў сумлення з іх арыентацыяй на будучыню на вылячэнне мінулых траўмаў з'явілася адносна нядаўна. Калі некаторыя аб'екты спадчыны маюць значнасць у першую чаргу з-за іх мемарыяльных аспектаў, ёсць шмат іншых, якія, тым не менш, маюць мемарыяльныя аспекты, якія неабходна ўлічваць пры іх інтэрпрэтацыі.

Любое месца памяці можа выклікаць дыскусіі і спрэчкі з-за супярэчлівых ацэнак і каштоўнасцей тых, хто мае дачыненне да яго, і патрабуе ўважлівай інтэрпрэтацыі такіх розных поглядаў. Гэтая інтэрпрэтацыя павінна быць інклюзіўнай і закранаць усе адчувальныя моманты, звязаныя з пэўным месцам памяці.

Круглый стол «ЧЕЛОВЕК И ЯЗЫКИ»

Е. А. Акуленко, В. В. Леонтьева

КАК СТАТЬ ГУРУ НЕ БУДУЧИ ИНДУСОМ: О СЕМАНТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ИНДУИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Иноязычная лексема *гуру* (санскр.) существует в рамках лексико-семантической системы современного русского языка в довольно плотном семантическом окружении. По данным профессиональных и краудсорсинговых словарей, рядом обнаруживаются бесспорные языковые синонимы *учитель* и *наставник/духовный наставник*, а также *специалист*, *эксперт*, *знаток*, *профессионал*, *мастер/мастер своего дела/великий мастер*, *виртуоз*, *мудрец*, *властитель дум*, *ас*, *профи*, *спец*, *дока*, *сэнсэй*, *священник*, *кумир*, *идеолог*, *высокий уровень* и даже *валеолог*. Среди данных лексических единиц есть исконные и заимствованные, общеупотребительные и ограниченного употребления, стилистически нейтральные и коннотативно окрашенные, имеющие давнюю историю существования в языке и инновационные.

Семантическая адаптация слова индийского происхождения как элемента далекой для нас лингвокультуры в русском языке как реципиенте ожидаема и закономерна. Вся история *гуру* и путь, пройденный данной лексической единицей на собственно русской почве, по нашему мнению, свидетельствуют о том, что, несмотря на ограничения, накладываемые морфологией на нее вследствие чужеродности материального облика и «неудобный», так и непреодоленный статус несклоняемой номинации, а также связанные с данными обстоятельствами крайне скудные ее словообразовательные возможности, освоение данным заимствованием русскоязычного коммуникативного пространства однозначно можно считать успешным.

Отмечаемая в письменных текстах русского языка, согласно данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), с 1805 г., лексема *гуру* не сразу привлекла внимание отечественных лексикографов. Впервые она получает фиксацию в 1910 г. в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» А. Н. Чудинова с толкованием «у браминских индусов, название ученого и мудреца». Затем – спустя более чем полвека! – в 3-е издание Большой советской энциклопедии (Т. 7, 1972 г.) включается статья о гуру как «главе религиозной общины сикхов в Пенджабе (Индия)».

Удивительно, но составители этимологических словарей проявили интерес к данной лексеме только в 2020 г.: Г. Ю. Багриновский в «Большом этимологическом словаре русского языка» указывает на происхождение наименования *гу'ру* из хинди *guru* < др.инд. *guru*- 'уважаемый', букв. 'тяжёлый' и датирует его концом XX в. Действительно, именно с данного

хронологического периода лексикографические источники (толковые словари и словари иностранных слов русского языка) активно стали включать в свои реестры рассматриваемую лексему, причем чаще всего как полисемантическую.

Так, в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» под ред. Г. Н. Складневской (1998) слово *гуру* отмечено в следующих значениях: «1. В буддизме: духовный наставник, учитель (первоначально – глава религиозной общины сикхов); 2. *Перен.* Об учителе, наставнике; 3. *Перен.* О том, что учит, направляет, формирует мировоззрение. *Десятки лет государственное телевидение служило оружием в идеологической борьбе, средством воспитания масс, таким назидательным гуру – да оно и не могло быть другим.* КП, 07.01.92.» В данном словаре используются специальные пометы, указывающие на время появления слова в лексикографических источниках русского языка. По свидетельству авторов-составителей *гуру*, в первом лексико-семантическом варианте (ЛСВ) «зафиксировано в словарях последних десятилетий», а во втором и третьем значениях «зафиксировано впервые».

Обращает на себя внимание востребованность слова *гуру* современной речевой практикой в условиях столь жесткой конкуренции. Для того чтобы полноценно функционировать в текстовой реальности члену столь пространного синонимического ряда, лексическая единица должна профилировать действительно нужные смыслы и указывать на важные нюансы, и с данной задачей *гуру* успешно справляется. В НКРЯ *гуру* представлен широко: вхождения обнаруживаются в основном корпусе, а также в газетном и поэтическом подкорпусах: 228 документов – в основном корпусе (документы с вхождением *гуру* встречаются с 1809 по 2019 гг.), 1320 документов – в газетном подкорпусе (с 1984 по 2021 гг.), 5 документов – в поэтическом (с 1805 по 2016 гг.; подкорпус в стадии разработки).

Концептуальное значение лексемы *гуру* предсказуемо обеспечивает асимметрию ее эмоционально-оценочного профиля: контексты демонстрируют существенный перевес на стороне позитивного коннотативного компонента в ходе использования номинации в коммуникации. Аксиологические установки современного мира предопределяют именно такое положение дел: *Так вот, как утверждает великий научный гуру Стивен Хокинг, путешествия в будущее в определенном смысле слова осуществимы, но «на условиях Эйнштейна», с помощью кораблей, движущихся с околосветовой скоростью, при которой, по Эйнштейну, время путешественников резко замедляется относительно времени землян, так что они могут вернуться на Землю через миллионы лет по земному времени* [Р. Нудельман. Путешествия в прошлое запрещены // Знание – сила, 2011].

Однако данный статус-кво не исключает случаи негативной оценки, регулярно реализующиеся в современном русскоязычном дискурсе: *На проверку же оказывается, что всевозможные гуру лишь прикрываются манящими «неземными» идеями, а на самом деле цели у них вполне приземленные –*

выманить деньги любым способом [А. Моисеенко, В. Лаговский, В. Баранова. Женщина, которая не ест // Комсомольская правда, 2005.06]; *И это неудивительно: многие школьники с упоением просматривают ролик за роликом, внимая словам доморощенных гуру хип-хопа* [А. Болотов. «Вот эти два нигера самый огонь, покупаю» // www.lenta.ru, 2017.08].

Способность лексемы стать компонентом фразеологизированного выражения свидетельствует о максимальной степени лексической освоенности заимствованной единицы: *Слушай своего гуру, а не жену-дуру!* [Слушай своего гуру, а не жену-дуру! // Аргументы и факты, 2003.02]. Индуизм гуру на сегодняшний день не просто входит в лексико-семантическую систему русского языка, а участвует в создании паремиологии нового времени.

Обращают на себя внимание синонимические ряды, членом которых становится гуру в русских текстах: *Это позиция пророка, гуру, главы религиозной секты, но только не учёного* [А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // Вопросы языкознания, 2000]; *Владимир Владимирович – мэтр, зубр, гуру, один из самых солидных и уважаемых ведущих на нашем телевидении* [Д. Корсаков. Парфенов увез Познера в Париж // Комсомольская правда, 2004.03] и др. Подобная «говорящая» дистрибуция и семиотически релевантная синтагматика, на наш взгляд, фиксируют семантический потенциал лексемы гуру в современных русскоязычных текстах, очерчивают границы ее расширенного толкования как единицы первичной номинации.

В современной речевой практике гуру, казалось бы, представлен в контекстах преимущественно как персонифицированный знак наставничества и учительства, однако парадигма дополнительных смыслов, репрезентируемых лексемой в разных коммуникативных ситуациях, представляется нам невероятно богатой и значительно превосходящей кодифицированные на сегодняшний день семантические возможности слова: возможны гуру персонализированные и неперсонализированные, самодостаточные, автономные и сопровождаемые указанием на локативные, религиозные, профессиональные, возрастные и другие признаки, ожидаемые и парадоксальные в аксиологическом аспекте и т. д.

Возможности текстовой реализации экзотического заимствования гуру в русскоязычном коммуникативном пространстве столь широки, что требуют, на наш взгляд, отдельного исследования, вследствие чего именно они и станут предметом нашего пристального внимания в самое ближайшее время.

Е. В. Ксендзова

СОЦИАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ КОННОТАЦИИ (на материале русского языка)

Коннотации, или дополнительные оттенки значений, которые приобретают слова в различных контекстах, во многом обусловлены социальными причинами. Язык – это живая система, и все, что происходит в обществе, так или иначе находит отражение и выражение в языке.

Одним из феноменов, проявляющимся в языке и имеющим социально обусловленную природу, является речевое хамство. Данный феномен неоднократно рассматривался в работах как отечественных, так и зарубежных лингвистов. По мнению В. В. Химики, типология хамства имеет два вектора: вертикальный (унижение собеседника «сверху вниз» – например, при взаимодействии старшего и младшего по возрасту, начальника и подчиненного) и горизонтальный (телефонное хамство, троллинг в Интернете и т. д.).

Статусное неравенство напрямую связано с социальной ролью собеседников, один из которых занимает более высокое положение в обществе («начальник – подчиненный»), либо эта роль ситуативно обусловлена («продавец – покупатель»). Взаимоотношения «старший – младший по возрасту» также отражают разный статус собеседников, но в большей степени соотносятся с общеэтикетными правилами, принятыми в определенной культуре. При таком типе взаимоотношений, как «учитель – ученик» присутствие статусной семы обусловлено не только социально-ролевым уровнем, но и возрастными характеристиками собеседников, поскольку учитель оказывается чаще всего старшим по возрасту. Во всех описанных случаях коннотативные семы, формирующие общий прагматический смысл высказывания и способствующие характеристике участников речевого акта, проявляют себя по-разному.

Рассмотрим эти особенности на примерах употребления глаголов *грубить*, *дерзить*, *хамить*. По данным «Большого толкового словаря» С. А. Кузнецова, указанные глаголы являются синонимами: *грубить* 1. ‘говорить грубости кому-л.’ 2. *спорт.* ‘играть, нарушая этику и правила ведения игры (в футболе, баскетболе, хоккее и т.п.)’; *дерзить* ‘говорить дерзости; грубить’; *хамить* ‘вести себя грубо и нагло, по-хамски’. Таким образом, статусные семы проявляются вне системного значения указанных глаголов – на коннотативном уровне, т. е. в определенных контекстах.

В соответствии с данными основной части Национального корпуса русского языка (НКРЯ), наиболее употребительным в речи является глагол *грубить* (обнаружено 188 документов, 221 вхождение), на втором месте – глагол *хамить* (117 документов, 152 вхождения), на третьем – *дерзить* (51 документ, 59 вхождений). Для анализа мы выбрали по 30 примеров употреблений каждого глагола в разных речевых ситуациях.

Как показывают наблюдения, для характеристики взаимоотношений **на социально-ролевом уровне** глагол *грубить* используется лишь в 4 примерах (13,3 %). При этом 1 пример (3,3 %) отражает направленность вектора «сверху вниз» («милиционер-гражданин») и 3 примера (10 %) – направленность «снизу вверх» («гражданин-милиционер», «подчиненный-начальник», «пациент-врач»): «–*Допрашивается арестованный (или подследственный) Померанц, показаний не дает. Начальник стал мне грубить: – Вы нахал и трус!*» (Г. С. Померанц. Записки гадкого утёнка; НКРЯ); «*Сначала он немного оробел, знаете, как уличный мальчишка перед милицией, но когда до него дошло, что пришли за отцом, он начал грубить милиционерам, хамил,*

стоял в дверях, не давал пройти, толкался, вытворял свои мальчишеские штуки, и, не прикрикну я на него, дело могло обернуться плохо» (А. Рыбаков. Тяжелый песок; НКРЯ).

Глагол *хамить* для характеристики социально-ролевых отношений отмечен в 7 примерах (23,3 %). Обнаружено 2 примера (6,6 %) использования данного глагола в соответствии с направленностью вектора «сверху вниз» («учитель-ученик», «продавец-покупатель») и 5 примеров (16,6 %) – в соответствии с направленностью «снизу вверх» («ученик-учитель», «спортсмен-тренер», «пациент-врач»): *«Если она <продавщица> иногда начинала ворчать или хамить, я требовал взвесить повторно»* (Р. Б. Ахмедов. Промельки (2011) // «Бельские Просторы»; НКРЯ); *«Дети смотрят и думают: «Мне тоже можно хамить учителю!»* (коллективный. Форум: «Школа» Гай Германики; НКРЯ).

Использование глагола *дерзить* в речевых ситуациях на социально-ролевом уровне значительно отличается по количеству представленных примеров. Всего обнаружено 19 случаев употребления в таком значении (63,3 %), при этом все примеры отражают направленность вектора «снизу вверх» («ученик-учитель», «учащийся-преподаватель», «подчинённый-начальник», «горничная-хозяева», «начинающий актёр-знаменитый актёр»): *«Не возникло ли у вас желания убежать из дома, стать ЭМО, дерзить учителям, познакомиться с плохим парнем который недавно завязал и т. д.»* (коллективный. Форум: Обсуждение фильма «Все умрут, а я останусь»; НКРЯ).

При характеристике взаимоотношений собеседников **в соответствии с их возрастом** глаголы *грубить*, *дерзить*, *хамить* проявляют себя практически одинаково. Глагол *грубить* используется с учетом направленности вектора «снизу вверх» в 4 случаях (13 %), *дерзить* – в 4 случаях (13 %), *хамить* – в 3 случаях (10 %): *«Негодница! Тебе ли грубить матери? К тебе её безумная любовь и довела её всего больше до несчастья»*. (Д. И. Фонвизин. Недоросль; НКРЯ); *«Тут я вас понимаю, но дерзить нельзя отцу»*. (М. Зайчик. В нашем регионе // «Звезда», 2002; НКРЯ); *«Ты должен прогуливать уроки, пытаться тайком курить за школой, хамить взрослым, раскидывать по дому грязные носки и...»* (Д. Сабитова. Где нет зимы; НКРЯ). Примеры употребления данных глаголов с направленностью вектора «сверху вниз» отсутствуют.

Кроме рассмотренных нами примеров, в которых проявляются статусные коннотативные семы, глаголы *грубить*, *дерзить*, *хамить* могут использоваться при характеристике иных межличностных взаимоотношений, имеющих **горизонтальный вектор направленности**. Чаще всего такие примеры отражают гендерные отношения («мужчина-женщина», «парень-девушка») или отношения, в которых принимают участие незнакомые люди, т. е. социальный статус собеседников неизвестен (это могут быть, например, участники интернет-форумов, незнакомые люди в транспорте и т. д.).

Интересно, что при горизонтальном векторе проявления речевого хамства чаще всего употребляется глагол *грубить*. В таком значении он представлен в 22 примерах, что составляет 73,3 % от всего количества рассмотренных случаев: *«А он стал вдруг сразу же **грубить**, говорить нелепые вещи, что я стремлюсь на волю, чтобы найти кого-то другого, что я только и делаю, что думаю об этом – то есть чтобы сменить его на другого»*. (А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009; НКРЯ).

Высокий показатель в этом отношении также наблюдаем у глагола *хамить*. В 20 примерах (66,6 %) лексема используется при характеристике разнообразных межличностных отношений, не связанных со статусом собеседников: *«Но ведь, как сказал бы мой друг и по совместительству инженер-физик Глебушка, даже из самых общих соображений ясно, что **хамить** по телефону некрасиво»*. (Я. Веров. Никогда не отвечайте незнакомцам // «Наука и жизнь»; НКРЯ).

Для глагола *дерзить* не характерно частое использование в значении, не основанном на статусном противопоставлении участников речевого акта. Выявлено только 7 примеров подобного употребления (20 %): *«Ей лучше **дерзить** или прикинуться мизантропом, тогда она клюнет»* (Д. Симонова. Сердце колибри; НКРЯ).

Таким образом, социально-ролевые отношения между собеседниками с направленностью вектора «снизу вверх» в наибольшей степени реализуются при использовании глагола *дерзить* (63,3 %). В сравнении с ним глаголы *грубить* и *хамить* в таком значении употребляются гораздо реже (10 % и 16,6 % соответственно). Кроме того, в 3,3 % случаев использования глагола *грубить* и в 6,3 % случаев употребления глагола *хамить* отражаются статусные коннотативные семы с направленностью «сверху вниз». Глагол *дерзить* такими характеристиками не обладает.

Коннотативные статусные семы, связанные с возрастом и основанные на противопоставлении «младший-старший» реализуются при употреблении глаголов *грубить*, *дерзить*, *хамить* примерно одинаково (13 % и 10 %).

Социально обусловленные коннотации, не связанные со статусными характеристиками собеседников и возникающие в речи в соответствии с горизонтальной векторной направленностью, особенно ярко проявляются при использовании глаголов *грубить* (73,3 %) и *хамить* (66,6 %). При использовании глагола *дерзить* процентный показатель значительно отличается (20 %).

Г. А. Родионов

TELEGRAM-КАНАЛ «GLEBSANYCH_BLOG» КАК ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ СО СТУДЕНТАМИ

На протяжении многих лет основным инструментом коммуникации преподавателя со студентами является электронная почта. Однако с развитием современных технологий ее функционал становится все более ограни-

ченным, а использование – менее удобным, что также сказывается на позднем получении студентами важной информации. В 2021/2022 учебном году нами было принято решение о создании современной площадки для взаимодействия преподавателя со студентами, которой стал запущенный 30 августа 2021 года Telegram-канал «GLEBSANYCH_BLOG».

На канале публикуется контент самой разной тематики. Во-первых, это домашние задания и материалы к занятиям. Причем студенты имеют возможность получать не только файлы, которые пригодятся им непосредственно на занятии, но и вспомогательные материалы, используемые преподавателем (например, презентация с вводом лексических единиц). Сегодня посты данной тематики дополняются датой и временем проведения занятия, номером аудитории, а в период прохождения студентами 5 курса производственной практики – именем преподавателя-практиканта. Во-вторых, подписчики канала имеют возможность оперативно узнавать об изменениях в расписании проведения занятий (другие день недели и время начала занятия, форс-мажорные ситуации, когда преподаватель задерживается). С ростом заболеваемости COVID-19 как среди отдельных студентов, так и целых групп, возникла необходимость в создании отдельной рубрики «Квентин на карантине», в рамках которой публикуется информация о временном переходе группы на удаленное обучение. Такие посты, помимо даты и времени начала занятия также содержат ссылку на конференцию в интерактивной платформе Zoom.

Немаловажно и то, что Telegram-канал обеспечил постоянную и оперативную связь преподавателя со студентами. Вне рамок занятий они могут оставлять комментарии под любым из постов на канале или отмечать их реакциями – интерактивными и анимированными эмодзи-символами для быстрого выражения мнения. Помимо этого, на канале часто проводятся опросы – как с использованием встроенного инструмента, так и с привлечением ресурса «Google Формы». Наконец, «GLEBSANYCH_BLOG» дает возможность делиться со студентами полезными материалами, используемыми при подготовке конкретных занятий и при обучении иностранному языку в целом. К такому виду контента относятся прямые ссылки на электронные версии учебных пособий и другую методическую литературу, сайты и мобильные приложения, а также информацию о конкурсах по английскому языку (например, международных конкурсах перевода).

Удобство поиска нужной информации обеспечивают хэштеги – специальные текстовые метки для распределения информации по темам. На канале «GLEBSANYCH_BLOG» все хэштеги собраны в несколько категорий:

- Групповые (помогают найти информацию, которая касается определенной группы студентов): #gsb_213_1, #gsb_407_2, #gsb_511_1.
- Предметные (служат для поиска информации по преподаваемым дисциплинам): #gsb_cnd, #gsb_перевод, #gsb_usa.

- Функциональные (облегчают поиск информации по различным темам): #gsb_расписание, #gsb_важно, #gsb_музыка.

Стоит отметить и то, что для Telegram-канала запускались и проводились специальные проекты. Так, ежедневно в период с 1 по 24 декабря 2021 года в рамках проекта «Музыкальный Адвент» студенты слушали выпуски аудиоподкаста «Песня под елкой», где знакомились с историей происхождения англоязычных рождественских песен, а затем выполняли специально разработанные задания. Также в рамках последней учебной недели в 2021 году на канале публиковались фото и видео рождественских занятий. Наконец, в марте 2022 года специально для Telegram-канала “GLEBSANYCH_BLOG” был запущен аудиоподкаст “PREPODCAST”, в еженедельных выпусках которого рассказывалось в том числе об англоязычной тематической лексике и идиоматических выражениях в музыкальных композициях.

Одним из ключевых инструментов развития Telegram-канала является учет пожеланий подписчиков, высказывающих свое мнение о работе площадки. Только за первый месяц работы канала «GLEBSANYCH_BLOG» более 2 десятков студентов выделили основные преимущества использования современного инструмента коммуникации: своевременное и детальное информирование о домашнем задании, изменениях в расписании, ссылки на полезные ресурсы, описание опыта работы преподавателя, что оказалось особенно важным и интересным для студентов 5 курса. С учетом пожеланий подписчиков в 1 семестре по воскресеньям ссылки на все посты за неделю собирались и публиковались в формате дайджеста. Также по просьбам студентов на канале размещаются списки музыкальных композиций, звучащих до и после занятия, а также во время парно-групповой работы.

В апреле 2022 года Telegram-канал «GLEBSANYCH_BLOG» принял участие в нескольких международных онлайн-конкурсах педагогических проектов, где получил следующие награды:

- Конкурс «Академии педагогических проектов Российской Федерации» – 1 место в номинации «Лучший сайт (блог) преподавателя»
- Конкурс «Международного портала дистанционных проектов по английскому языку «Англиус» – 1 место в номинации «Сайт учителя английского языка».
- Конкурс «Центра педагогического мастерства «Новые идеи» (РФ) – 1 место в номинации «Лучший педагогический проект».

За более чем 9 месяцев работы (по состоянию на май 2022 года) Telegram-каналом воспользовались более 380 человек, многие из которых по сегодняшний день остаются в числе его активных подписчиков. В планах развития канала остаются оперативное информирование студентов по вопросам, связанным с проведением занятий, а также освоение новых форматов публикуемого контента. Считаем, что опыт использования мессенджера Telegram в коммуникации «преподаватель – студент» полностью оправдал себя и должен активно распространяться в высших учебных заведениях в том числе среди педагогов старшего поколения.

Круглый стол
«РУССКИЙ ЯЗЫК: ТЕОРИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ,
ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ»

Л. Б. Армоник

ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ
НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

Обучение иностранных слушателей на этапе довузовской подготовки имеет свою специфику, обусловленную профилем вуза, который определяет содержание профессионального модуля. В лингвистическом университете русский язык для иностранных учащихся является одновременно средством получения знаний и объектом изучения, поэтому иностранец, закончивший подготовительное отделение, должен не только владеть русским языком в объеме, позволяющем ему получать образование на русском языке, но и иметь теоретическую подготовку в будущей профессиональной сфере: владеть основными лингвистическими понятиями и соответствующими терминами, иметь минимальные практические навыки фонетического, словообразовательного, морфологического и синтаксического анализа.

Достичь перечисленных выше требований невозможно только в рамках короткого лингвистического модуля, необходима целенаправленная работа в курсе общего владения русским языком. Это касается как формирования терминологической базы, так и в целом преподавания языковых аспектов. Традиционно в соответствии с разделами языка в методике выделяются три аспекта: обучение фонетике и интонации, обучение лексике и обучение грамматике. Практические занятия по РКИ на начальном этапе имеют комплексный характер, но преподаватель, конечно, выделяет названные языковые аспекты обучения. Опыт преподавания профессионального модуля позволяет говорить об узких местах в преподавании языковых аспектов на занятиях по общему владению русским языком.

Фонетика. Часто затруднения при чтении новых слов вызваны отсутствием у иностранных учащихся навыка слогоделения: они неверно членят слова на слоги, создавая себе дополнительные произносительные преграды. Преподаватели должны показывать, как работает закон восходящей звучности: на начальном этапе слогоразделу должны подвергаться все слова, имеющие в своем составе стечение согласных. Слогораздел проходит после гласного или сонорного согласного перед шумным, т. е. перед звуком наименьшей звучности. При демонстрации слогораздела следует обращать внимание на то, как слово произносится, а не как пишется. Необходимо подчеркивать, что слогораздел не совпадает с морфологическим составом слова: в процессе овладения языком у иностранных учащихся формируется представление о морфемном составе и при чтении слов они часто вычленяют префикс, заканчивающийся на согласный, что нарушает ритм чтения.

Недостаточное внимание уделяется изменению звуков, обусловленному их положением в речевом отрезке. Уже на первых уроках учащиеся знакомятся с качественной редукцией гласных и оглушением согласных, которые представлены с помощью специальных примеров в основном пособии (Е. З. Голуб, А. В. Рачковская 2020), в отличие от озвончения согласных. Но оно может быть легко продемонстрировано на следующих примерах: *сделать, сдать экзамен*. Известно, что названные фонетические процессы распространяются на предложно-падежные сочетания, которые являются одним фонетическим словом: *в понедельник, в театре, из Турции, без хлеба* (оглушение согласного и редукция гласного [э] в предлоге), *с газом, от брата* (озвончение согласного и редукция гласного [о] в предлоге). Даже в тех случаях, когда преподаватели обращают внимание слушателей на названные фонетические процессы, они сами мешают их усвоению и формированию нормативных произносительных навыков собственным «учебным» («буквенным») произношением. Об этом свидетельствуют и вопросы студентов, замечающих разницу между изучаемым нормативным произношением и произношением преподавателя по общему владению русским языком, сосредоточенного исключительно на грамматике. Таким образом, преподаватели приносят произношение и в целом устную речь в жертву грамматике и письменной речи. Хотя это, конечно, неоправданное жертвоприношение.

Лексика. Одна из главных проблем начального этапа обучения – это недостаточный словарный запас учащихся. В соответствии с требованиями по уровням владения РКИ лексический минимум элементарного уровня составляет 780 слов, а базового – 1300. Названное ранее пособие для элементарного уровня включает около 1000 лексических единиц. В основном это лексика, характеризующаяся высокой употребительностью в обиходной сфере, тематической ценностью и предназначенная для активного усвоения. Однако преподаватели уделяют недостаточно внимания и времени усвоению этой лексики слушателями. Для грамматического тренинга на подготовительном отделении активно используется учебное пособие, ставшее классикой РКИ (С. А. Хавронова, А. И. Широченская 2019), но лексический тренинг требует самостоятельной разработки упражнений в соответствии с изучаемой темой. При этом следует сосредоточить внимание на языковых лексических упражнениях (заполнение пропусков, составление словосочетаний и предложений с данными словами, тематическая группировка и т. д.), которые помогают запомнить лексические единицы, уяснить их место в системе, соотнести с эквивалентами в родном языке и подготовить учащихся к речевой деятельности с их использованием.

На начальном этапе обучения лексические единицы в основном вводятся в рамках небольшого круга тем, а тематическая классификация приобретает особую актуальность, так как способствует запоминанию новых слов и целостному восприятию лексики. Преподаватель имеет возможность расширять и систематизировать лексический запас и в процессе изучения падежной

системы. Можно заполнять изучаемую грамматическую форму лексикой определенной тематической группы, используя иллюстрации в качестве опорных образов. Такие лексико-грамматические задания позволяют легко перейти к речевым упражнениям. То есть грамматика не должна быть чистой, грамматикой ради грамматики.

Для изучения новой лексики также важны словообразовательные связи слов, которые нельзя игнорировать даже на элементарном уровне. Прежде всего необходимо формировать представление об однокоренных словах: ведь корень, являясь носителем конкретного значения, объединяет группу слов и способствует их осознанному запоминанию.

Грамматика. Овладение русской падежной системой – одна из основных и самых сложных задач начального этапа. У слушателей нужно последовательно формировать представление об этой важнейшей грамматической категории русского языка в единстве формы и значений. Внутреннее единство категории каждого из падежей различно. Так, по мнению В. В. Виноградова, именительный падеж как форма названия и субъекта действия резко отличается от других падежей, а в употреблении «так называемого» родительного падежа выделяется четыре основных круга значений (определительный, количественно-отделительный, причинно-целевой и даты). Несмотря на разнообразие значений каждого из падежей, преподаватель по возможности должен демонстрировать учащимся внутреннюю связь этих значений. При этом нужно уходить от огромного количества формально-грамматических упражнений и тестовых заданий, которыми часто злоупотребляют преподаватели и которые не способствует практическому овладению языком.

Известно, что лексико-морфологический материал подается на синтаксической основе, поэтому уже на элементарном уровне иностранные учащиеся должны понимать базовую модель простого двусоставного предложения, правила согласования предиката с грамматическим субъектом. Однако на практике часто оказывается, что слушатели даже не знакомы с названными лингвистическими понятиями, что не только ведет к серьезным ошибкам в построении предложений, но и делает невозможным дальнейшее сознательное овладение русским синтаксисом под руководством преподавателя.

Актуальным остается вопрос о целесообразности использования лингвистической терминологии на начальном этапе обучения. Ссылаясь на прямой метод обучения, преподаватели избегают ее различными способами (используют перевод на родной язык обучаемых, английскую терминологию, вспомогательные слова вместо терминов), что только затемняет и затрудняет процесс обучения. Во-первых, невозможно полноценно формировать понятие, не называя его, а во-вторых, слушателям все равно придется отказаться от «вспомогательных» терминов на занятиях по профессиональному модулю, заменив их русской лингвистической терминологией. С учетом профиля нашего университета минимум терминологии на занятиях по общему владе-

нию на этапе довузовской подготовки необходим хотя бы на рецептивном уровне, а на занятиях по лингвистическому модулю терминологический словарь будет активизирован и расширен.

А. В. Верниковская, Су Цян

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ПОЭЗИИ ЛИ БАЯ

Перевод любого художественного текста, особенно стихотворного, – особый вид искусства, требующего от переводчика обладания литературным талантом и даром стилизации, погружения во внутренний мир автора текста-источника, глубокого знания культуры страны и эпохи создания произведения, описываемых реалий, символики образов.

Ли Бай (710–762 гг.) по праву считается «зенитом золотого века китайской поэзии». Его поэтическое наследие уникально и заслуживает того, чтобы к нему приобщились представители самых разных культур. Русскоязычный читатель познакомился с творчеством Ли Бая благодаря таким переводчикам, как В. Алексеев, С. Торопцев, А. Гитович, Л. Эйшлин и др. До настоящего времени появляются все новые варианты переводов его «бессмертных» стихов, различные их интерпретации анализируются как китайскими, так и русскими учеными-синологами, литературоведами. В адрес переводчиков со стороны китайских исследователей нередко можно услышать упреки в недостаточно бережном отношении к творениям великого Ли Бая, каждое слово которого, подобно драгоценной жемчужине, не терпит подмены.

Перевод художественного текста, тем более стихотворного, предусматривает два аспекта – содержательный и формальный: максимальное сохранение смысла источника и точность передачи внешней стороны поэтического текста, его благозвучия, образных средств.

При переводе китайской поэзии возникают проблемы, вызванные следующими причинами:

- отдаленностью русской и китайской культур, наличием исторических, географических, эстетических и культурных коннотаций;
- иероглифическим характером китайской письменности, возможностью неоднозначного толкования смысла одного и того же иероглифа, а также возникновением дополнительного смысла в сочетаниях иероглифов;
- особенностями китайского стиха, рифмы, не имеющих точных соответствий в русском стихосложении;
- своеобразием символики образов китайской литературы, обилием исторических и литературных аллюзий, отсылок к определенным сюжетам, упоминаний реальных и легендарных персонажей.

Китайская классическая поэзия рассчитана на подготовленного читателя.

Для адекватного понимания стихотворения в сборниках китайской поэзии даются подробные пояснения, обычно во много раз превышающие его объем. Это сведения о жизни автора, исторической обстановке, географических объектах, персонажах, артефактах и др. Однако необходимость постоянно обращаться к ссылкам мешает эмоциональному восприятию произведения и ослабляет его эстетическое воздействие.

Дискуссионным является вопрос о способах перевода китайской поэзии: — с рифмой или без ее соблюдения. В силу уникальности китайского стиха его особенности могут быть переданы лишь приблизительно. Безусловно, стихотворная форма текста воспринимается русскоязычным читателем как более гармоничная и привычная для глаза и слуха. Однако создание стихотворного перевода «по мотивам» текста-источника неизбежно ведет к значительному изменению смысла и образной системы оригинала, в чем можно убедиться при его сравнении с текстом переводчика, который берет на себя смелость выступать в качестве соавтора поэта. При этом переводчик, нередко руководствуясь желанием сделать авторский текст более доступным для читателя иной культуры, упрощает, «русифицирует» образы. Даже блестяще выполненный перевод не может полностью удовлетворить тонких знатоков китайской поэзии, поскольку он не в состоянии передать все то, что было вложено автором в его творение.

Не затрагивая проблем, связанных с китайским стихосложением, фонетическими выразительными средствами поэзии, остановимся на особенностях перевода тропов, или лексических изобразительно-выразительных средств — метафор, эпитетов, образных сравнений, гипербола на материале лирики Ли Бая в переводе Ли Цзо, С. Торопцева, Л. Гитовича.

Ли Бай, путешественник, скиталец, наиболее часто обращался к таким образам, как небо, луна, облака, ветер, горы, река, иней, которые выступают у него не только как фрагменты пейзажных зарисовок, но заключают в себе символический смысл. Река, облака — это движение, свобода, тоска по родине. Луна — образ вечного, а иней, роса — символ краткости, бренности человеческого бытия, примета старости, осени. Яшма — воплощение прекрасного, в том числе женской красоты. Вино — средство заглушить тоску, чувство неудовлетворенности.

Напрасно рассекать поток мечом — вода потечет снова.

*Напрасно поднимать бокал, чтобы сжечь тоску—
тоска только прибавляется.*

Анализ тропов, извлеченных из лирики Ли Бая, показал преимущественное использование метафор, служащих для олицетворения природы, которая на протяжении долгих лет была собеседником опального поэта. В своих стихах, соединив время и пространство, он как бы пребывает в космических сферах, может «сорвать звезды рукой».

*Я парю над краем света,/ только рукав царапнул о высокий пик.
Потом Небесный Ковш вином наполнил.*

Хочу подняться по ветру на плывущие облака/и даже руками могу трогать луну.

Образ неба и луны занимает особое место в пейзажной, философской и гражданской лирике Ли Бая. Как известно, луна – источник эстетического наслаждения в Китае. Она присутствует в поэзии не только как живописный элемент. Нередко Ли Бай обращается к луне как к живому существу, танцует с ней до глубокой ночи, приглашает осушить кубок вина. Луна принимает различные обличья в зависимости от душевного состояния поэта, от окружающей обстановки.

Прекрасную луну вытаскивает пик высокий.

Тень бамбуков качает осеннюю луну.

Луна, как будто зеркало, с неба слетает вниз.

Чистая луна утонула в море и не может она вернуться.

Словно лук, изогнулась в небе луна над границей.

И только небо сломалось, и невозможно спастись.

Благодаря глагольной метафоре в стихах Ли Бая объекты природы предстают как живые существа: *Когти ветра тучи роют; Вокруг желтые цветы будто смеются надо мной; Горы по берегам бегут, отходят они назад.*

Эпитеты помогают создавать живописные картины, выразить тончайшие нюансы: *сизая дымка, жемчужный полог, седая паутина, парчовый мох, сосновый ветер, бессердечный ветер, золотая звезда, яшмовые нити слез.*

В лирике Ли Бая зафиксировано немало оригинальных сравнений: *жемчуг – белые рыбы глазные ядра; вода словно полоса шелка; река чище, чем пустота; светлый шелк на окне, словно дым; на висках моих седины, будто я вошел в осень; слезы текли по щекам, словно кровь из раны.*

Сравнительный анализ переводов стихотворения Ли Бая «Смотрю на водопад в горах Лушань» 望庐山瀑布, выполненных разными авторами, позволяет отметить случаи трансформации образных средств в разных вариантах перевода одного и того же произведения.

Приведем стихотворный перевод А. Гитовича, почти полностью совпадающий с прозаическим переводом Ли Цзо.

За сизой дымкою вдали /Горит закат, 日照香炉生紫烟

Гляжу на горные хребты, /На водопад. 遥看瀑布挂前川

Летит он с облачных высот /Сквозь горный лес – 飞流直下三千尺

И кажется: то Млечный Путь /Упал с небес. 疑是银河落九天

С. Торопцевым сделано два варианта перевода данного стихотворения, один из которых по объему в 6 раз превосходит другой. В него переводчик включил описание своих ощущений, ряд деталей, метафор, эпитетов и сравнений, отсутствующих в оригинале: *капли-перлы засверкали, как зоревой предрассветный луч, летит, как огонь небесный, слепит искрением радужных цветов, душе несут покоя дар, словно выпью яшмовый нектар и др.*

В кратком варианте перевода С. Торопцев изображает водопад не стремительно падающим, а *висящим белёсой полосой*, как бы застывшим; он сравнивается с *серебристою Небесною рекою*, что соответствует русскому названию созвездия *Млечный путь*.

Таким образом, сравнительный анализ разных вариантов перевода показывает, что переводчик может, развивая тему стихотворения, внести в его содержание много субъективного и изменить при этом образный строй произведения.

Г. А. Гвоздович, Ёллыева Юфар

О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ ДРУЖБА

«В мире нет ничего лучше и приятнее дружбы, исключить из жизни дружбу – все равно что лишить мир солнечного света», – так говорил Марк Туллий Цицерон.

На протяжении многих веков люди пытались выяснить, в чем заключается смысл дружбы, кто такой друг, возможна ли дружба между мужчиной и женщиной, почему дружеские отношения так необходимы людям и т. д. Однако, эти вечные вопросы, как представляется, не имеют однозначного ответа, они всегда вызывают множество споров, различные толкования понятия. Тем не менее, человечество постоянно и настойчиво пытается осмыслить феномен самой дружбы. Это понятие знакомо каждому человеку, живущему в современном мире. Но, в то же время, это сложное, многостороннее явление, которое находит различные способы выражения в языке и имеет в связи с этим своеобразный процесс концептуализации.

Данная тема актуальна для исследования, так как дружба касается каждого из живущего на Земле, ведь этот род взаимоотношений нужен всем людям без исключения. Друзья не только выручают нас в беде, но и помогают нам развиваться и самосовершенствоваться, постигать себя и окружающий мир в общении.

Вынесенные в заглавие лексемы ПОНЯТИЕ и КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ (от концепт) соотносимы друг с другом: «понятие» калькирует латинское «conceptus». Например, в «Словаре иностранных слов» (отв. ред. В. В. Бурцева, Н. М. Семенова 2004) читаем: «КОНЦЕПТ [лат. conceptus мысль, понятие] – *фил.* понятие». Со времени возникновения и развития когнитивной лингвистики термины концепт и понятие получают различное внутреннее наполнение, идет постоянный поиск однозначных дефиниций для этих языковых единиц. Взгляды ученых разнятся в определении термина «концепт» и «понятие», поэтому существует множество дефиниций в лингвистике. На противопоставлении этих двух терминов – концепт и понятие – основана концепция нового семантического словаря Н. Ю. Шведовой: «Концепт – это содержательная сторона словесного знака (значение – одно или некий комплекс ближайших связанных значений), за которой стоит понятие (т. е. идея,

фиксирующая существенные «умопостигаемые» свойства реалий и явлений, а также отношения между ними), принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека, выработанное и закреплённое общественным опытом народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемое и – через ступень такого осмысления – соотносимое с другими понятиями, ближайшее с ним связанными или, во многих случаях, ему противопоставляемыми. Понятие, лежащее в основе концепта, имеет свой собственный потенциал, оно способно дифференцироваться: элементарное отражение этой способности словари показывают как тенденцию к образованию разнообразных словесных оттенков и переносов.

Академик Ю. Д. Апресян отмечает, что «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков».

Языковая концептуализация дружбы представляет собой осмысление её сущностных признаков и фрагментов, которое объективируется в виде соответствующих языковых единиц. Общеизвестно, что концепт выражается языковым знаком. Для интерпретации всего содержания концепта необходимы многочисленные лексические единицы, а значит – значения многих слов. Обширно поле однокоренных слов: друг, дружить, дружок, дружочек, дружный, дружеский, дружба, дружество, дружественный, дружественность, дружелюбие, дружелюбный, содружество и др. Не менее богата и структура синонимического ряда данного явления.

Внутренняя форма слова проясняет значения, актуальные для русского мира. В некоторых этимологических словарях слово «друг» трактуется как общеславянское:

Друг. Общеславянское: др.-рус. *другъ* (Срезневский), укр. *друг*, бел. *друг*, польск. *druh*, чешск. *druh*, словацк. *druh*, ст.-сл. *другъ*, болг. *Другар*, *другъ*, с.-х. *друг*, *другар*, макед. *другар*, словенск. *drug*. Считается также родственным лит. *draugas* «товарищ, спутник», *draug drauge* «вместе, сообща», латышск. *draugs* «приятель, гот. *drügan* «воевать», *gadrauhts* «солдат», др.-в.-нем. *truht* «отряд», *truhtin* «князь, военачальник», др.-исл. *drott* «свита, кортеж» и др. (Bemeker, Преображенский, Фасмер, Slawski). Иную точку зрения высказал Трубачев, который считает, что слав. *drugъ* (*drou-go-* – «верный, сообщник, товарищ») образовалось от той же и. -е. основы (*dhreuAdhru-*), что и *дерево* с пом. суф. -g- (ср. муж, слуга), ср. нем. *traugen* «верить, доверять», *Treue* «верность», лит. *drovetis* «стыдиться, стесняться». В. И. Карасик предполагает, что в основе концепта «дружба» лежит концептуальная метафора *дерева*, поскольку именно наличие подобной базовой

метафоры способно объяснить существование таких, например, исходных значений и. -е. корня *dreugh*, как «крепкий, прочный, верный», «держаться вместе», «следовать друг за другом».

Вызывает интерес толкование понятий «дружба» и «друг» В. Далем в «Толковом словаре живого великорусского языка», где он говорит о «добром» и «дурном смысле», лежащем в основе дружбы: «Взаимная приверженность двух или более людей, тесная связь их; в добром смысле бескорыстная, стойкая приязнь, основанная на любви и уважении; в дурном – тесная связь, основанная на взаимной выгоде». С. И. Ожегов в «Толковом словаре русского языка» пишет: «Бликие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов» [с. 176].

Постулат о том, что язык является не только средством общения, но и средством выражения «народного духа», имеет давнюю традицию. Еще В. Гумбольдт, разделявший взгляды И. Г. Гердера, считал, что язык всегда воплощает в себе «своеобразие целого народа».

Фразеологический корпус языка всегда считался важнейшим носителем его специфики, где слова обретали свой определенный смысл, где наиболее ярко проходил процесс концептуализации. Известная национально-культурная самобытность образных единиц языка (в том числе и фразеологизмов) не вызывает сомнений. Фразеология каждого языка вносит решающий вклад в формирование образной картины мира, в концептуализацию основополагающих понятий.

Оценочная составляющая слова, репрезентирующего концепт, в пословицах о дружбе у носителей русского языка выражается в следующих основных эталонах и стереотипах:

1. Дружба имеет большое значение в жизни, иметь друзей важнее, чем иметь богатство, деньги. Друзья – это те, кто придет на помощь, на кого можно положиться, именно поэтому хорошо иметь много друзей. По-видимому, эта идея – помочь в случае необходимости – является ключевой для русского концепта «друг»: *Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Друг денег дороже. Не богатство друзья, а друзья богатство.*

2. Несчастье – способ проверки дружбы: *Друг познается в несчастье. Друзья познаются в беде. Друга в верности без беды не узнаешь.*

3. Старый друг надежен: *Старый друг лучше новых двух.*

4. Актуализируется значимость продолжительности дружбы с точки зрения её крепости. Старое вино оказывается настолько же крепким, как и долгая дружба: *Нет лучше старого вина и старых друзей.*

5. Дружеские отношения не должны распространяться на службу: *Долг прежде всего. Дружба дружбой, а служба службой.*

6. Друзья оказывают влияние друг на друга: *О человеке судят по его друзьям. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. С кем поведешься, от того и наберешься.*

7. Национально-культурные особенности проявляются, прежде всего, на лексическом уровне. Дружба в русской культуре сравнивается с солью: *Человек без друга, что еда без соли. Хлеб-соль вместе, а табачок врозь. С кем хлеб-соль водишь, на того и походишь.*

8. Хлеб и соль – традиционный символ радушия и гостеприимства на Руси. Издавна при торжественных встречах в знак уважения почетным гостям каравай хлеба и соль подносили на красочно расшитом полотенце. Этот старинный славянский обычай сохранился до наших дней. Хлеб да соль – пожелание приятного аппетита, связанное с символикой хлеба и соли как важнейших продуктов питания. Это одно из целого ряда добрых пожеланий, издавна существующих у русского народа. Не случайно «хлеб-соль» является компонентом большого числа пословиц и поговорок: *Хлеб-соль – взаимное дело. Хлеб – дар божий. Хлеб – отец. Хлеб-соль не бранить* и др.

Таким образом, дружба как фрагмент внутреннего мира человека, его внутренней жизни в истории развития культуры и социума понималась и понимается как одно из основополагающих аспектов жизни и признается одним из первичных факторов в человеческих взаимоотношениях, что отражено и в языковой концептуализации дружды.

А. А. Дерунова

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ О СПОСОБАХ НАКАЗАНИЯ В СТАТУТЕ ВКЛ 1588 г. И ЕГО МОСКОВСКОМ ПЕРЕВОДЕ-РЕДАКЦИИ.

Известно, что Московская Русь и Великое княжество Литовское были мощными государствами с развитыми правовыми системами, на основе которых регулировались социально-экономические отношения, политический строй, судоустройство и судопроизводство. Основу правовой системы государств занимали кодексы права «Статут Великого княжества Литовского 1588 года» и «Соборное Уложение 1649 года». Эти своды законов значительно превосходят предшествующие им памятники права, прежде всего, своим содержанием, «широтой охвата сторон действительности того времени – экономики, форм землевладения, классово-сословного строя, положения господствующих и социально зависимых слоев населения, государственно-политического строя, судопроизводства, материального и процессуального права».

Известно, что «Соборное Уложение 1649 года» было создано на основе многочисленных источников: судебники, указные книги приказов, думские приговоры, решения Земских соборов, «Стоглав», византийское законодательство. Особое место среди источников занимает так называемое литовское право, а конкретнее – «Статут Великого княжества Литовского 1588 года». М. Ф. Владимирский-Буданов считал, что значительная часть глав и статей Уложения представляют собой целиком или буквальный перевод, или довольно точный перефраз Статута, а система Уложения в значительной части есть система Статута.

В. О. Ключевский считал, что «Статут послужил не столько юридическим источником Уложения, сколько кодификационным пособием для его составителей, давал им готовую программу».

Связи Статута 1588 года и Уложения 1649 года устанавливаются и с помощью еще одного памятника письменности – Московского перевода-редакции Литовского статута. Это уникальный памятник письменности, потому что это не простой список с Литовского Статута, написанного на старобелорусском языке, а именно Московский перевод-редакция. Как указывает профессор Лаппо, это не перевод в современном значении слова, а перевод-редакция, имевшая своей целью сделать текст понятным для московского читателя.

Сведений о нем в литературе по истории государства и права мало. Обычно лишь упоминается, что Статут 1588 года был, среди прочих, переведен и на русский язык. Доступный текст памятника письменности находим в издании И. И. Лаппо «Литовский статутъ въ московскомъ переводе-редакции» (Юрьев 1916). В предисловии автор указывает, что этот перевод-редакция сохранился в рукописи, принадлежавшей ИОИДР при Московском университете, и долго считался просто списком с виленского издания 1588 года.

И. И. Лаппо отмечает, что большинство заголовков переданы в распространенном либо сокращенном виде в зависимости от текста Статута. Тексты глав-артикулов чаще всего являются совершенно свободным переводом, созданным с целью приближения текста Статута к московским порядкам и обычаям. Они сокращаются или распространяются в зависимости от конкретного содержания с учетом реалий московской жизни.

Мы выделили такие устойчивые выражения в тексте Статута, называющие способы наказания за совершенные преступления. В Статуте 1588 г. использованы следующие выражения: *каран огнем, каран горлом, горла за собой тянуть, шею тратить, горло тратить, голову тратить, руку тратить, втятье руки, уши обрезать, на горле огнём каран, на горло маеть сказати, въ обороне живота, за живота своего в держанье кому пустилъ, на теле каранье чинити, на горьло седель, на горло сказаный, на горло всказати, о горло судити и сказовати, приправиль о горло*.

При сличении приведенных текстов можно заметить ту редакционную работу, которая была проделана переводчиком Статута. Она проявляется как в подборе терминов для выражения определенных понятий: *увечье* вм. *охроменья члонков*; переводе устойчивых выражений: *руку тратить* – *руку отсечь*, *на горле огнём каранъ быти маеть* – *ничимъ инымъ не казнить, только огнемъ зжечь*; передаче терминов оригинала на русский язык: *кзвалтъ* – *насильство*.

Кроме того, введение русских соответствий (через *сіурѣчь*, то есть, или) свидетельствует о том, что московский переводчик не ограничивался воспроизведением оригинала, а вводил понятные для московского жителя слова и выражения: *за вину нашу горломъ карать, сіурѣчь казнить*.

Таким образом, текст перевода-редакции представляет несомненный интерес в аспекте исторической стилистики, установлении сходств и различий стилей старорусских и старобелорусских сводов законов. Кроме того, факт существования перевода-редакции Статута и его анализ на разных языковых уровнях позволяет доказать существование самостоятельных восточнославянских языков в период средневековья.

О. Н. Жизневская, А. Пташиц

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВФЕМИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *ЦВЕТ* В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Эвфемизм – это нейтральное по смыслу и эмоциональной «нагрузке» слово или описательное выражение, обычно используемое в текстах и публичных высказываниях для замены других, считающихся неприличными или неуместными, слов и выражений. М. Л. Ковшова в книге «Семантика и прагматика эвфемизмов» справедливо отмечает, что в каждом языке имеются обязательные темы, для смягченного описания которых используются эвфемизмы. Это темы, затрагивающие те области человеческой жизнедеятельности, которые с древнейших времен считались особенными, запретными, сакральными и потому при обращении к ним требовали от собеседников иносказания.

Цель данного исследования – выявить семантические особенности эвфемистических номинаций с колоративным компонентом в русском и английском языках. Материалом исследования послужили данные следующих словарей: «Словарь эвфемизмов русского языка» Е. П. Сеничкиной, «How Not To Say What You Mean» (автор – R. W. Holder).

Количество проанализированных единиц – 57 русских и 60 английских эвфемизмов с компонентом-колоронимом.

Исследование показало, что самыми распространенными цветами в эвфемизмах русского языка являются серый, желтый, белый, золотой и красный. Проанализировав дополнительно толковые словари, а также словарь символов и знаков, мы сделали вывод, что в русской культуре серый цвет традиционно ассоциируется с погодой, а также связан с заурядностью, необразованностью, непримечательностью. Желтый – символ греха, непристойности; ассоциируется с незрелостью кого-либо, неопытностью; может быть связан с психическими расстройствами. Белый – цвет равенства и справедливости, беспристрастности и истины; символ невинности, молодости, рождения и божественного света. Золотой – цвет монет, обозначение доходов и богатств, ассоциируется с атрибутами власти: одежда и головной убор царя, ритуальная одежда священника. Красный – символ огня и жизни, красоты, символизирует кровь, гнев, огонь, страсть, раны, войну, кровопролитие, опасность, угрозу, революцию, силу.

Теперь обратимся к семантике самых частотных русских эвфемизмов с компонентом *цвет*, отобранных для нашего исследования. Эвфемизмы, которые содержат колоритом *серый* маскируют полузаконность и нелегальность, а также необразованность и заурядность (*серенький, серость, серые зарплаты*). Эвфемизмы, содержащие желтый цвет, маскируют продажность, предательство, стыд и грязь (*желтая вода, по желтому билету пошла*); эвфемизмы с компонентом *белый* маскируют спиртное, смерть и лживость (*беленькая, белая лебедушка, сказка про белого бычка*). Эвфемизмы, содержащие золотой цвет, помогают завуалировать понятия, связанные со старостью, деньгами и взятками, непрестижными профессиями, а также неприятности (*золотая осень, золотой телец, позолотить пилюлю*). Эвфемизмы с компонентом *красный* маскируют такие понятия, как поджог, непрестижность профессии и физиологические процессы (*красный фонарь, пустить красного петуха, красные дни*).

Теперь обратимся к английским эвфемизмам с компонентом *цвет*. Самыми частотными цветами являются *black, blue, white, brown, red*. Проанализировав толковые словари, мы сделали вывод, что черный цвет традиционно ассоциируется с людьми, имеющими темную кожу, а также с безнадёжностью, ночью и сверхъестественными силами. Синий традиционно обозначает чистое небо, ассоциируется с подавленными и гнетным состоянием, а также с рабочей униформой. Белый ассоциируется в первую очередь со снегом, а также символизирует невинность. Белый цвет широко использовался в религии: одежда друидов всегда белого цвета, что означает умиротворенность и чистоту; белый цвет также имеет символическое значение трусости. Коричневый означает духовную смерть, деградацию, а также отречение от мира. Красный – боль, гнев, кровь, войну и смерть; цвет любви, здоровья и возмужалости.

Теперь обратимся к семантике самых частотных английских эвфемизмов с компонентом *цвет*, отобранных для нашей работы. Эвфемизмы с компонентом *черный (black)* связаны с преступлениями, унынием и смертью, а также сверхъестественными силами и межрасовыми отношениями (*black market, black dog, black job, black lad, black meat*). Эвфемизмы, содержащие синий (*blue*) цвет, маскируют старость, необразованность, спиртное, преступления, а также силовые структуры (*blue hair, blue-on-blue, blue Peter, blue ruin, fly the blue pigeon*). Эвфемизмы, включающие белый (*white*) цвет, вуалируют трусость, наркотические средства, интимные и межрасовые отношения (*white feather, white girl, white marriage, white slave*). Эвфемизмы с коричневым (*brown*) цветом маскируют интимные отношения, преступления и лесть (*brown-hatter, brown envelope, brown sugar, brown-nose*). Эвфемизмы с компонентом *красный (red)* маскируют такие понятия, как спиртное, деньги, непрестижность профессии и необразованность (*red eye, red ink, red lamp, red squad, red neck*).

Проанализировав доминирующую цветовую гамму, мы сделали вывод, что белый и красные цвета одинаково часто встречаются в русских и англий-

ских эвфемизмах, но их семантика, как правило, различается. Английские эвфемизмы с компонентом *белый* связаны с трусостью, наркотическими средствами, интимными и межрасовыми отношениями. Русские эвфемизмы – со спиртными напитками, смертью, лживостью. Английские эвфемизмы с колоритом *красный* относятся к спиртному, деньгам, непрестижным профессиям, необразованности; русские эвфемизмы – к поджогу, непрестижным профессиям, физиологии.

Анализируя семантические группы, мы обнаружили некоторое сходство: как в английском, так и в русском языках тема нелегальности и преступлений остается за рамками приличного разговора. Люди стараются избегать подобных тем, чтобы остаться незамеченными и уйти от наказания или порицания. Тема старости является актуальной для всех, так как она пересекается с темами болезней и смерти, что негативно сказывается на психическом состоянии и поведении человека. Тема человеческих недостатков, в частности, трусости, заурядности и необразованности, способности на предательство, взяточничества не остается без внимания, так как ее активное табуирование связано с личными травмами или социальной опасностью. Наркотические средства также активно маскируются в двух языках. Интимные отношения и в настоящее время считаются темой, вызывающей смущение у собеседников. В частности, в английских эвфемизмах данная тема связана с межрасовыми отношениями и широко распространена.

В процессе исследования мы также выявили следующие особенности:

1) *золотая осень* = *blue hair*. Чтобы завуалировать старость, в русском эвфемизме используется золотой цвет, а в английском синий;

2) в англоязычных эвфемизмах достаточно часто встречаются выражения, связанные с наркотическими средствами (*white girl, brown sugar*), в то время как в русском языке такая тема практически не затрагивается, а эвфемизмы с колоративным компонентом относятся к алкогольным напиткам;

3) в русском языке тема половых отношений в основном связана с желтым цветом (*пойти по желтому билету*), в то время как в английском языке преимущественно используется гамма, характеризующая цвет кожи (*black meat, yellow, white slave*);

4) английский эвфемизм *red lamp* полностью соответствует русскому эвфемизму *красный фонарь*, что в переводе означает ‘красный фонарь’ или ‘бордель’. Скорее всего, данный эвфемизм является заимствованным.

Также хотелось бы отдельно отметить, что борьба с дискриминацией по расовому признаку является одной из важных и актуальных тем в англоязычной культуре, вероятно, поэтому черный цвет занимает первое место по частотности.

Таким образом, выявленные семантические особенности русскоязычных и англоязычных эвфемистических номинаций с колоративным компонентом отражают особенности мировоззрения русских и англичан, специфику их языковой и концептуальной картин мира, что важно учитывать в процессе межкультурной коммуникации.

ЛЕКСИКА С ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В АСПЕКТЕ РКИ

Лексическая система любого языка является наиболее объемным и наименее структурированным образованием в сравнении с фонетикой и грамматикой. Самые полные словари мировых языков включают сотни тысяч слов. Вместе с тем так называемый актуальный лексический запас средне-статистического носителя языка значительно меньше этих цифр и, по некоторым данным, составляет только 10 % словарного запаса родного языка. Носители русского языка активно используют в речи 3–12 тысяч слов, объем словаря при этом зависит от сферы профессиональной деятельности (так, словарь филолога, журналиста, преподавателя, дипломата, политика будет, безусловно, более богатым). Пассивный же словарь человека, включающий слова, которые он знает, но не использует в своей речи, составляет 25–35 тысяч слов.

Иностранцу, изучающему русский язык, как правило, достаточно 3 тысяч слов, чтобы понять текст, однако, при этом актуализируется проблема отбора и организации лексического материала для овладения русским языком на разных уровнях. В методике РКИ существуют статистические, методические и лингвистические принципы такого отбора. Так, **статистические** критерии связаны с количественными характеристиками лексики, частотностью ее употребления. Например, наибольшей частотностью в русском языке обладают личные, притяжательные, указательные местоимения, союзы, глаголы движения и др. **Методические** принципы связаны с целями обучения, прописанными в тематической части учебных программ. В наборе **лингвистических** признаков значатся: широкая сочетаемость слова (*большой/маленький*), словообразовательная активность (*ходить, вход, выход, доход, выходной, ухаживать ...*), стилистическая нейтральность и др.

При определении лексического минимума, необходимого для усвоения иностранцами, изучающими русский язык, особое внимание следует уделить лексике с этнокультурологическим компонентом. Это обусловлено потребностью в преодолении барьеров в условиях межкультурной коммуникации, а также для облегчения адаптации в период пребывания в стране изучаемого языка.

Национально-культурная специфика любого языка отражается в первую очередь в этнокультурной лексике. Этнокультурная лексика представляет материальную культуру народа, реконструируя фрагменты национальной языковой картины мира. Связь языка с социально-культурной стороной жизни общества заключается в способности языка фиксировать, сохранять и передавать не только реальные условия жизни человека, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи.

Студенты, которые обучаются в белорусских вузах, могут сталкиваться с трудностями восприятия этнолексики, связанными в том числе и с имеющей место в стране ситуацией белорусско-русского двуязычия. Так, языковой ландшафт современного города, в том числе Минска, представлен разными языками. Языковой (лингвистический) ландшафт – это совокупность всех знаков и текстов, которые составляют языковое лицо современного города, включая официальные (например, таблички с названием улиц, дорожные знаки, информационные табло, мемориальные доски и др.), коммерческие (вывески, афиши, билборды и др.) и неофициальные надписи (объявления, граффити, плакаты и др.). В языковом ландшафте современного Минска преимущественно представлены русский, белорусский, английский и, в последнее время, эпизодически китайский языки.

Многоязычные надписи могут классифицироваться с точки зрения презентации информации, подразделяемой на следующие типы: дубликативная (идентичные тексты на всех языках), фрагментарная (только часть текста на одном языке переведена на другой), пересекающаяся (тексты имеют и общую часть, и различную информацию) и комплементарная (тексты на двух языках дают различную информацию). Такая типология позволяет лучше понять целевых адресатов определенных надписей. Так, например, комплементарная презентация обычно подразумевает двуязычных адресатов, как и языковая игра, где в надписях смешивают два шрифта.

Названия объектов торговли (магазины, рестораны, кафе и др.) Минска чаще всего включают лексику с белорусским этнокультурологическим компонентом. Их названия чаще всего пишутся на белорусском языке, например, ресторан *Камяніца*, ресторан *Ракаўскі Бровар*, кафе *У Янкі*, бар *Радзівіл*, галерея *Мастацкі маёнтак* и др. Обращают на себя внимание подобные названия с использованием транслитерации: специализированные и сувенирные магазины *Kropka*, дом пряника *Pernik.by*. С семантической точки зрения можно условно выделить минимум две группы белорусскоязычных названий, содержащих лексику с этнокультурологическим компонентом. К первой группе относятся названия объектов, включающие архаическую лексику, например, ресторан *Журавінка*, кафе *Тры Жаўнеры* и др. Вторую группу образуют наименования, включающие прецедентную лексику (имена национальных писателей, героев литературных произведений и др.): кафе *Родны куток*, бар *Радзівіл*, ресторан *Талака* и др.

В Республике Беларусь экспорт образовательных услуг является одним из приоритетных направлений развития высших учебных заведений. Обучение иностранных студентов ведется преимущественно на русском языке, однако, многие пособия по русскому языку как иностранному, подготовленные белорусскими филологами, содержат фрагментарные страноведческие тексты.

Для изучения лексики с этнокультурологическим компонентом можно рекомендовать использование изданий, главной целью которых является страноведческая репрезентация страны, в которой обучаются иностранные

граждане. Так, учебно-методическое пособие «Краса белорусского края» включает 13 разделов по темам: «Минск», «Троицкое предместье», «Улицы Минска», «Минск торговый», «Городской транспорт», «Минск – центр образования и науки», «Минск медицинский» и др. Текстовый материал содержит информацию страноведческого характера и сведения об истории, традициях и культурной жизни Минска. В МГЛУ издано и внедрено в учебный процесс учебно-методическое пособие по русскому языку для иностранных студентов «Белая Русь», содержащее текстовый материал страноведческого характера. Важность привлечения в учебный процесс лексического материала с этнокультурным компонентом определяется необходимостью реализации функции социокультурной интеграции иностранных студентов, что способствует реальному постижению иностранцами географии, истории, культуры Беларуси.

А. С. Нарчук

РАБОТА С ТЕКСТОМ НА УРОВНЕ А2

Чтение – это самостоятельный вид речевой деятельности. Устная речь и чтение тесно взаимосвязаны. Именно на основе навыков чтения происходит и развитие умений говорения.

Для того, чтобы текст стал продуктивной основой обучения, важно показать учащимся, как нужно работать с текстом. Текст должен быть актуальным, подходить их уровню и вызывать интерес к знаниям.

Необходимо обращать внимание на все 3 этапа работы с текстом: **предтекстовый, текстовый и послетекстовый**.

Задания на каждом этапе будут варьироваться в зависимости от вида чтения (ознакомительное, изучающее, поисковое и просмотровое). В данной работе рассмотрен изучающий вид чтения.

Предтекстовый этап нужен для создания мотивации учащихся и сокращения языковых и речевых трудностей. Примеры некоторых заданий на этом этапе:

1) Работа с заголовком. Можно задать вопросы: «Как вы думаете, кто будет главным героем?», «О чем будет текст?»;

2) Работа с новой лексикой и определение тематики текста на основе языковой догадки (можно использовать иллюстрации). Задание может выглядеть так: «Посмотрите на картинки и подумайте, о чем будет текст, кто будет главным героем»;

3) Ответить на вопросы, которые приблизят учащихся к проблеме текста. Например: «Вы любите сладкое?» (если тематика текста связана с едой).

Цель **текстового** этапа – проконтролировать совершенствование языковых навыков и продолжить развитие речевых умений. Примеры некоторых заданий на этом этапе:

1) Подтверждение правильности утверждений, исправление неправильных предложений. Задание может выглядеть так: «Какие предложения верные/неверные? Исправьте неверные предложения»;

2) Работа с определенными грамматическими явлениями (попросить вставить нужный предлог в предложение);

3) Проверка понимания текста (попросить ответить на предложенные вопросы, связанные с текстом).

Цель **послетекстового** этапа – использовать ситуацию текста в качестве языковой (речевой) содержательной опоры для развития умений устной речи. Можно попросить учащихся:

1) Рассказать текст от лица второстепенного героя;

2) Придумать новый конец текста;

3) Ответить на вопросы, используя новые фразы.

Таким образом, прорабатывая текст, используя упражнения, мы можем утверждать, что чтение текстов на иностранном языке в огромной мере способствует расширению лексического запаса, закреплению знаний различных разделов грамматики, совершенствованию речевых навыков слушателей. Кроме того, нельзя отрицать и воспитательный характер чтения: чтение повышает культуру человека, заставляя его задуматься над различными проблемами и аспектами нашей жизни.

А. И. Новикова

РАБОТА НАД СИНОНИМИЧНЫМИ ПРЕФИКСАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ ГРУППЫ «ДУМАТЬ»

Системная работа над префиксальными глаголами (ПГ) группы «думать» («придумывать/придумать», «выдумывать/выдумать», «раздумывать/раздумать», «передумать», «одуматься», «продумывать/продумать», «обдумывать/обдумать», «задумать», «задумываться/задуматься», «надумать», «додуматься»), как и над другими, относящимися к другим словообразовательным группам, начинается на среднем этапе обучения русскому языку, когда накопленный иностранными учащимися языковой опыт позволяет им рассматривать через призму анализа предлагаемый для усвоения материал с учетом его словообразовательных особенностей, семантических различий, синтаксических связей. Как показывает опыт, эта работа вызывает у иностранных учащихся интерес и приносит ощутимый практический эффект: увеличивается их лексический запас, формируется языковая догадка, расширяются коммуникативные возможности.

Вместе с тем, усвоение префиксальных дериватов представляет для инофонов значительные трудности, связанные со структурным, фонетическим и семантическим сходством этих глаголов, которое порождает внутриязыковую интерференцию, и с отсутствием достаточного опыта системного изучения глагольных приставок.

Опираясь на принцип коммуникативной направленности в обучении языку и учитывая указанные выше трудности в процессе освоения инофонами однокоренных ПГ, мы концентрируем внимание не на знакомстве с глагольными приставками, а на значении префиксального глагола как лексической единицы, являющейся органической частью лексической системы языка в целом. К анализу приставки мы обращаемся в том случае, если ее значение прозрачно и знакомо инофонам по прошлому языковому опыту.

Наибольшие трудности в работе с однокоренными ПГ связаны с преодолением внутриязыковой интерференции, обусловленной их структурным, фонетическим и семантическим сходством. Поэтому мы считаем рациональным рассматривать близкие по значению ПГ через сравнение и сопоставление между собой, объединяя их, где это возможно, в синонимические пары (ряды), что позволяет более контрастно представить дифференциальные семантические различия этих глаголов, отражающиеся на их сочетаемостных, синтаксических и стилистических свойствах.

Так, среди ПГ группы «думать» синонимичные пары (ряды) составляют глаголы «передумать (СВ)» – «раздумать (СВ)» – одуматься (СВ), объединенные семантическим компонентом «отказаться от ранее принятого решения»; «обдумывать/обдумать» – «продумывать/продумать» с общим значением «мысленно проанализировать, рассмотреть что-либо»; «придумывать/придумать», «выдумывать/выдумать» в значении «мысленно создавать что-либо». Семантизация ПГ осуществляется с помощью толкования, признанного специалистами наиболее адекватным способом объяснения значений глаголов подобного рода. При этом не только раскрывается семантика новой лексической единицы в доступной для понимания инофонов форме, но и указываются ее сочетаемостные, синтаксические и стилистические особенности. Раскрывая значения первой триады синонимичных ПГ, мы подчеркиваем их семантические различия.

Глагол «передумать (СВ) + инфинитив (НСВ)» означает «отказаться от решения, принятого ранее, принять другое решение».

Глагол «раздумать (СВ) + инфинитив (НСВ)» означает «отказаться от принятого ранее решения».

Глагол «одуматься (СВ)» означает «изменить свое решение, отказаться от него, поняв его ошибочность».

Сравните: – Сдав школьные экзамены, он передумал поступать в университет и решил начать свою взрослую жизнь на заводе.

– Ты не поедешь с нами на дачу? – Нет, я раздумал. У меня много дел в городе.

– Ты нигде не работаешь. Ссоришься с женой... Одумайся!.. Какой пример ты подаешь детям!..

Работа над синонимичными ПГ включает задания на наблюдение и сравнение, которые не только помогают инофонам понять различия в семантике изучаемых лексических единиц, но и фиксируют внимание на их синтаксических характеристиках и контекстных условиях употребления. Это

задания типа: «Прочитайте предложения. Аргументируйте употребление в них глаголов «передумать», «раздумать», «одуматься»; «Вставьте изучаемые глаголы в нужной форме. Объясните свой выбор.».

В качестве тренировочных могут быть предложены задания: «Замените в предложениях, где это возможно, глагол «передумать» глаголом «раздумать»; «Передайте смысл предложений, используя изучаемые глаголы».

1) Он собирался пойти на дискотеку, а пошел в гости. 2) Девушка купила новое платье, чтобы выглядеть красивой на празднике, но никуда не пошла. 3) Молодой человек понял, что поступил неправильно и некрасиво, и попросил у матери прощения.

Задания, формирующие коммуникативные навыки инофонов на основе изучаемых глаголов, могут быть представлены следующим образом.

1. Дополните реплики диалога. Используйте глаголы «передумать», «раздумать», «одуматься».

а) – Ты хотел пойти с нами на пляж. Пойдешь?

– Извини. ...

– Очень жаль.

б) Чем ты недовольна?

– Ты бросил работу. Начал пить. Совсем забыл о семье. ...

– Чтобы я ..., мне нужно родиться заново.

в) – Мы договорились пойти в кино. Так когда и где мы встречаемся?

– Я Останусь дома.

2. Объясните причину ситуаций, используя изучаемые глаголы.

1) Студент, проваливший экзамены, изменил свое решение бросить университет. 2) Инженер отказался участвовать в этом проекте. 3) Мой друг сначала отказался от этой поездки, но в последний момент прибежал с чемоданом на вокзал.

3. Ответьте на вопросы, используя глаголы «передумать», «раздумать».

1) Почему вы не пошли вчера на концерт? 2) Почему вы не поехали на Байкал? Вы так мечтали об этом. 3) Почему он не стал врачом, как его отец?

4. Составьте рассказ о том, как вы выбирали свою профессию. Используйте в рассказе глаголы «передумать», «раздумать», «одуматься».

По аналогичной схеме проводится закрепление других синонимичных пар ПГ с поправкой на их сочетаемостные и синтаксические особенности.

Глаголы «обдумывать/обдумать (что?)», «продумывать/продумать (что?)» объединены в синонимическую пару общим семантическим компонентом «мысленно рассмотреть, проанализировать что-либо». Семантизируя эти глаголы, мы обращаем внимание на то, что глагол «обдумывать/обдумать» означает «мысленно рассмотреть что-либо со всех сторон, учитывая все детали», в то время как второй глагол пары «продумывать/продумать» имеет значение «думать о чем-либо тщательно, детально, по пунктам

рассматривать что-либо». При этом, на наш взгляд, более глубокому пониманию семантики этих глаголов служит указание на значение их префиксов: «об-» – «охват объекта со всех сторон»; «про-» – «полнота, тщательность действия».

Сравните: – *Ты был не прав. Обдумай свои слова, потом мы вернемся к нашему разговору.*

– *На экзамене студент должен тщательно продумать свой ответ, чтобы он был логичным и полным.*

Семантическая разница между синонимичными глаголами «придумывать/придумать (что?)» и «выдумывать/выдумать (что?)» заключается в следующем.

Глагол «придумывать/придумать (что?)» означает «создать, изобрести, найти решение в конструктивном смысле».

Глагол «выдумывать/выдумать (что?)» имеет значение «мысленно создавать/создать что-то нереальное, неправдоподобное, фантазировать».

Сравните: – *Учитель написал новые слова на доске, и дети начали придумывать с ними предложения.*

– *Он выдумал этих инопланетян, чтобы объяснить свое поведение.*

Закрепление данных глаголов осуществляется с помощью системы заданий, о которых речь шла выше. Это задания на наблюдение, сочетаемость, составление предложений, вопросно-ответные и ситуативно обусловленные задания («Дополните реплики диалога», «Дайте оценку информации, используя изучаемые глаголы»).

В заключение работы над ПГ предлагаются контрольные и тестовые задания, написание творческих работ с установкой на их максимальное использование («Как я выбирал свою будущую профессию», «Наше с другом путешествие по ...»).

Ю. А. Подберезская

ПРОИЗВЕДЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ХУДОЖНИКОВ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О БЕЛАРУСИ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Обучение иностранным языкам в русле компетентностного, коммуникативно-деятельностного и когнитивного подходов предполагает изучение языка и культуры в различных образовательных контекстах. При обучении русскому языку как иностранному (РКИ) обучающиеся должны постепенно овладевать речевыми и коммуникативными навыками и умениями, знаниями национальных культурных особенностей, традиций и обычаев, норм общения, менталитета народа с целью успешного осуществления диалога культур.

Уровень владения русским языком иностранцами непосредственно зависит от того, насколько они погружаются в языковую среду, используют совокупность всех источников информации на языке страны, в которой они

обучаются. В Беларуси иностранные обучающиеся изучают русский язык среди белорусской действительности и менталитета белорусов. Поэтому знакомство с компонентами русской и белорусской культур является обязательным и способствует успешному изучению русского языка и быстрой адаптации к новым социальным условиям.

Приобщению к национальным ценностям, пониманию особенностей национального характера, особенностей восприятия мира, времени, пространства, знакомству с картиной мира белорусского народа способствует привлечение в качестве учебного материала на уроках РКИ произведений художников Беларуси. Использование картин в лингвострановедческих целях объясняется способностью произведений искусства отражать современную им действительность. Таким образом, обращение к этим материалам может быть одним из способов демонстрации фактов истории и культуры в учебном процессе РКИ.

Многие исследователи придают особое значение использованию картин для развития связной речи, отмечая, что рассматривание картин развивает у обучающихся наблюдательность, воображение, способствует развитию мышления и речи, воспитанию эстетического вкуса, одновременно являясь источником культурологической информации.

При отборе произведений белорусских художников для занятий по РКИ следует:

- отбирать произведения, составляющие важную часть национально-культурного самосознания народа, его стремлений и надежд;
- учитывать доступность страноведческой информации, содержащейся в произведении, для обучающихся;
- учитывать уровень подготовленности обучающихся, их личностные черты характера, интересы.

Занятия по РКИ с использованием картины имеют специфические черты.

1. Основываются на эстетически грамотном анализе картины, привлекают внимание к средствам живописи (цвет, колорит, композиция и т.п.).

2. Сочетают в себе все виды речевой деятельности обучающихся: чтение, говорение, письмо, аудирование.

3. Предусматривают формирование коммуникативных умений, связанных с анализом картины и совершенствованием речевых навыков.

4. Отбор языкового и речевого материала определяется экстралингвистическими темами, связанными с содержанием картины.

Структура занятий по РКИ с использованием картины может включать следующие этапы:

- подготовка к восприятию картины (вступительное слово преподавателя);
- рассматривание картины;
- анализ картины как произведения искусства (беседа по картине);
- словарно-стилистическая работа;
- чтение и анализ искусствоведческого текста;

- составление плана речевого высказывания студента;
- устное или письменное сочинение (изложение).

Все компоненты взаимосвязаны и могут проводиться в другой последовательности.

Структура и методика занятий по РКИ на основе картины не имеют существенных отличий в зависимости от уровня обучения. Они различаются в основном по содержанию: отбор картин, текстов, характер вопросов, языковое наполнение упражнений и творческих работ.

В качестве примера приведем фрагменты занятия по картине Михаила Савицкого «Витебские ворота».

Вступительное слово преподавателя (комплексный комментарий) – важный компонент занятия по картине, способствующий ее восприятию. Оно может содержать краткое знакомство с любопытными фактами биографии художника или историю создания картины.

Необходимым элементом занятия по произведению живописи является **словарно-стилистическая работа**, которая может быть представлена в виде следующих компонентов:

- 1) отбор лексики, подлежащей изучению;
- 2) семантизация новой лексики;
- 3) система лексических упражнений.

Такой вид работы позволяет семантизировать новые слова при помощи наглядности, обогащать речь учащихся образно-выразительной и эмоционально-окрашенной лексикой.

Словарно-стилистическая работа по картине является «опорным конспектом» изученного учебного материала, позволяя вспомнить и воспроизвести лексические и грамматические единицы языка, что стимулирует иностранных обучающихся к подготовке монологического и диалогического высказывания по изучаемой теме.

Обсуждение произведения живописи начинается с описания картины, т. е. рассказа о сюжете картины, ее основных элементах и деталях.

Иностранные обучающиеся включаются в систему работы через различного рода задания и вопросы, получая сведения из информационного поля изображения. Приемы ведения беседы по картине имеют свои особенности, связанные со спецификой произведения живописи.

- Что изображено на этой картине? (На фоне красного неба по зимней дороге движутся измученные люди).
- Какова композиция картины? (Общая композиция полотна – с высоты, очень высокая линия горизонта и ярко-красная полоса неба – зарево войны).

Следует обратить внимание учащихся на композиционное построение, на игру света и теней, с помощью которой художник как бы делит полотно на части, одновременно подчеркивая позитивное (негативное) отношение к своим персонажам, к войне.

- Какие цвета использовал художник при написании картины?

- Какие геометрические формы использовал художник при создании картины? (Переключка геометрических форм: на треугольнике, который образует группа людей в центре полотна, и на своего рода арках-полусферах в виде силуэтов женщин, партизан и снежных холмов, что задает размеренный, но интенсивный ритм).

- Что мы видим на переднем плане картины? (Среди них – раненые партизаны, дети и уставшие женщины, тянущие на спинах вещи. Напряженное настроение создают настороженные взгляды героев картины, которые не знают, что ожидает их впереди).

- Кто главные герои картины? (Главные герои его живописного полотна – поток женщин, детей, стариков, раненых воинов, покидающих родные места пешком).

- Что люди несут в своих руках? (Все, что они забрали с собой, несут за плечами в простынях или в сумках в руках).

- Что мы видим на заднем плане картины? (Партизаны за холмами идут в противоположном направлении, они защищают эту толпу).

- Обратим внимание на несколько моментов.

- Женщина, сидящая на повозке в окружении детей. (Одним из центральных у Савицкого является образ женщины с младенцем, отсылающий к Мадоннам в европейском искусстве. У художника, как мы уже упоминали, есть «Партизанская Мадонна», «Партизанская Мадонна Минская» и «Мадонна Биркенау». Что касается «Витебских ворот», женщину, похожую на Мадонну, мастер изобразил на телеге – в самом центре композиции).

- Группа из трех очень схожих между собой женщин с тюками за плечами. (Они ритмично маршируют вместе, их суровые лица словно высечены скульптором, спины сгорблены под тяжестью ноши. Простой мешок с вещами первой необходимости приобретает символическое значение ноши судьбы).

- Женщина с винтовкой. (В целом женщин здесь Савицкий показывает уставшими, но решительными, стойкими и сильными, готовыми защитить и себя, и детей, о чем свидетельствует винтовка за спиной у одной из героинь).

- Опишите героев этих фрагментов картины, используя следующие предложения: *Кто одет во что; У кого какие черты лица, волосы, глаза и др.; Кто изображает кого каким.*

- Какими изображены лица героев картины? (Мы видим сдержанные, обособленные, сосредоточенные лица. Люди идут в трагическом молчании, и внутреннее размышление каждого складывается в общую симфонию о тяжелой судьбе белорусского народа во время войны).

Работа обучающегося становится более мотивированной, когда в одном зрительном поле начинают существовать текст и наглядный образ.

Интересным на данном этапе обучения может оказаться **искусствоведческий текст** об истории создания полотна или биографии художника.

Параллельно преподаватель показывает самые известные картины художника.

Текст биографии может быть как прочитан на уроке, так и дан преподавателем на аудирование с последующими послетекстовыми заданиями. Это дает возможность провести в качестве формы контроля заключительное занятие-викторину по всему пройденному материалу.

Проводим краткую **беседу**, направленную в основном на успешное усвоение языкового и экстралингвистического материала.

1. Кто такой Михаил Савицкий?
2. Где и когда родился художник?
3. Где он учился?
4. Что делал художник во время войны?
5. Где жил и работал М. Савицкий?
6. Какие три основные темы в работах художника?
7. Сколько картин написал художник?
8. Какие картины художник написал о войне?
9. Когда умер Михаил Савицкий?
10. Где можно посмотреть работы художника?

Таким образом, беседа по искусствоведческим текстам подготавливает студента к предстоящему высказыванию по картине.

Важной предпосылкой, обеспечивающей создание учащимися высказывания, является **работа над планом**.

Выполнение письменной работы (изложение, сочинение), ее проверка и анализ – завершающий этап в работе с произведением живописи, способствующий формированию умения совершенствовать написанное.

Таким образом, этот текст является моделью для дальнейшего создания текстов по теме «Выдающиеся произведения культуры моей страны» или «Выдающиеся деятели культуры моей страны».

Домашнее задание по этой теме – подготовить презентации о русских или национальных произведениях живописи, известных или любимых иностранными обучающимися.

Таким образом, изучение духовных феноменов белорусского народа и их включение в образовательный процесс способствует обогащению культурных, лингвистических, эстетических и этических знаний обучающихся в Беларуси в процессе приобретения коммуникативных навыков, а также реализует идею толерантности, предполагает умение налаживать взаимоотношения с другими людьми, с другой культурой.

О. А. Полетаева, Н. Нурбердиева

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ТЕКСТАХ КИНОРЕЦЕНЗИЙ

Языковая оценка является закрепленным в обществе отношением носителя языка к внеязыковому объекту, выраженному средствами языка эксплицитно или имплицитно (Е. В. Ермакова 2009). Оценка может быть

логической и лингвистической. Последняя представляет собой выражение отношения говорящего к предмету речи средствами разноуровневыми языковыми средствами.

Среди средств выражения оценки исследователи выделяют фонетические (специальные интонационные конструкции), морфологические (аффиксы со значение субъективной оценки), лексические (особые классы слов, предназначенные для выражения оценки, в том числе: а) аксиологические операторы 'хорошо' и 'плохо', б) аффективы, например, *потрясающий*, *шикарный* и т.п.), синтаксические (особые синтаксические конструкции (к примеру, *Вот пирог так пирог! Ну и пирог!*), стилистические (например, оценки-метафоры). При этом языковая оценка может быть как абсолютная, характеризующая один объект, так и относительная, при которой сравниваются два объекта).

По мнению лингвиста Е. Вольф, оценка является универсальной категорией. Модальная рамка оценки является универсальной: она включает в себя субъект и объект оценки, шкалу оценки, аксиологические предикаты, интенсификаторы и т.п. Однако в способах выражения оценочных значений языки проявляют свою индивидуальность (Е. М. Вольф 1985).

Предметом нашего интереса в рамках настоящего исследования стали средства выражения оценки в жанре кинокритики.

Как известно, рецензии на фильмы отчетливо выражают одну из главных функций современной журналистики – функцию репрезентации культуры, что помогает сориентировать общественность на развитие духовных ценностей, поскольку публицистическими средствами выявляется значимость новых ценностно-культурных киноартефактов и их роль в разрешении актуальных социально значимых проблем. Важно отметить, что являясь важной частью медийного контекста, кинокритики реализуют важнейшую функцию ценностного ориентирования (А. С. Аксенова 2013).

Исследователи отмечают, что рецензия как жанр является одной из форм кинокритики, к которой, наряду с кинокритикой, следует относить и такие типы текста, как рецензия-очерк, аналитическая статья, круглый стол, а также несколько устаревший жанр рецензии-фельетона (Чжао Юань-юань 2021). На наш взгляд, этот ряд следует расширить за счет развернутых отзывов кинозрителей на различных тематических интернет-формах.

Различаясь по форме, эти типы текстов выполняют целый ряд важнейших для социума функций. Они способствуют формированию и поддержанию системы ценностей, ранжированию кинопродукции по степени ее художественной ценности, эффективно противодействуют силе экранного внушения, различным возможным манипуляциям массовым сознанием. Кроме того, жанры кинокритики выполняют просветительскую функцию, способствуя формированию эстетического вкуса зрителей. Но в первую очередь – эти тексты являются средством выражения авторской позиции относительно той или иной кинематографической продукции (А. А. Алакшин 2014).

Кинорецензия – представляющий собой анализ кинематографической продукции текст, главной целью которого является идентификация содержания и художественной сути кинофильма. Автор рецензии представляет читателю свое представление о том, какое место может занять анализируемое произведение в киноискусстве, при этом он считает себя вправе оценивать продукт чужого труда за счет высокого уровня своей профессиональной компетенции, авторитетности.

Материалом нашего исследования послужил корпус кинорецензий объемом 19 654 символа, из которого были извлечены средства выражения авторской оценки, которая может быть как эксплицитной, т. е. заложенной в значение слова (в большинстве случаев, 87 %), так и имплицитной, при которой оценка закладывается не в сему (основное значение) номинации, а в ее словесное окружение (13 %, например, <...> *первого сезона «Настоящего детектива», посвященного токсичной маскулинности; как положено стереотипной девчонке*).

Объектом оценки в пространстве избранного типа текста чаще всего является некоторое лицо – персонаж, актер, режиссер. Критерием оценки выступают внешность (например, *стереотипная девчонка, корова, кляча* – 10 % оценок лица), личностные качества, как правило, отрицательные, с резко негативной экспрессией, (например, *говнюк, дурак* – всего 20 %), поведенческие особенности (например, *наркоман, мошенник, вор, потаскун, ходок, вандал* – всего 64 % случаев).

Наиболее продуктивными средствами выражения оценки в нашем исследовательском корпусе текстов являются стилистические (60,3 %), в числе которых представлены такие тропы, как метафора (*Не говоря о том, что идея Гавейна как сына Морганы начисто разрушает всю архитектуру артуровского эпоса – на который, по всей очевидности, Лоури плевать, ведь он перенес на экран одну конкретную поэму*), эпитет (*я здесь вижу сильно затянутый, бездарно поставленный и реально плохо сыгранный балаган в очень богатых и вычурных интерьерах*), гипербола (*Самым «страшным» стало известие о том, что новый агент 007 – женщина, еще и темнокожая. Конец света!*), контраст (*При всей своей вымученной динамике и вопреки названию «Не время умирать» пропитан ароматом распада и тлена*).

Лексико-фразеологические средства составили в нашей выборке 30,2 % оценочных единиц. Например, контекстуальные синонимы (*распад и тлен*), разговорные лексемы, выражающие отрицательную оценку (например, *право торговать сумками, мокасинами и шмотками этого бренда; о том, что они творят в этих организациях, Каждое из них – чистая отсебятина*), фразеологизмы (*И вот уже зритель смеется в кулак там, где, по замыслу сценаристов, должен был уронить слезу, – и все чаще поглядывает на часы*), словацинтенсификаторы (*режиссер крайне вольно обращается с реальной историей этой семьи*).

Синтаксические средства составили 7,5 % нашей выборки. Среди них наиболее представленными оказались повтор (*Хороший актер, действительно хороший актер. Все это выглядело очень дорого, очень богато*); сравнительная конструкция (*Недаром в «Камон камон» силен документальный элемент: и фон, и массовка, и интервью с несмело размышляющими о будущем детьми – все как будто подлинное*), градационная конструкция (*Причем это даже не просто комедия, а, используя модное слово, кэмп-комедия – стил кэмп характеризуется повышенной театральностью, манерностью, сильным преувеличением, доходящим до вульгарности*).

Наименее представлены морфологические (словообразовательные) средства – 1,9 % (*девчонка*).

В нашем исследовательском корпусе по критерию основания оценки преобладающими типами оказались гедонистические оценки, которые выражают только такие впечатления, которые возникают в сознании человека при восприятии чего-либо органами чувств (*уродливый, приятный*), этические, опирающиеся на социально обусловленные представления о моральных нормах (*Каждое из них – **чистая отсебятина***), и эстетические, обозначающие эмоциональные и ментальные впечатления от восприятия чего-либо (*Поэма – увлекательное, ироничное, парадоксальное и более чем внятное по посылу повествование*).

Все вышеуказанные средства языка позволяют передавать аксиологическую информацию в ее тончайших смысловых и стилистических оттенках. Эмоциональной оценочностью в проанализированных нами кинокритических обзорах обладают фразеологизмы, эпитеты, метафоры, сравнения, гиперболы, сравнения, повторы, а также лексические единицы, служащие средствами создания иронии и сарказма.

К. А. Рогаль

РОЛЬ РАЗМИНКИ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ

Этап разминки является крайне важным на занятиях РКИ, так как позволяет «выгрузить» студентов из их привычной деловой среды и погрузить в иноязычную атмосферу занятия, зарядить энергией, активизировать мыслительную деятельность и настроить на работу на занятии. Кроме этого, разминка помогает развивать воображение, память, критическое мышление, способствует формированию сплоченности в группе.

Если мы посмотрим на методически правильную структуру урока обучения любому современному иностранному языку, она будет начинаться с разминки. Так как главная цель данного этапа – введение в атмосферу иноязычного общения, разминка обязательно должна быть коммуникативной. Это также соотносится с главной целью всего процесса обучения – научить студентов общаться.

Разминка должна включать хорошо знакомый материал, не содержать материал с прошлого занятия, а также незнакомых слов и конструкций. Для студентов начинающего и базового уровня разминка является дополнительным инструментом внешней мотивации и ситуацией успеха – если студент говорит даже на начинающем уровне владения языком, каждая минута говорения для него на вес золота.

Важный момент, который зачастую представляет трудность для преподавателей – тайминг. В классическом варианте продолжительность разминки – до 7 минут (включает выполнение задания и обратную связь). Однако же, опытным путем было выявлено, что, в связи со спецификой самого РКИ и обучаемой аудитории, этап может длиться дольше. В связи с небольшим размером групп и желанием задействовать всех студентов не только на этапе выполнения, но и получения обратной связи, а также продолжительностью двух занятий в 160 минут, увеличение времени на разминку до 15 минут не только является допустимым, но и улучшает вовлеченность студентов в процесс урока. Тем не менее, преподавателям не стоит затягивать этот этап, чтобы не оказаться в ситуации нехватки времени на заключительном этапе занятия.

Для реализации наглядности преподавателем могут использоваться картинки или их элементы, цитаты, короткие видеоролики, вспомогательные программы на телефонах учащихся, создаваться опросы онлайн, если у них есть чат группы, а также многие другие.

Существует множество вариантов разминок. Разминка может быть связана с темой занятия или с событиями в мире, а может быть нейтральной. Если она не связана с темой урока, важно продумать логичный переход к следующему этапу.

Речевая разминка помогает подготовить речевой аппарат студентов к говорению на иностранном языке, активизировать имеющиеся знания. Более того, речевая разминка может носить эмоциональный характер или характер оценки чего-либо:

Ах, какая красивая прическа у Массары! Давайте похвалим ее.

Вам нравится погода сегодня? Что можно сказать о такой погоде? Выразите свое восхищение хорошей погодой и т. д.

Такая практика – отличный способ тренировки спонтанной речи, она носит субъектно-субъектный характер общения, включает личный опыт учащихся, использование активного лексического и грамматического запаса, учитывает индивидуальные особенности и уровень владения языком. Для поддержания интереса студентов преподавателю стоит периодически добавлять в разминку элемент игры и соревновательности.

Таким образом, исходя из написанного выше, ценность разминки не может быть недооценена. Преподавателям стоит уделять внимание данному этапу, делая первый уверенный шаг к построению эффективного и увлекательного занятия.

ГИПОНИМЫ И ГИПЕРОНИМЫ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ

На начальном этапе, особенно в первые дни обучения, основной единицей обучения становится слово. При формировании лексических навыков возникают трудности употребления конкретного слова, а также связей этого слова с другими в лексической системе русского языка.

Обучение лексике в методике преподавания РКИ вызывает наибольшие трудности. Если количество синтаксических структур ограничено и поддается логическому анализу (субъект – предикат и др.), то лексический состав настолько разнообразен, что можно утверждать: системность в лексике – одно из самых сложных явлений в структуре языка.

Гипонимическая связь слов – одно из сложнейших семантических явлений в лексике любого языка. Гиперо-гипонимические отношения играют ведущую роль в формировании языковой картины мира. Они являются самыми распространенными парадигматическими связями слов.

Гиперо-гипонимические связи слов привлекают особое внимание при обучении русскому языку как иностранному как важнейший способ организации лексики, как аналог родо-видовых отношений. Гипонимия в частности тесно связана со структуризацией языка с целью смыслового построения и выражения знаний, и анализ гипонимических связей слов является неотъемлемой частью исследования закономерностей построения языковой картины обучающихся в образовательной среде.

Обучение разрядам слов, вступающих между собой в определенные отношения – одна из важных тем по хранению и передаче информации об объектах и явлениях при помощи языковых средств, по развитию речи при обучении дисциплине «Русский язык как иностранный». К таким разрядам слов относятся синонимы, антонимы, гипонимы (слова, обозначающие видовые понятия (*стол, стул, диван...*) и гиперонимы (слова, обозначающие родовые понятия (*мебель*)), знакомство с которыми начинается уже на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному и продолжается в течение всего периода обучения иностранных учащихся.

Механизм обучения их использования в речи направлен на развитие у иностранных учащихся языкового чутья, на умение анализировать слова и их значения, устанавливать между ними логические связи и отношения, развивать интерес к изучаемой дисциплине. В качестве гиперонимов начального этапа обучения могут рассматриваться как слова с предельно широким значением (*человек, делать, быть, предмет*), так и менее абстрактные понятия (*двигаться, работать, чувство*), конкретные предметы окружающего материального мира (*мебель, одежда, обувь, посуда и т. д.*).

Знакомство обучающихся с гипонимами и гиперонимами происходит еще на элементарном уровне владения русским языком в рамках таких тем как, например, «Магазины. Покупки», «Подарки» и др. Следует отметить, что видовые понятия усваиваются учащимися легче, чем родовые. Облегчить запоминание помогут различные наглядные материалы (иллюстрации,

презентации, видеофрагменты), а также небольшие упражнения, предлагаемые преподавателем на уроке при изучении той или иной лексико-грамматической темы.

Могут использоваться задания:

1) на выбор слова, включающие процесс распознавания слов и определение критериев выбора между ними (например, «Найдите лишнее слово»);

2) на согласование (в нашем случае гипонима гиперониму), предполагающие распознавание слов и расположение их парами в соответствии с заданием (например, «Соедините слова из левого столбика со словами из правого»);

3) на создание текстов (например, составить из слов предложение, вставить слова в текст).

На начальном этапе обучения, говоря о конкретных предметах окружающего материального мира, которые рассматриваются в качестве гиперонимов (мебель, одежда, обувь, посуда), акцентируем внимание учащихся на категории числа, так как иностранным студентам свойственно употреблять гиперонимы в форме множественного числа или в сочетании с числительными.

Преподавателем могут быть предложены следующие задания:

1. *Раскройте скобки, написав слова в правильной форме: много (стол, чашка, мебель, одежда, костюм ...).*

2. *Найдите и исправьте ошибки: а) одежды у него все были грязные и рваные; б) машины везут багажи на дачу; в) она любила красивые посуды и т. д.*

3. *Придумайте, какими гипонимами можно было бы заменить данные гиперонимы: а) одежды девушки покупают; б) дома я часто мою посуды; в) мы купили новые мебели; г) тут продают разные обуви и др.*

Задания, предлагаемые преподавателем, должны соответствовать уровню владения учащимися русским языком, а также целям и задачам конкретного урока.

Изучение гипонимов/гиперонимов открывает возможности для дальнейшего уточнения тематической связи лексики. Они могут быть использованы при дальнейшем изучении системных связей слов, при систематизации лексического материала, который включается в языковую картину образовательной среды, способную обеспечить ориентацию иностранного учащегося в определенных сферах знания.

Н. С. Снеговская

ПРИЕМЫ АКТИВИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

Роль лексики в процессе овладения иностранным языком очень важна. Ведь именно лексика передает непосредственный предмет мысли, и на каждом занятии мы ставим своей целью расширение словарного запаса

с последующей тренировкой. Работая над каждым новым словом или словосочетанием по теме, преподавателю следует пробудить интерес к изучаемой лексике. Когда обучающиеся осознают, что он может выразить свои мысли при помощи лексики, участвовать в диалогах и дискуссиях, тогда можно говорить о том, что работа с лексическим материалом была успешной.

При овладении иностранным языком у людей формируется активный и пассивный словарь, и наша задача – это пополнять активный словарь у изучающих русский язык как иностранный как можно больше лексическими единицами. Для этого на этапе введения необходимо выполнение некоторых условий. Лексика должна быть **актуальной** и соответствовать целям изучения языка, а новые слова и словосочетания должны **вводиться в контексте**. В идеале нужно, чтобы он состоял из активной лексики прошлых занятий, таким образом, происходит повторение ранее изученных слов и конструкций. Можно приводить примеры, основанные на ситуациях из жизни (особенно, если обучение происходит индивидуально).

При работе со словом необходимо придерживаться определенного алгоритма. Визуальное восприятие слова (наглядность); звуковое восприятие (повторение за преподавателем или диктором); письменное восприятие (запись слова в словарь, желательно в словосочетаниях и предложениях); нахождение слова в тексте; употребление слова в условно-речевом упражнении; употребление слова в коммуникации.

Работа с лексикой должна иметь циклический характер. Повторение лексики должно быть постоянным. В течение одной недели ведется активная работа с новой лексикой, но также не стоит забывать про материал прошлых тем. Необходимо, чтобы новые слова и словосочетания встречались в разных формах, при выполнении разных видов упражнений. Для лучшего запоминания их необходимо повторять в конце занятия, на следующий день, через три дня и через неделю.

Для активизации лексики на занятиях по РКИ могут использоваться некоторые приемы.

«Обратный кроссворд». Группа делится на пары или микрогруппы. Каждой группе выдается два листка. На одном – заполненное словами поле, а на другом – такое же поле для кроссворда, но уже пустое и место для записи определений слов. Затем группы обмениваются кроссвордами.

«Ассоциации». Каждый студент получает длинный лист со стартовым словом. Затем он пишет свою ассоциацию на это слово или словосочетание по этой теме, прячет первое слово и передает свой лист следующему студенту. В конце каждый читает получившуюся цепочку слов.

«Табу». Заранее следует подготовить карточки со словами, которые нужно объяснить активной лексикой. Чтобы студенты использовали не самые простые, а новые слова, их нужно указать – это слова табу. Их они не смогут использовать при объяснении.

Карта слов. При помощи «мозгового штурма» собираем всю лексику по данной теме. Для закрепления можно попросить студентов составить рассказ или диалог, используя как можно больше слов и выражений из карты.

Также для лучшего запоминания новой лексики и выведения ее из пассивной в активную можно прибегнуть к приемам мнемотехники: метод ассоциаций (многообразие смысловых взаимосвязей), метод связок (структурное объединение новой лексики), метод мест (помещение новой лексики в образную картинку).

Очень важно при моделировании ситуаций для диалогов придерживаться личностно-ориентированного подхода, так как высказывание собственной точки зрения с позиции личного опыта обучаемых значительно больше мотивирует обучающихся на употребление той или иной новой единицы в речи.

Активизация является основой и источником для продуктивного речевого использования лексики. Применение некоторых приемов, видео, игр на занятиях по РКИ разнообразит ход урока, поспособствует не только более быстрому усвоению и запоминанию новых лексических единиц, но и употреблению ранее изученной лексики.

О. Г. Сокольник, Е. З. Голуб

ВИДЫ РАБОТЫ С ТЕКСТОМ С ОПОРОЙ НА ИЛЛЮСТРАЦИИ

Основной целью обучения РКИ является практическое овладение русским языком. То есть способность применять те или иные слова и грамматические конструкции в определенных ситуациях и речевых условиях. Такие ситуации и условия можно создавать на уроке при помощи наглядности. Наглядность на уроке может быть разнообразной, зачастую просто незаменимой, чтобы избежать использования языка-посредника. Методика не ограничивает области применения наглядности (т. е. при обучении письму, говорению, чтению и аудированию) и имеет широкий диапазон выражения: от движений и жестов, картинок, демонстрации окружающих предметов до видеофильмов и компьютерных программ. Каждый преподаватель имеет свой портфель наглядных пособий, которым он пользуется для облегчения понимания и усвоения учебного материала. Таким образом реализуется коммуникативный подход, целью которого является стимулирование речевой деятельности и потребности к высказыванию.

Использование картинок упрощает коммуникацию между учащимися и преподавателем, особенно на начальном этапе обучения, когда арсенал языковых средств не так велик. Кроме того, задействуется визуальная и эмоциональная память, что способствует более эффективному запоминанию.

Нам хотелось бы рассказать об опыте использования иллюстраций при работе с текстом, поскольку текст – одно из основных средств обучения иностранному языку. Работа с текстом является одновременно работой над всеми видами речевой деятельности, а также грамматикой, лексикой,

стилистикой и т. д. Надо отметить, что в процессе текстовой деятельности происходит развитие аналитических способностей студентов, формируются умения воспринимать, интерпретировать, создавать новые тексты.

Следует обратить внимание на то, как подбираются иллюстрации к текстам. Отметим, что современные компьютерные технологии сегодня позволяют создавать иллюстрации самостоятельно при помощи специальных графических редакторов. Безусловно, такой способ очень привлекателен, так как позволяет наглядно выстроить последовательность событий в тексте, подчеркнуть те моменты и детали, которые преподаватель считает необходимыми и важными. Для создания таких иллюстраций требуются определенные навыки, которыми не все преподаватели владеют. Наиболее доступным способом является подбор рисунков и фотографий в Интернете, где предлагается огромный выбор изображений на любой вкус. Надо сказать, что созданные или отобранные картинки можно демонстрировать как на экране при наличии соответствующих ТСО, так и в форме раздаточного материала.

Мы хотим представить, как можно применять иллюстрации при работе с учебным текстом. Описанные нами виды работы с текстом возможно использовать на разных этапах обучения, но наиболее эффективной такая работа нам представляется на начальном и среднем уровнях. Продемонстрируем, на каких этапах работы с текстом можно эффективно использовать иллюстрации.

Начинать использовать разного рода иллюстрации можно уже в предтекстовых и притекстовых заданиях для семантизации слов, толкования некоторых устойчивых выражений, которые встречаются в тексте.

Когда закончена предтекстовая работа, мы переходим к собственно чтению текста. На этом этапе иллюстрации служат для облегчения понимания содержания текста. Текст делится преподавателем на части, и для каждой части подбирается соответствующая иллюстрация. Во время чтения текста можно демонстрировать на картинках персонажей, зафиксировать их местонахождение, род занятий, их действия и т. д. Такие картинки помогают обучающимся выделить основную идею текста и основные значимые моменты, а этому, на наш взгляд, важно уделять особое внимание.

Следующий этап – это пересказ текста. Все продемонстрированные при чтении текста иллюстрации формируют своеобразный план текста, который мы используем для проверки понимания содержания (при этом можно задавать наводящие вопросы), а в последствии и для пересказа в форме монолога.

В дальнейшем на основе иллюстраций можно создавать игровые ситуации, попросить учащихся представить себя на месте героя текста в предложенных условиях, постараться развить сюжет, предлагая новые иллюстрации. Можно составить свой собственный рассказ на основе тех же картинок, поменяв их последовательность.

Послетекстовая работа может быть продолжена составлением диалогов по каждой иллюстрации, если сюжет текста позволяет это сделать. Студенты делятся на пары, им предлагается иллюстрация с заданием и опорной

лексикой. Такой вид работы дает возможность моделировать различные речевые ситуации, развивать их с использованием слов и грамматических конструкций из текста.

Иллюстрациями можно сопровождать не только тексты для чтения, но и тексты для прослушивания. Известно, что аудирование для большинства самый трудный вид речевой деятельности. Слушать текст и одновременно понимать и запоминать какие-то подробности чрезвычайно трудно. Тут нам на помощь также приходят картинки.

На наш взгляд, использование иллюстраций позволяет разнообразить учебный процесс, привносит в урок элемент игры, что, в свою очередь, дает возможность учащимся почувствовать себя более свободно и раскрепощенно, снимает определенные языковые и психологические барьеры, связанные с ситуацией урока, а предлагаемые нами виды работы с текстом повышают заинтересованность учащихся, расширяет их коммуникативные возможности.

Таким образом, наглядность используется не только для семантизации, когда значение слова поясняется не путем перевода, а путем показа обозначаемого этим словом предмета или картинки с его изображением, но и как организованный показ языкового материала с целью облегчения его усвоения и использования в речевой деятельности. Использование иллюстраций помогают воспринимать текст целостно, свободно ориентироваться в нем, выбирать основную информацию и самостоятельно строить высказывания.

Наличие у преподавателя широкого спектра картинок по разным темам и для разных текстов значительно облегчит и разнообразит учебный процесс и повысит эффективность работы как преподавателя, так и студентов.

Е. В. Тихоненко

УЧЕБНИК КАК ЭЛЕМЕНТ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ-РУСИСТА

Актуальность темы определяется многообразием существующих учебников и учебных пособий, отсутствием четких критериев отбора лингвострановедческого, культурологического материалов. *Выбор учебника определяется следующими критериями:* контингент учащихся, продолжительность курса обучения, структура учебника.

Учебник должен соответствовать принципам методики преподавания РКИ: «от известного к неизвестному», «от простого к сложному», «от легкого к трудному», «от конкретного к сложному»; последующее основывается на предыдущем, а предыдущее подкрепляется последующим; каждое правило сопровождается достаточным количеством примеров, иллюстрирующих его разнообразное применение.

Кроме того, современный учебник по русскому языку как иностранному отличаются выразительность, живость (разнообразные формы изложения), органичность, оригинальность, подчинение единой коммуникативной цели, увлекательность, экспрессивность, яркость и ясность.

Иностранные учащиеся, изучая русский язык, находятся в условиях соприкосновения и взаимопроникновения двух культур – русской и белорусской. Выбирая высшее учебное заведение Беларуси, инофоны оказываются в регионе со своими национально-культурными особенностями, которые необходимо понять и освоить.

Преподаватель должен также четко представлять себе объем страноведческих сведений, рекомендуемых инофонам в качестве активного и пассивного усвоения на определенном этапе обучения. Предъявление страноведческого материала в учебном процессе должно быть системным и многократным, с постепенным расширением и углублением.

На начальном этапе обучения реализация национального компонента имеет более широкое распространение, чем на продвинутом этапе, поэтому его разработка является первоочередной задачей. Необходимо учитывать региональную специфику, отбирать регионально значимые предметы речи.

Социокультурное наполнение является обязательным для учебных материалов, применяемых в учебном процессе. В современных отечественных учебно-методических картах по русскому языку как иностранному содержится достаточно материалов культурологического характера, которые можно классифицировать следующим образом.

1. Этнографические реалии, реалии быта:
 - а) одежда, обувь;
 - б) пища, напитки;
 - в) бытовые заведения;
 - г) отдых, времяпрепровождение, спорт, игры;
 - д) обычаи и традиции, праздники;
 - е) растения и животные, охрана окружающей среды.
2. Общественно-политические реалии.
3. Реалии культуры:
 - а) литература;
 - б) кино и театр;
 - в) изобразительное искусство;
 - г) музыка;
 - д) средства массовой информации.

Культурологические материалы можно удачно использовать при обучении всем видам речевой деятельности. В то же время, страноведческие материалы должны не только знакомить студентов с культурными артефактами, но и предоставлять образцы коммуникативного поведения, знакомить с системой ценностей и национальной психологией, традициями. Для формирования у иностранных студентов коммуникативной и социокультурной компе-

тенций недостаточно насытить практические занятия страноведческим материалом с языковыми и речевыми упражнениями. На практическом занятии необходимо решать конкретные коммуникативные задачи. Для повышения мотивации и интереса учащихся рекомендуется проводить параллели: задача преподавателя состоит в формировании у учащихся навыков говорения на русском языке о том, что его окружает, интересует и чем он готов поделиться со своим потенциальным партнером по межкультурной коммуникации. Страноведческий материал приближает иноязычную коммуникацию к личному опыту учащихся, позволяет им оперировать в учебной беседе фактами и сведениями, с которыми они сталкиваются в своей повседневной жизни. На основе этого материала можно моделировать вполне реальные коммуникативные ситуации: беседа о родной стране, о ее столице, о родном городе, проведение виртуальной экскурсии по родному городу и т.п.

Для поддержания и повышения активности коммуникации с носителями языка необходимо сравнивать, сопоставлять факты родной и русской (белорусской) культуры. Например, опираясь на информацию и лексико-грамматический материал текста «Ефросинья Полоцкая», предложить студентам-иностранцам рассказать об известной женщине их страны. Можно сравнить Ефросинью Полоцкую с современной женщиной. Уместно провести диалог-беседу о значении женщины в жизни общества, используя тексты «Мать Тереза», «Валентина Терешкова» и т. п.

Таким образом, современный учебник русского языка как иностранного является мощным средством педагогического, учебного и межкультурного взаимодействия. В эпоху бурного развития интернет-технологий растет востребованность к обучающим сайтам и программам, расширяется аудитория учащихся, но культурологические и лингвострановедческие составляющие учебника не только не теряют своей значимости, но иногда являются главными компонентами.

В условиях обучения русскому языку как иностранному на территории Беларуси особую важность приобретает не только трансляция фоновых знаний русского языка, но и формирование у иностранных учащихся положительного образа нашей страны.

Н. Н. Федорович

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Глаголы движения – одна из самых сложных тем для иностранцев, изучающих русский язык. Лучший способ понять проблему, с которой сталкивается учащийся, постараться понять какие средства родного языка используются для реализации коммуникативных целей в изучаемом языке.

Ведь не секрет, что на первом этапе влияние родного языка очень велико. Учащийся опирается на привычные формы и конструкции родного языка. И, чтобы эффективнее осуществить переход от форм родного языка к формам изучаемого языка, очень важно знать их отличия. С этой целью и проводятся всевозможные сравнительные анализы, результаты которых помогают прогнозировать ошибки и способы их коррекции. В данном случае предметом нашего изучения стали глаголы движения в русском языке и способы выражения их значений в китайском языке.

Первое, что сразу же приходится отметить, это отсутствие в китайском языке форм глаголов, обозначающих разнонаправленное движение. В отличие от русского языка, где присутствуют глагольные пары: идти – ходить, ехать – ездить, бежать – бегать и т. д. в китайском языке эти пары представлены одним глаголом. Кроме того нужно сказать, что в китайском языке лексически представлены не все виды движения. В китайском языке нет эквивалента русским глаголам ехать – ездить, вести – водить.

Русский	Китайский
Идти	走
Ходить	走
Бежать	跑
Бегать	跑
Ехать	
Ездить	
Лететь	飛
Летать	飛
Плыть	游
Плавать	游
Нести	拿
Носить	拿
Вести	
Водить	
Везти	馱
Возить	馱

Очевидно, что даже это отличие русского языка от китайского может вызывать значительные трудности в понимании китайскими учащимися таких фраз, как *Он идет в университет* и *Он ходит в университет*, *Он ехал в Брест* и *Он ездил в Брест*. Конечно, отсутствие глаголов, обозначающих разнонаправленное движения, компенсируется другими средствами китайского языка, но, изучая русский язык, китайским учащимся нужно обратить внимание на наличие особых глаголов и не путать их с глаголами, обозначающими движение в одном направлении, чтобы не допускать ошибки типа: *На прошлой неделе мы шли в театр* или *Завтра в вечером я хожу в театр*.

Очередная проблема изучения глаголов движения китайскими учащимися может быть вызвана способом выражения значений русских глагольных префиксов в китайском языке. Так, например, глаголы *идти*, *пойти*, *уйти* в китайском языке имеет одну форму. Вероятно, смысловые отличия этих глаголов передаются другими средствами, не входящими в предложения, состоящими только из субъекта и предиката. Возможно, это могут быть предлоги с обстоятельством места. Но так или иначе, китайским учащимся будет непросто отличить эти три глагола без дополнительных объяснений и специальных упражнений.

Глаголы *подойти*, *отойти*, *перейти* имеют два-три иероглифа, один из которых означает глагол *идти* – *ходить*, а другие обозначают соответствующее направление движения. Глаголы *прийти*, *зайти*, *дойти* представлены совершенно другими глаголами без дополнительных средств обозначения направления движения, т.к. эти направления уже заложены в их значении. В русском языке это могут быть глаголы *прибыть*, *проникнуть*, *достичь*. Глаголы *выйти*, *обойти*, *взойти*, *сойти* представлены другим глаголом с дополнительными знаками, обозначающими направление движения.

Следовательно, изучая отдельный русский глагол движения с приставками нужно учитывать тот факт, что для китайского студента это будет три разных глагола с дополнительными средствами обозначения направления движения и без них.

Русский	Китайский	Русский	Китайский
Он шел	他走了	Идти	走 (глагол идти)
Он пошел	他走了		走(глагол идти)
Он ушел	他走了		走(глагол идти)
Он подошел	他走近了	Под-	近 (с глаголом идти)
Он отошел	他走開了	От-	開 (с глаголом идти)
Он перешел	他走過去了	Пере-	過去(с глаголом идти)
Он пришел	他來了	При-	來 (другой глагол)
Он зашел	他進了	За-	進 (другой глагол)
Он дошел	他到了	До-	到(другой глагол)
Он вышел	他出去了	Вы-	出 (с другим глаголом)
Он обошел	他繞過去了	Обо-	繞過 (с другим глаголом)
Он взошел	他上去了	Вз-	上 (с другим глаголом)
Он сошел	他下去了	С-	下 (с другим глаголом)

Существенным отличием русского глагола от китайского является наличие у первого категории рода, числа, лица, времени и вида. Это на начальных этапах обучения вызывает большие трудности и провоцирует частые ошибки. Вот как представлены в китайском языке глагольные формы прошедшего, настоящего и будущего времени совершенного и несовершенного вида.

Русский	Китайский
Пришел	來了
Приходил	來了
Приходит	來
Придет	來
Будет приходить	來

Категория рода и числа глагола в русском языке также представлена по-другому. Это хорошо видно в представленной ниже таблице.

Русский	Китайский
Он ушел	他走了 (одушевленный субъект единств. числа)
Она ушла	她走了 (одушевленный субъект единств. числа)
Оно ушло	它走了 (неодушевленный субъект един. числа)
Они ушли	他們走了 (одушевленный субъект множ. числа)

Рамки данного исследования не позволяют в полной мере раскрыть все существенные отличия глаголов движения русского языка от их эквивалентов в китайском языке, но даже упомянутые расхождения указывают на значительные трудности, с которыми приходится сталкиваться китайским учащимся при изучении этой темы грамматики русского языка. Учет имеющихся различий позволит правильно составить систему упражнений, способствующих эффективному усвоению данной темы.

Круглый стол «ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

Л. Г. Бондарчук, В. Куделич

НЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ НИКНЕЙМОВ

Происходящее в виртуальном пространстве постоянное экспериментирование языковой личности со своей идентичностью является отражением процессов, происходящих в постиндустриальном обществе, где проблема идентичности заключается не в создании, сохранении и поддержании собственной целостности, а в стремлении к свободе и новому опыту (Н. Б. Анциферова).

Прагматическая установка создателей никнеймов заключается в стремлении быть анонимным, скрыть свои личные данные, выступая под определенным сетевым именем, что одновременно помогает как скрыть свою истинную идентичность, так и представиться желаемым образом многим неизвестным людям. Кроме того, отсутствие единовременности речи помогает обдумать ответ, сочинить его с учетом самопозиционирования. Таким образом, обеспечивается коммуникативный комфорт виртуального значения.

Никнейм есть новое имя собственное, которое фигурирует в интернете, посредством которого языковая личность хочет произвести определенное впечатление, привлечь к себе внимание. И такие имена собственные, помимо своей основной номинативной функции, могут выполнять этическую функцию, которая проявляется, во-первых, в оценке сетевым обществом имядателя и, во-вторых, в определенном влиянии на поведение членов виртуальных коммуникантов.

Термин «никнейм» настолько популярен, что не требует дефиниции. По сути при номинации виртуальной личности рождаются своего рода сетевые двойники реальных людей, качества которых «ткуются» в соответствии с субъективными потребностями из имеющихся в распоряжении конкретного человека языковых средств. При создании никнеймов, с одной стороны, создаются абсолютно новые несуществующие личности, за которыми нет биологических существ, которые невозможно идентифицировать, а значит полностью анонимные. С другой стороны, каждый пользователь интернета формирует свой никнейм на основании собственных лингвокреативных возможностей, к которым относим владение фонетической, грамматической, графической, орфографической словообразовательной, лексической системами как родного, так и английского языка, который доминирует в интернет-общении. Важны также ценностный и технологический компоненты.

Кроме того, предполагается, что для создания никнейма необходимо обладать лингвокогнитивной компетенцией, т. е. быть способным не только формально моделировать языковые единицы, но порождать и структурировать смыслы. Когнитивный аспект свойств личности проявляется в рамках

коммуникативного пространства, которое дает широкие возможности для реализации образа «Я», для создания своего индивидуального речевого имиджа, для расширения сферы оценочности. Независимо от намерения носителя виртуального имени – раскрыть свою сущность или создать придуманный образ – при имитаторстве проявляется интерпретативно-оценочное осмысление себя (А. В. Нагорная).

Нами был осуществлен анализ 50 никнеймов из англоязычного интернет-дискурса, который проводился по следующим факторам: 1) длина никнейма (количество знаков); 2) типы знаков, входящих в никнеймы; 3) семантика созданного никнейма. Были получены следующие результаты..

1. Первый параметр (длина никнейма). Самые длинные никнеймы включают девятнадцать знаков и составляют 8 % от указанного выше количества.

Firefighter 15.03.80.; George/David/Fisher; AlicefromWonderland; Princ_Na_Belom_BMW.

Самые короткие никнеймы состоят из 5 знаков, что равно 8 %.

Fem21 ‘женщина21’; *SMITH*; *L!nd@*; *Kev1n*.

Использование короткого никнейма с приятным сочетанием букв, цифр и элементов других кодов обеспечивает легкость восприятия и запоминания. А что касается длинных никнеймов, то они, наоборот, трудны к запоминанию и зачастую имеют более завуалированный смысл, но в них можно вкладывать различные сигналы интернет-сообществу.

2. По фактору типов знаков в англоязычном интернет-дискурсе наибольший интерес представляют никнеймы, включающие максимально возможное количество кодов, поскольку они являются наиболее информативными. Данные никнеймы составляют 67 % и состоят из знаков лингвистического кода; графического кода; математического кода и некоторых других.

[ju\$1 me] ‘только я’; *100\$Bi/I* ‘стодолларовый Бил’; *Ann^sunny^soul:)* ‘Энн солнечная душа’.

В анализируемой подгруппе используется прием *leet*, который состоит в том, чтобы заменять привычные буквы латинского алфавита на цифры или элементы других кодов на основе визуального сходства обозначаемой буквы с символом-заменой.

Koalas4life14; *Awesom3_Eric*, *Greg0r_C0bain*; *4me2knowU*; *boy_w0nder*; *bl0ndii*.

3. С семантической точки зрения (по принадлежности к определенному семантическому полю) мы выделили две следующие группы англоязычных никнеймов: А) группа формальных никнеймов, не имеющих значения; В) группа никнеймов, которые можно прочесть и декодировать как обычное слово, так называемые «говорящие» никнеймы. Никнеймы группы В относятся к нижеследующим семантическим полям.

а. Никнейм, который сообщает имя коммуниканта, т. е. никнейм-антропоним, который выполняет функцию личностной идентификации:

Tim Jan\$\$ens ‘Тим Дженсенс’; *Rebecca Sanchez* ‘Ребекка Санчез’.

б. Никнеймы, включающие имя собственное в сочетании с существительным и/или прилагательным, которые выступают как определения, и которые сообщают характеристики носителя этого имени:

unidentified foo/ ‘неопознанный дурак’; *Lady//cat* ‘Леди-кошка’. Отдельно отмечаем расширение имени собственного при помощи глагольных форм, которые акцентируют процессуальные характеристики коммуниканта:

i_like_to_dance ‘я люблю танцевать’; *just_do_it* ‘просто сделай это’; *showmehow* ‘покажи мне как’.

с. Сетевые имена, относящиеся к семантическому полю профессий, рода деятельности:

DJ_TheB/ack ‘диджей блэк’; *Commander Cool/* ‘крутой командир’; *Firefighter 15.03.80* ‘пожарный’.

д. Наименования лиц, указывающие на местонахождение:

UK_Knight ‘Рыцарь Англии’; *texaslady4276* ‘Леди из Техаса’;

е. мористические креативные никнеймы, которые реализуют творческие возможности виртуальной личности и отражают креативное мышление коммуниканта. Прагматическая установка этих никнеймов – конспирация и/или привлечение внимания потенциальных коммуникантов через выделение из общей массы; кроме того, их носители стремятся получить позитивную реакцию сетевого сообщества.

5KnuckleShuffle ‘Перетасовка костяшек пальцев’.

Никнеймы описываемой группы отражают стремление к запланированной самопрезентации, которая, конечно, носит субъективный характер, поскольку «Я» виртуальное, чаще всего не совпадает с «Я» реальным. Кроме того, посредством креативных никнеймов коммуниканты объективируют императивность, это так называемые никнеймы-призывы. Выбор такого сетевого имени мотивирован тем, что пользователь может быть не только наблюдателем, критиком или собеседником, но в первую очередь он стремится быть создателем контента для всеобщего внимания, обсуждения.

Like it ‘лайкни это’; *Help me to reach 50K subscribers with no video* ‘Помогите мне набрать 50 тысяч подписчиков без видео’; *Look at me* ‘Посмотри на меня’.

Л. А. Грачева, П. Гордиевич

АМБИВАЛЕНТНЫЙ ХАРАКТЕР КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ (на материале паремий)

Несмотря на то, что термин «концепт» появился давно, он по-прежнему представляет несомненный интерес для лингвистов и является одним из основополагающих в современной лингвокультурологии.

Любовь является понятием универсальным и относится к числу ключевых понятий культуры. Лингвокультурологический анализ концепта «любовь» на материале паремий помогает нам глубже постичь не только язык, но

и культуру и национальные особенности народа – носителя языка. Исследование данного концепта в сопоставительном аспекте дает представление о ценностных приоритетах сравниваемых культур.

В общем смысле «любовь» – это отношение к чему-то безусловно ценному, в более узком смысле – отношение к другому лицу, чаще всего это понятие используют, когда говорят о взаимоотношениях мужчины и женщины.

В ходе нашего исследования мы провели лингвокультурологический анализ 180 паремиологических единиц (101 паремиологическая единица с компонентом *love* в английском языке и 80 паремиологических единиц с компонентом *amour* во французском языке) и пришли к выводу, что в языковом сознании французов и англичан любовь часто ассоциируется с противоречивыми чувствами и эмоциональными состояниями.

С одной стороны, любовь – чувство духовное, в котором есть божественное начало (*Dieu est là où habite l'amour*. 'Бог там, где живет любовь'. *Where love is, there is faith*. 'Где есть любовь, есть вера'), с другой стороны – чувство часто греховное, связанное с нечистой силой (*Love can be a blessing or a curs*. 'Любовь может быть благословением или проклятием').

Любовь может быть связана как с позитивным, так и негативным чувством или эмоциональным состоянием. Она может приносить счастье (*There is more pleasure in loving than in being beloved*. 'Больше счастье любить, чем быть любимым'), быть наградой (*Love is the true price (reward) of love*. 'Любовь – истинная цена (награда) любви'), источником силы (*Love conquers all*. 'Любовь все побеждает'. *Amour et mort, rien n'est plus fort*. 'Любовь и смерть преград не знает'). Любовь всегда прекрасна (*Il n'y a point (de belles prisons ni) de laides amours* 'Тюрьма никогда не может быть прекрасна, как) любовь не может быть уродлива').

Вместе с тем, любовь может стать источником страданий (*Grand amour cause grande douleur*. 'Чем больше любишь, тем больше страдаешь'), горечи и боли (*Aimer n'est pas sans amer*. 'Любви не бывает без горечи') и такого негативно окрашенного чувства, как ревность (*Love is never without jealousy; Qui n'est point jaloux n'aime point*. 'Кто не ревнует, тот не любит').

Любовь и ненависть находятся на противоположных полюсах шкалы эмоциональных отношений. Вместе с тем, любовь может привести к ненависти (*De l'amour à la haine il n'y a qu'un pas*. 'От любви до ненависти один шаг'. *The greatest hate springs from the greatest love*. 'Самая большая ненависть возникает из самой большой любви').

С одной стороны, деньги не главное, если в доме царит любовь (*Love converts a cottage into a palace of gold*. 'Любовь превращает дом во дворец'), и бедность не является помехой для любви (*L'amour se glisse aussi bien sous un habit que sous un autre* 'Бедность любви не помеха'). С другой стороны, она зависит от материального достатка (*Lorsque la faim est à la porte, l'amour s'en va par la fenêtre*. *When poverty comes in at the door, love flies out of the window*. 'Когда бедность входит в дом, любовь вылетает в окно'). Деньги

могут значить больше, чем любовь (*Amour peut beaucoup, argent peut tout. Love does much, money does everything /but money goes all.* 'Любовь может многое, а деньги все').

Противоречивы также отношения «любовь и расстояние». В одних паремиях утверждается, что разлука укрепляет любовь (*Absence makes love grow. 'Разлука укрепляет чувства'. L'amour rapproche la distance.* 'Любовь сокращает расстояние'), а в других, наоборот, говорится, что она ее убивает (*Salt water and absence wash away love. 'С глаз долой из сердца вон.' L'absence est l'ennemi de l'amour.* 'Разлука – враг любви').

Таким образом, проведенный лингвокультурологический анализ паремий позволил выявить многогранность и амбивалентность концепта «любовь» в сравниваемых языках. Несмотря на часто противоречивый характер передаваемых отношений, наиболее представленными оказались паремии, передающие любовь как источник положительных чувств и эмоциональных состояний.

А. М. Дудина, К. Клецкая

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛОГАНА В АНТИТАБАЧНОЙ КАМПАНИИ (на материале английского и французского языков)

Нельзя отрицать тот факт, что в современном мире все большее внимание уделяется здоровому образу жизни и, соответственно, его популяризации. Во всем мире курение признается одной из наиболее распространенных вредных для здоровья привычек, на борьбу с которой направлен целый комплекс экономических и социальных мер. Одной из таких мер является социальная антитабачная реклама.

Основная цель антитабачной социальной рекламы – представить информацию о вреде курения убедительно, запоминающимся образом, а конечная ее цель – сократить число курильщиков и тем самым сохранить здоровье нации. Рассмотрим, какие инструменты помогают создать наиболее эффективную социальную рекламу на примере слогана в антитабачной кампании.

Отметим, что во французской и английской антитабачной кампании текст рекламного сообщения зачастую состоит только из слогана. Для создания слоганов на английском и французском языках широко используются такие стилистические приемы, как метафора, гипербола, олицетворение, позволяющие на первый план вывести коннотативное, а не денотативное значение лексической единицы, в них представлено разнообразие типов высказываний.

Остановимся подробнее на основных информационных блоках, которые можно выделить в слоганах социальной антитабачной рекламы:

1) *вред, который приносит активное курение.* Очевидно, что наихудшим последствием курения является потеря здоровья. В рекламных слоганах упоминается негативное воздействие на различные органы организма

человека (легкие, бронхи, сердце, горло, кровеносные сосуды, кожа, зубы, волосы). В таких слоганах внимание акцентируется либо на одном поврежденном органе, либо на нескольких. Также могут перечисляться конкретные болезни, как следствие длительного курения (рак, аритмия, бронхит и др.) Например: *Warning. Cigarettes cause fatal lung disease* ‘Предупреждение. Сигареты вызывают смертельное заболевание легких’; *Your lungs are more sensitive than you think. Stop smoking* ‘Твои легкие более чувствительны, чем ты думаешь. Бросай курить’. Цель таких слоганов – заставить курильщика начать беспокоиться о своем здоровье.

В качестве последствия курения указывается и потеря красоты. Такие слоганы ориентированы, в первую очередь, на женскую аудиторию: *Smoking causes premature ageing* ‘Курение вызывает преждевременное старение’.

Часть рекламных слоганов сообщают о негативном воздействии курения на продолжительность и качество жизни, что также является естественным следствием вреда здоровью: *Le tabac fait souffrir ses victimes avant de les tuer* ‘Табак заставляет страдать своих жертв, прежде чем убить их’; *Smoking kills* ‘Курение убивает’; *Smoking drains you out* ‘Курение истощает тебя’.

2) *вред, который приносит пассивное курение*. Такие рекламные слоганы могут быть ориентированы на предостережение о негативном воздействии пассивного курения:

– на окружающих: *N'impactez plus votre famille. L'expression « tabagisme passif » désigne le fait d'inhaler involontairement la fumée du tabac présente dans l'air* ‘Выражение «пассивное курение» означает непреднамеренное вдыхание табачного дыма, присутствующего в воздухе’ или *Smoke doesn't destroy only you; it destroys others also* ‘Курение вредит не только вам; оно также вредит и другим (окружающим)’;

– на детей. Зачастую в этом случае она адресована беременным женщинам и кормящим матерям: *Save your mouth to kiss your child* ‘Побереги свой рот, чтобы поцеловать своего ребенка’; *Pregnant smokers give birth to children who are susceptible to lung diseases. Put out the fire* ‘Беременные курильщицы рожают детей, которые подвержены заболеваниям легких. Потушите огонь (сигарету)’.

3) *иной вред, причиняемый курильщику*: *Save money, save health* ‘Экономьте деньги, экономьте здоровье’; *More money – more fun – if you don't smoke* ‘Больше денег – больше удовольствия – если ты не куришь’.

Эмоциональная окраска социальной антитабачной рекламы и вызываемые ею эмоции могут быть как положительными, так и отрицательными. Примеры рекламных слоганов, повествующих о положительных изменениях в организме при отказе от курения, немногочисленны. Они в более мягкой форме доносят до курильщиков идею о вреде курения: *After 8 hours, oxygen levels come to normal* ‘После 8 часов (без курения) уровень кислорода (в легких) приходит в норму’.

Однако (что ожидаемо) антитабачные слоганы по своей эмоциональной окраске чаще всего являются отрицательными, способствуя формированию негативной оценки курения и курильщиков. Чем более жестким, резким и правдивым является текст антитабачного слогана, тем эффективнее он

действует на людей. Социальная реклама, которая оставляет человека равнодушным, не будет успешной. Личностно ориентированные рекламные слоганы – максимально убедительны, например: *After you have a lung removed, take short breaths* ‘После того, как вам удалят легкое, делайте короткие вдохи’.

Социальная реклама о вреде курения чрезвычайно важна как средство пропаганды, позволяющее предотвратить ряд демографических проблем и, в конечном итоге, сохранить здоровье и продолжительность жизни нации. Чем более грамотно и эффективно создается и применяется такая реклама, тем большей будет ее практическая ценность и общественная польза.

А. М. Дудина, Е. Романова

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭВФЕМИЗМОВ В МЕДИАДИСКУРСЕ ФРАНЦУЗСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Исследование использования эвфемизмов в медиадискурсе французского и английского языков представляется весьма актуальным, поскольку данная группа языковых единиц представляет собой не только лексическое явление, но и речевую стратегию и стилистический приём.

Под эвфемизмом принято понимать слово или фразу, которые используются для замены неприятного слова или выражения на относительно более приемлемое (И. Р. Гальперин). К таким «смягчающим» словам и сочетаниям слов говорящий прибегает всякий раз, когда предполагает, что тема разговора может обидеть, причинить боль или смутить собеседника (Л. М. Ковшова).

Основой прагматического использования эвфемизмов в медиадискурсе является принцип вежливости. Он представляет собой правила, которых придерживаются коммуниканты для достижения определенных целей в процессе общения. Соблюдение указанного принципа связано с использованием говорящим следующих приемов: замена именований, относящихся к табуированному пласту лексики, смягчение и приукрашивание высказывания, облагораживание речи, а также маскировка, вуалирование сущности обозначаемого.

Практическим материалом для настоящего исследования послужили медийные тексты на английском и французском языках периодических печатных и интернет-изданий *The Guardian*, *The Independent*, *The NY Times*, *The Telegraph*, *Forbes*, *Cosmopolitan*, *Men's Health*, *Elle*, *Le Figaro*, *Le Monde* за период с января 2017 по апрель 2022 гг.

Проведенный анализ позволил установить, что англо- и франкофонном медиaprостранстве авторы часто прибегают к эвфемизмам, когда речь заходит о номинации значимых понятий и явлений в одной из двух главных областей жизнедеятельности человека – обиходно-бытовой или социально-политической. Речь идет о:

1) расовой, национальной или социальной принадлежности человека: *homme de couleur* досл. ‘цветной человек’ вместо *nègre* ‘негр’; *non-white* досл. ‘небелый’ вместо *black* ‘черный’;

2) различного вида дискриминации (по возрастному критерию, по социальному статусу, гендерной принадлежности, по принадлежности к сексуальным меньшинствам и др.): *demandeur d’emploi* досл. ‘ищущий работу’ вместо *chômeur* ‘безработный’; *economically inactive* досл. ‘экономически неактивный’ вместо *unemployed* ‘безработный’;

3) номинациях, связанные со смертью, проблемами со здоровьем, с внешним видом человека: *partir pour un autre monde* досл. ‘уйти в другой мир’ вместо *mourir* ‘умереть’; *resting places* досл. ‘места отдыха’ вместо *graves* ‘могилы’;

4) политкорректной терминологии (в сфере политической коммуникации): *une pacification* досл. ‘умиротворение’ вместо *une opération militaire* ‘военная операция’; *military operation* ‘военная операция’ вместо *the war* ‘война’.

Эвфемизмы вуалируют истинный смысл явления за счет создания положительной или нейтральной коннотации, усиливают положительный эффект высказывания. Обратимся к примеру: *It will initially benefit two students of **Black** or **Indigenous** descent* ‘Изначально это принесет выгоду двум студентам *чернокожего* или *коренного* происхождения’ (The Washington Post, 12.04.2022). Для обозначения коренного населения Америки автор использует политкорректное эвфемистическое выражение *indigenous people* вместо *Indians*, которому присуща негативная коннотация. Это продиктовано тем, что социальные конфликты последних лет (в частности, в Соединенных Штатах Америки) вынуждают коммуникантов взвешенно подходить к выбору лексических единиц применительно к конкретной ситуации. Именно функция смягчения выступает на первый план в случае с политически корректными эвфемизмами, которые возникают в языке преимущественно по морально-этическим причинам и ориентированы на преодоление различных видов дискриминации. Зачастую они выполняют и функцию маскировки отрицательной коннотации, вуалирования негативной сущности обозначаемого явления.

В следующем отрывке: *Many **low-income families** may not get the full child tax credit because they won’t file a tax return* ‘Многие *малоимущие семьи* могут не получить полный налоговый кредит на детей, потому что они не будут подавать налоговую декларацию’ (Forbes, 08.03.2022), – эвфемизм *low-income families* ‘малоимущие семьи’ можно интерпретировать двояко: с одной стороны, его употребление реализует принцип вежливости по отношению к незащищенным слоям населения, чтобы не задеть чувства людей, о которых повествуется, с другой, вуалирует негативные стороны экономической жизни общества – наличие в экономически процветающей стране семей, вынужденных с трудом сводить концы с концами.

Обратимся еще к одному примеру: *Pour pallier le manque à gagner de la Sécurité sociale avec l'instauration d'une baisse d'environ 10 % (un euro) sur le coût horaire d'un salarié agricole ... TVA sociale et l'harmonisation des salaires sont également avancées comme possibles solutions* 'Чтобы компенсировать недостаток поступлений средств в фонд социального страхования ввиду снижения примерно на 10 % (один евро) почасовой оплаты труда сельскохозяйственного работника ... социальный НДС и гармонизация заработной платы также предлагаются в качестве возможных решений' (Le Figaro, 20.05.2019). В приведенном отрывке эвфемизм *l'harmonisation des salaires* используется с целью завуалировать такое негативное явление действительности, как безработица.

Отметим, что употребление эвфемизмов с целью маскировки подлинной сущности обозначаемого явления становится основным признаком современного социально-политического дискурса. Так, закрытие фабрик, заводов, торговых предприятий, больниц и т.п. именуется лексемами положительной коннотации *optimisation* 'оптимизация' или *rationalisation* 'рационализация'. Налицо – субституция, подмена понятий. Ведь оптимизация – это не улучшение работы предприятия или повышение благосостояния его работников, а напротив, сокращение штата сотрудников, увольнение персонала, закрытие производства. Вступает в силу и так называемый «социальный план», реализуемый правительством и предусматривающий определенные меры сопровождения трудящихся с целью учесть и минимизировать возможные «психосоциальные» риски.

Использование эвфемизмов также способствует реализации принципа табуирования. Это эвфемизмы, связанные со смертью, здоровьем или внешним видом человека. Например: *Le nombre de **déficients visuels** pourrait avoir triplé en 2050. Dans ces régions du monde, 4 % à 5 % des plus de 50 ans sont **non voyants*** 'К 2050 году число людей с ослабленным зрением может утроиться. В этих регионах мира от 4 % до 5 % людей старше 50 лет являются незрячими' (Le Monde, 02.08.2017). Автор употребляет указанные эвфемизмы, чтобы не ранить чувства людей старшего возраста.

Исследование медиадискурса французского и английского языков позволяет установить, что с помощью эвфемизмов осуществляется воздействие на сознание читателя, формирование общественного мнения и определенных стереотипов речевого поведения. Существование эвфемизмов продиктовано такими прагматическими причинами как вежливость, благопристойность, табуирование, желание завуалировать негативную сторону явлений окружающей действительности.

С. В. Козлова

ТЕРМИН И ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА

Опираясь на лингвистическое определение, данное Большим энциклопедическим словарем, можно заключить, что термин не является особым словом, это «слово или сочетание слов, обозначающее специальное понятие», то есть «слово или СС в особой функции».

Анализ лексических единиц Г. О. Винокуром доказывает, что в большинстве случаев термин образуется на базе общеупотребительной лексики, то есть неспециальной сферы употребления с привлечением всех возможностей литературного языка, языка художественной литературы, фольклора, устного народного творчества, диалектов и говоров. Следовательно, термином может быть любое слово. То есть, базируясь на данной точке зрения, нужно изучать любую ЛЕ, входящую в специфическую систему понятий (в нашем случае, терминосистему) и функционирующую в ней с предъявлением следующих требований:

- соотнесенности термина с понятием, принадлежащим определенной области науки, техники, производства;
- наличия соответствующего семантического содержания в термине.

Из первого свойства термина вытекает функциональный подход к разграничению специальной и общей лексики: к терминам можно отнести некоторые слова общелитературного языка, служащие для выражения определенных научных или технических понятий.

Второе свойство предполагает наличие у термина логического определения, связанного с конкретной терминосистемой, отражающего существенные признаки денотата и фиксирующего, отграничивающего содержание понятия. Однако возможен риск необоснованного ограничения круга терминов, так как значительное число терминов еще не вошло в словари.

Остается выявить различия данных видов лексики.

Вслед за Лейчиком, мы принимаем положение о том, что термин – сложное, многослойное образование, базовым уровнем которого является языковой субстрат, верхним уровнем – логический суперстрат, а сердцевину его составляет терминологическая сущность, включающая его функциональную, концептуальную и формальную структуру, представленную терминологическими элементами.

При этом термин обладает как свойствами своей первоосновы, так и специфическими качествами.

Однако, помимо специфической структуры, термин имеет некоторые другие отличительные черты.

Первая особенность – наличие специального значения, его всеобщность, особенность употребления данной ЛЕ составляют ядро содержательной структуры термина. Значения терминов сложнее, нежели значения нетерминов, поскольку они включают в себя специальный (научный, технический и пр.) компонент.

Второй особенностью терминов является их принадлежность к определенному естественному языку (русскому, французскому и т. д.).

Третьей – отнесение к определенному языку для специальных целей (кроме общенаучных и общетехнических терминов).

Четвертая особенность терминов – их вхождение в нормативную часть лексики языка для специальных целей (так как наряду с литературным стилем существуют и «сниженные» стили, к которым относят профессиональные лексиконы, профессиональные просторечные лексические единицы и профессионализмы-жаргонизмы).

В. Н. Былинович отмечает, что важнейшее отличие терминологии от слов общелитературного языка заключается в том, что первая подвержена сознательному, целенаправленному воздействию специалистов (исключаются стихийность и случайные явления). Общелитературная лексика вследствие постоянной модификации отличается большей универсальностью (многозначностью, полифункциональностью).

Сфера его применения общелитературного языка имеет почти неограниченные возможности (применение термина ограничено, так как он служит для обозначения конкретных специальных понятий в пределах своей терминологии).

К отличительным признакам термина относится также его содержательная точность, дефинированность (наличие дефиниции), независимость от контекста, конвенциональность, воспроизводимость в речи, номинативный характер.

В отличие от слова, термин – актуализированный языковой знак, употребленный в терминологическом смысле. Его структура – особая схема связей и отношений между ними, представленная актуализированными семами инвариантного значения опорного компонента (главного понятия), интегральной семой – основой семантической оппозиции и дополнительными, имплицитными/эксплицитными семами, уточняющими главное понятие.

Терминология по своему составу неоднородна: в ней можно выделить узкоспециальную часть наименований и общеупотребительную терминологию, известную всем носителям языка.

Обязательным условием термина в нетерминологический контекст является наличие у коммуникантов минимума информации о данном терминопole.

Терминологическая лексика активно проникает в общелитературный язык и служит мощным источником пополнения его словарного состава. (Отмечается также и обратный процесс). «Миграции» терминов в значительной степени способствуют современные средства информации и научно-популярная литература. Проникновение научно-терминологической лексики в общелитературный язык стимулируют процесс ее интеллектуализации, являющийся общей приметой языка в условиях научно-технической революции.

Разрастание корпуса терминологической лексики значительно опережает увеличение корпуса лексики общелитературного языка.

Их взаимодействие приобретает широкие масштабы и обуславливает ряд существенных тенденций функционирования и развития национального языка.

И. В. Матюшевская

ПРИЕМ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В НАЗВАНИЯХ ПОДКАСТОВ (на материале французского языка)

В эпоху развития технологий неизбежна эволюция СМИ и появление новых форматов медиа. Если видеоблоги на платформе Youtube являются младшим братом телевидения, то формат подкаста можно считать логичным этапом в развитии радио.

Обратимся к определению термина «подкаст»: «теле- или радиопрограмма, которую интернет-пользователь может скачать и использовать на своем плеере; файл такой программы» (Larousse). С момента создания данного формата в 2004 году компанией Apple подкаст постепенно завоевывал любовь слушателей, так как его преимущества включают в себя возможность прослушать материал «по запросу», независимо от сетки вещания, демократичность (необходимы минимальные технические средства), а также широкий круг тем, который данный формат охватывает. Обладая большим рекламным потенциалом, подкаст привлекает не только обычных слушателей, но и бренды, для которых он является дополнительным инструментом продвижения товара. Так, грамотно управляя вниманием аудитории, учитывая ее интересы при выборе темы и делая акцент на ее значимость, автор подкаста формирует лояльность слушателей, а также обеспечивает их вовлеченность (Дорошук).

Популярность подкастов во Франции можно объяснить не только модой на этот формат, но и приверженностью французов к радио. Так, многие крупные радиовещательные компании (France Télévisions, Europe 1, M6-RTL, Radio France (France Inter, France Culture, franceinfo, France Musique, France Bleu, Mouv', Fip), Altice) теперь все чаще сосредотачивают свое внимание на выпуске так называемых «нативных», то есть изначально создаваемых для этого формата подкастов. По данным платформы Acast, средний слушатель подкастов из Франции – это 34-летний человек с высшим образованием, который в месяц прослушивает 4 программы; у 59 % слушателей есть дети, а около 70 % проживает в парижской агломерации или городах с населением более 100 000 человек. Нельзя не отметить, что спрос на подкасты значительно возрос во время периодов изоляции в 2020 и 2021 годах.

Профиль слушателя подкастов отражает высокий уровень образованности, об этом говорят и наиболее востребованные у французов категории подкастов, среди которых «Новости», «Банки и страхование», «Технологии», «Наука», «Юмор». Большое количество предложений на рынке подкастов создает конкуренцию и борьбу за внимание аудитории, что достигается не только интересной тематикой, но и интригующим «рекламным» названием. Если одни компании делают ставку на простоту и легкость в запоминании (*Transfert* ‘Передача’, *Émotions* ‘Эмоции’), то другие стремятся разжечь интерес слушателя неоднозначностью и «неразрешенностью» темы (*Et maintenant ?* ‘Что теперь?’, *Ça commence aujourd’hui* ‘Сегодня начнем’, *La Terre au carré* ‘Земля в квадрате’). Помимо этого, авторы некоторых подкастов выбирают названия, привлекающие внимание слушателей с помощью типографических особенностей, используя графическую игру (Максимов) (*Brut.* ‘В чистом виде.’, *Underscore_* ‘Нижнее подчеркивание’, *Paumé.e.s* ‘Изгой’), а другие делают ставку на использование текста на английском языке (*InPower* ‘В Силе’, *Thinkerview* ‘Обдуманное мнение’, *Cool Parents make happy kids* ‘У спокойных родителей счастливые дети’, *La Story* ‘Та Самая История’). Для еще одной категории характерно намеренное нарушение орфографической нормы,

акцентирующее внимание слушателя (*C dans l'air* 'В воздухе', *J'peux pas j'ai business* 'Не могу, дела'), или использование каламбуров (*Bon plants* 'Хорошее предложение'/'Хорошие растения').

Следует констатировать, что названия подкастов, выпускаемых независимыми студиями, чаще отличаются отклонениями от языковой нормы, тогда как продукция крупных радиокомпаний обычно более традиционна и скорее строится на игре слов и каламбуре. Эти же явления нередко встречаются и в названиях эпизодов таких подкастов. Определим, о чем идет речь. Согласно определению словаря Ларусс, каламбуром называют языковую игру, построенную на разном смысле одинаково звучащих слов (Larousse).

Словарь *le Trésor de la langue française* определяет его как «остроумное выражение, основанное на двойном смысле слов или неоднозначности слов, предложений или отдельных элементов предложений, которые одинаково произносятся, но имеют разное значение». Можно заметить сходство понятия «каламбур» с понятием языковой игры, которая и обозначает экивок или шутку, основанную на сходстве слов (Larousse). По мнению крупных исследователей в этой области, каламбур входит в непосредственное определение языковой игры, которая понимается как «игра с формой речи, шутка, острота, каламбур, разные виды тропов» (Земская).

Стоит отметить, что языковая игра требует от реципиента высокого интеллектуального уровня и хорошего владения языком. На основании анализа названий популярных подкастов можно сделать вывод, что каламбур практически не используется для привлечения внимания в программах, направленных на расширение кругозора слушателя (например, *Choses à savoir* 'Что нужно знать', *Mourir moins con* 'Умереть умнее'), так как названия выпусков в них обычно имеют доступную форму прямого вопроса: *Pourquoi certaines personnes s'orientent mieux que d'autres ?* 'Почему некоторые люди ориентируются в пространстве лучше других?'.

Наиболее частотные употребления каламбуров отмечаются в подкастах на темы «Наука», «Политика», «Общество». Обратимся к примерам, которые в большинстве случаев основываются на принципах омонимии, омофонии, паронимии и полисемии (Ломов) и выполняют несколько функций, в числе которых 1) привлечь внимание; 2) доставить удовольствие; 3) выполнить компрессию смысла; 4) обойти цензуру (Амири), а также 5) воздействовать на слушателя (Земская).

Название эпизода *Dans quels États sommes-nous?* 'В каком мы состоянии/В каких мы государствах' основывается на окказиональной трансформации автором устойчивого выражения *être dans tous ses états* 'пребывать в сильном возбуждении', в котором лексическая единица *état* является многозначной и обозначает как страну, так и состояние. К такому же типу каламбура можно отнести название *Netflix, catastrophes en série* 'Нетфликс, катастрофа за катастрофой/Катастрофа с сериалами', поскольку многозначность слова *une série* 'серия', 'телесериал' позволяет заложить в название сразу несколько значений. В этих случаях мы говорим о каламбуре, основанном на полисемии.

Название *Notre-Dame à chœur ouvert* ‘Собор Парижской Богоматери с открытым сердцем/хором’ иллюстрирует другой тип языковой игры, построенной на омофонии, так как во французском языке слова *un cœur* ‘сердце’ и *une cœur* ‘хор’ одинаково произносятся. К этому же типу можно отнести и пример *Mal à droite* ‘Боль партии правых/Неловкая’, где звуковое тождество выражений помогает добиться желаемого эффекта, а также название *Première foi* ‘Первая вера/Первый раз’.

Примером каламбура, основанного на паронимии, т. е. близком звучании, но разным смысле слов, можно считать название *Une soupe à l'union* ‘Суп с союзниками’, где название блюда *une soupe à l'union* ‘луковый суп’ использует отличное всего парой звуков слово *l'union* ‘союз’.

Следует отметить, что помимо языковой игры в названии выпусков подкастов также встречается прецедентность: *My name is Webb, James Webb* ‘Меня зовут Вебб, Джеймс Вебб’ отсылает слушателя к фразе из кинофильма «Меня зовут Бонд, Джеймс Бонд», а название *Hercules et les éoliennes* ‘Геркулес и ветрогенераторы’ является отсылкой к греческой мифологии.

В целом, использование языковой игры, а также различных стилистических приемов позволяет создателям подкастов поддерживать интерес аудитории, выделяться на фоне конкурентов и сохранять французский дух и остроумие в новом популярном формате.

В. А. Павловский

РОЛЬ ВСТАВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУРЫ РОМАНА А. ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ «ЦИТАДЕЛЬ»

В итоговом произведении А. де Сент-Экзюпери «Цитадель» (*Citadelle*, 1948) нашли отражение как идейные, так и выразительные особенности поэтики писателя. Центральная тема романа, как и тема всего творчества писателя, – исследование обстоятельств человеческого существования.

В романе «Цитадель», полностью состоящем из несвязанных между собой частей и глав, преобладают авторские отступления, изложенные в виде философских размышлений главного героя (берберского правителя) относительно событий из разных периодов его жизни, изложенные в форме вставных эпизодов.

Большинство вставных эпизодов в романе имитируют жанры, ориентированные на святыя писания, такие как проповедь, молитва, наставления. Отличительной особенностью «Цитадели» является ее притчевая составляющая. Каждая глава романа пропитана нравоучительными историями, философскими тезисами и высказываниями. Данное произведение продолжает традицию прозы Сент-Экзюпери в целом, поскольку «все, написанное Сент-Экзюпери тяготеет к жанру притчи, где главное – поиск ответа на множество вопросов и один-единственный среди них: «как сохранить человека, не убив в нем Моцарта?»» (Буковская 1983). Посредством притч

Экзюпери приходит к исследованию морально-философских проблем в произведении. Так, к примеру, в притчах, о «прокаженных», о «беженцах-берберках», о «скупом купце и о нищем горбуне», Сент-Экзюпери устами главного героя осуждает, порицает и приходит к определенному решению, представленному в виде проповеди или наставления. Любая проблема, которую Сент-Экзюпери осмысляет с помощью протагониста в каждой главе, является шагом на пути духовного становления личности, обретения ею мудрости и смысла жизни, которой он хочет поделиться с каждым жителем своего племени для построения духовной цитадели в сердце каждого человека.

Роман состоит из микроисторий, составляющих воспоминания из жизни юного принца, которые без сомнения отличаются поучительным характером. Главная цель протагониста романа – продолжить дело своего покойного отца, построить крепость, цитадель как в прямом, так и переносном смысле слова. За счет приобретенного жизненного опыта, описываемого в микрорассказах или вставных эпизодах, наш герой – юный правитель берберского племени – осознает смысл своего существования, силу человеческих чувств, открывает для себя пороки, недостатки человечества и пути их искоренения. *«L'unité de Citadelle est créée par la voix du personnage central qui s'y exprime. Au cours de ses premiers chants, jeune encore, ce chef s'instruit aux côtés de son père, maître de l'empire, du maniement des hommes. Humble, il écoute et se laisse éclairer par celui qui va lui léguer le pouvoir. Maître suprême à son tour, il observe ce qui rend son peuple fervent ou désabusé, ce qui fortifie ou décompose son empire. Le ton plus que l'enchaînement des faits maintient la continuité de l'œuvre»* (A. de Saint-Exupéry).

Согласно точке зрения многих критиков и литературоведов, отличительная особенность романа заключается в диффузии его жанровых образований, ориентированности на священные тексты и писания, его притчевость – все это создает идеологическое единство всех вставных эпизодов и идею всего произведения, идею, отраженную в самом заголовке романа, идею строительства цитадели в сердце каждого человека. В этой связи жанровая специфика «Цитадели» неразрывно связана с идеями, озвученными автором в своем произведении. Сам роман можно считать своего рода «суммой» этических и моральных размышлений Сент-Экзюпери. *«“Цитадель” является заключительной стадией развития всех образов художественной системы Сент-Экзюпери. Доминирующее положение в ней занимает образ человека и тесно связанный с автором как универсальная духовная субстанция, объединяющая всех людей и придающая смысл их существованию* (Л. В. Корнилова).

Весь набор обособленных высказываний, афоризмов, максим и цитат, в которые писатель вкладывает все свои духовные искания и мысли о кризисе человеческой натуры, все эти отдельные элементы незаконченного романа, последовательно чередуются между собой, создавая особый и уникальный ритм прозы писателя, отражая своеобразный алгоритм духовного становления личности. С помощью главного героя своего произведения Сент-Экзюпери создает идеальный мир, где все равны между собой

и каждому воздается по заслугам, при этом правитель наделен неограниченной властью и возможностями. Он счастлив и рад жить внутри своей цитадели и хочет создать идеальное общество без пороков.

Таким образом, для нарративной структуры романа «Цитадель» с его многочисленными афоризмами, цитатами во многом характерно смешение жанров, свойственное как философской литературе, так и средневековым схоластическим и агиографическим сочинениям. Но несмотря на то что книга построена с использованием разных литературных элементов и форм, и по сути является незаконченным произведением Сент-Экзюпери, склеенным из черновых записей, она несомненно воспринимается как целостное произведение, основанное на полижанровости и внутренней полифонии с особым ритмом. Именно поэтому каждый вставной элемент в романе играет такую важную роль, затрагивая различные аспекты человеческого бытия как война, любовь, взаимоотношения между мужчиной и женщиной, смерть, дружба, те забытые современным обществом общечеловеческие ценности, которые так необходимы для строительства той самой цитадели в сердце каждого человека.

В своей литературной статье, посвящённой роману «Цитадель» Юрий Стефанов пишет: *«Цитадель» не просто великая книга, но целая литература, содержащая в себе множество произведений разных жанров, сплавленных воедино неугасающим духовным накалом; с подобными моделями, но еще большего, грандиозного масштаба, намного превосходящего личностные, человеческие мерки, мы сталкиваемся, знакомясь с Махабхаратой, Библией, Книгой тысячи и одной ночи. Однако, вопреки мнению некоторых недоброжелательно настроенных критиков, «Цитадель» строилась вовсе не затем, чтобы затмить и заменить эти боговдохновенные памятники, да такое не под силу и величайшему из гениев. Сент-Экзюпери отнюдь не претендовал на роль основателя новой религии, он не был ересиархом, но свою пророческую миссию сознавал отчетливо». «Я – вестник», – писал он (Ю. Стефанов 1994).*

Н. М. Токаревич

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФРАНЦУЗСКИХ SMS СООБЩЕНИЙ

Развитие цифровых технологий расширило возможности мобильного общения. Психологи и лингвисты говорят о том, что цифровая революция заставила мозг развиваться более быстрыми темпами. А так как наш мозг очень пластичен, он быстро приспосабливается к новой реальности. Поколение 2000 уже совершенно свободно владеет всеми новыми технологиями и, таким образом, для современной эволюции оказалось достаточным одного поколения. Дружеское общение не только молодого поколения, но и старших поколений постепенно перешло в виртуальную реальность, новую информацию мы все чаще получаем в интернете. Но не только мозг человека приспосабливается к новой реальности, вместе с ней происходят и языковые изменения.

Лингвисты, изучающие текстовые интернет сообщения SMS – (*Short Message Service* или *Service de message courts*) и чаты, часто говорят о «лингвистическом чуде», не обсуждая тезис о том, что молодежь становится безграмотной, используя новый язык – язык сообщений. Надо отметить, что текстовые сообщения (*texto*), это не тот способ письма, к которому человечество привыкло за многие тысячелетия. Но, так как устная речь появилась около 80 000 лет назад, а письмо 5000–6000 лет назад, то человечество говорит дольше, чем пишет. И, как результат, мы говорим и пишем по-разному.

Язык SMS – это новый письменный социолект который изменяет орфографию, грамматику языка, чтобы сократить длину слов, чтобы не увеличивать позволенную длину сообщений (ранее можно было использовать не более 160 буквенных знаков) и ускорить написание сообщений на клавиатуре телефона. Такие сокращения появились в 1990 и с появлением SMS у них появилось соответствующее название «язык SMS». С расширением значения данного названия, использование языка такого типа появляется во время переписки в интернете: электронная почта, форумы и блоги, игры в сети. В других медиа использование данного языка является спорным.

За 30 лет французский язык SMS и чатов укоренился как отдельный быстро развивающийся язык. SMS и общение в чатах вошли в повседневную жизнь французских пользователей мобильных телефонов как средство предпочтительной коммуникации простой и быстрой. В них развился свой собственный кодовый язык (продиктованный молодым поколением) и их современной лексикой.

Широкое распространение текстовых сообщений (*langage texto, chat*) в начале 2000 и повлекло за собой появление того, что сейчас называется языком SMS.

Проследим некоторые возможности этого нового языка общения на материале французского языка. Из-за необходимости краткости изложения, отметим только некоторые приемы:

Сокращения:

Лексические единицы, образованные с помощью усечения части слова: *Blème: problème* ‘проблема’; *cipal: municipal* ‘муниципальный’; *leur: contrôleur* ‘контролер’; *teur: inspecteur* ‘инспектор’; *géo: géographie* ‘география’; *maths: mathématiques* ‘математика’; *bio: biologie* ‘биология’; *philo: philosophie* ‘философия’; *litté: littérature* ‘литература’.

Сокращение слов до слогаобразующих согласных:

Lgtps: longtemps ‘давно’; *tjrs: toujours* ‘всегда’; *rdv: rendez-vous* ‘встреча’; *pq: pourquoi* ‘почему’; *ajd, oj, auj, ojd: aujourd’hui* ‘сегодня’; *bjr: bonjour* ‘здравствуйте’; *slt: salut* ‘привет’; *abs: absent* ‘отсутствует’; *ac, avc, av: avec* ‘с’; *alp: à la prochaine*; *apt: à plus tard* ‘до скорой встречи’; *ama: à mon avis* ‘по-моему мнению’; *hihi: rire* ‘смех’; *merki, mic, mci, ci miki: merci* ‘спасибо’; *qqn: quelqu’un* ‘кто-то’; *cad: c’est-à dire* ‘то есть’; *dsl: désolé* ‘сожалею’; *fds: fin de semaine* ‘конец недели’; *tjrs: toujours* ‘всегда’; *tt: tout*

‘все’; *vrm*: *vraiment* ‘действительно’; *vx*: *veux* ‘хочу’; *pr*: *pour* ‘для’; *cpg*: *c’est pas grave* ‘не важно’; *nsp*: *je ne sais pas* ‘я не знаю’; *tlm*: *tout le monde* ‘все’; *Kfé*: *café* ‘кофе’; *Ayé*: *ça y est?* ‘готово?’; *gt*: *j’étais* ‘я был’; *tfk*: *tu fais quoi?* ‘что делаешь?’ и многие другие.

Аббревиация:

TVB: *tout va bien* ‘все хорошо’; *DM*: *devoir à domicile* ‘домашняя работа’; *JDCJDR*: *je dis ça, je dis rien* ‘я сказал это, я ничего не сказал’; *G*: *j’ai* ‘я имею’; *C*: *c’est* ‘это’; *NRJ*: *énergie* ‘энергия’; *ASV*: *âge, sexe, ville* ‘возраст, секс, город’; *JTM*: *je t’aime* ‘я тебя люблю’; *T*: *t’es* ‘ты’; *NRV*: *énervé* ‘нервный’; *BAP*: *bon après midi* ‘доброго дня’; *WE*: *week-end* ‘выходные’; *SLT*: *Salut* ‘привет’; *M*: *merci* ‘спасибо’; *OQP*: *occupé* ‘занят’.

Этот способ пришел из английского языка: *R*: *are* ‘имею’; *U*: *you* ‘ты’; *Y*: *why* ‘почему’, языка, в котором такой способ сокращения не является преимущественно молодежным. Так, в языке программирования преобразовать число в начальный текст (*string*) – это *num2str*, где 2 читается как *to*.

Несмотря на культурные особенности и историческое неприятие как самих англичан, так и английского языка, также широко распространено употребление более коротких английских слов:

Today ‘сегодня’ вместо *aujourd’hui*, *now* ‘сейчас’ вместо *maintenant* ‘сейчас’, *asap* (*de l’anglais as soon as possible = aussi vite que possible*) ‘как можно быстрее’; *U*: *you* ‘ты’, *lol* (*Laughing Out Loud*), (*Mort de rire*) ‘умереть от смеха’. Данное сокращение вошло в словари в 2013 году, что даже этот акроним стал использоваться в устной речи.

Ребусное написание:

2m1: *demain* ‘завтра’; *bi1*: *bien* ‘хорошо’; *@2m1*: *à demain* ‘до завтра’; *koi 29*, *koid9*: *quoi de neuf* ‘что нового’; *@tt*, *@tte*, *a tte*: *à tout à l’heure* ‘до скорой встречи’; *b8*: *bonne nuit* ‘доброй ночи’; *d100 !:* *descends!* ‘спускайся’; *+1*: *je suis d’accord avec ces propos* ‘я согласен’. От этого сокращения появился глагол *plussoyer* ‘быть согласным’ и его производные как, например, *plussoyage*; *-1*: *je n’adhère pas à ce qui vient d’être dit* ‘не согласен’. От этого сокращения появился глагол *moinsser* ‘быть несогласным’ и его производные как, например, *moinsage*, *a+*: *a plus* ‘до скорого’; *a12c4*: *à un de ces quatre* ‘как-нибудь’, ‘куда-нибудь’, ‘до встречи’; *gf1*: *j’ai faim* ‘я голоден’; *r10*: *j’ai rien dit* ‘я ничего не сказал’; *qq1*, *kk1*: *quelqu’un* ‘кто-нибудь’; *06*: *numéro de portable* ‘номер мобильного телефона’; *24–24*: *tout le temps* ‘все время’; *1fo*: *info* ‘информация’; *@+.a+.*: *à plus tard* ‘позже’; *6né*: *ciné* ‘кино’; *2ri1*: *de rien* ‘не за что’; *b1sur*: *bien sûr* ‘конечно’; *1TreC*: *intéressé* ‘заинтересован’.

Каждое поколение создает и развивает свой собственный язык. Каждый год словарь Ларусс добавляет в свой список до 150 новых слов. Это указывает на то, что язык развивается: слова исчезают и появляются под влиянием различных факторов. Регинализмы и англицизмы, новые наименования – все влияет на язык.

Широкое распространение смартфонов ускорило этот процесс: набирать полный текст или точки на маленькой клавиатуре телефона становится нудным занятием. Как следствие – появляются все более краткие сообщения. Все это приучает к краткости и более четкому выражению мысли. Можно с уверенностью предположить, что уже в 2030 году язык молодежи изменится еще значительно.

Д. И. Тупик

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКИХ И ДИСКУРСИВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СЛОВ-МАРКЕРОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее десятилетие слова-маркеры все чаще попадают в поле зрения французских специалистов в области лексической семантики и дискурсологии. Если в целом именная лексика французского языка была предметом многочисленных исследований в лингвистике на протяжении нескольких десятилетий, то некоторые классы слов до сих пор остаются относительно плохо очерченными. Это касается, в частности, слов-маркеров. Актуальность их исследования подтверждается наличием большого количества терминов, предложенных разными лингвистами для этой лексики: недоопределенные существительные, понятийные оболочки, существительные-контейнеры, названия-метки, маркирующие существительные, сигнальные существительные.

Речь идет прежде всего о словах *idée* ‘идея’, *fait* ‘факт’, *proposition* ‘предложение’, *principe* ‘принцип’, *problème* ‘проблема’. Эти слова характеризуются достаточно скудным семантическим наполнением, из-за их семантической недоопределенности эти существительные имеют широкое референтное применение и, прежде всего, способность приобретать семантическое содержание в дискурсе. Это широкое пропозициональное содержание реализуется прежде всего с помощью анафоры: *La direction a proposé au personnel de dormir sur place. L'idée ne ravit pas les syndicats* ‘Руководство предложило персоналу оставаться на ночь на работе. Идея профсоюзам не нравится’. Часто используется и катафорическая организация контекста: *Le problème, c'est que nous sommes très différents* ‘Проблема в том, что мы очень разные’. Это позволяет словам-маркерам непосредственно выполнять важную структурирующую роль на дискурсивном уровне. Наделенные лексико-семантическим содержанием и сложным дискурсивным функционированием, эти слова пересекаются с другими классами существительных: общие существительные, слова-вершины, слова-идеалы и др.

Идеи французских лингвистов в изучении маркеров развиваются по трем направлениям. Первое направление охватывает категориальную сущность этой лексики: следует дать определение словам-маркерам через их отношения с общими именами с целью прояснить само понятие семантической недоопределенности. С этим связана необходимость противопоставить слова-маркеры общим и общечеловеческим именам (*homme* ‘человек’, *individu* ‘индивидуум’, *personne* ‘лицо’), которые не совсем справедливо исключаются из проблематики семантической недоопределенности. Работая

с большим набором критериев (частота использования, степень абстракции, возможность грамматикализации и т. д.), авторы подчеркивают как оригинальность слов-маркеров в рамках общей лексики, так и их легитимность при обсуждении понятия недоопределенности. Перспективным представляется также исследование слов-маркеров через так называемые существительные вершины, такие как *chose* ‘вещь’, *objet* ‘объект’, *place* ‘место’, *action* ‘действие’, *événement* ‘событие’ и общие семантические роли, такие как *agent* ‘агент’, *patient* ‘пациент’, *expérimenteur* ‘эксперт’. Каждый из этих классов слов проявляет некоторую семантическую недоконкретизацию. В том же ключе важно охарактеризовать соотношение слов-маркеров и так называемых слов-идеалов.

Модальность является основным семантическим признаком слов-маркеров, и французские лингвисты Доминик Легалуа и Анаис Вайновски разработали их модальную классификацию. Эта классификация основана на расширении поля модальности с целью объяснения семантического, дискурсивного и текстового функционирования слов-маркеров. Семантико-синтаксический подход позволяет обратиться к новому вопросу об изучаемой лексике: о предикативной природе недоопределенного существительного и аргументативном статусе или неаргументированном статусе дополнения предложения в специфической копулятивной конструкции.

Вторая ось исследований касается функционирования слов-маркеров в различных так называемых уточненных конструкциях. Предлагается описание семантических и прагматических свойств существительного, основанное на анализе синтаксических структур, в которые оно входит как недоопределенное, а также подразделение слов-маркеров на три подкласса на основе синтаксических критериев: все спецификационные структуры неидентичны и имя существительное *fait* ‘факт’ занимает в своем подклассе, к которому оно принадлежит, особое место. Эти исследования учитывают семантические (лексическая позиция, референциальная неавтономность, сущностная недоопределенность и абстракция) и синтаксические свойства маркеров. Семантическую недоопределенность следует рассматривать как неотъемлемую часть лексического значения определенных существительных, а не как простой эффект употребления в дискурсе. Таким образом, именной элемент по самой своей сути является недоопределенным, в первую очередь из-за его реляционного характера и по многим другим лексико-семантическим и функциональным причинам.

Третье направление касается дискурсивных свойств слов-маркеров. В нашем корпусе мы находим, например, существительное *scandale* ‘скандал’, в отношении которого мы не видим, насколько оно было бы семантически мало определенным. Причина этого отчасти объясняется абстрактной размерностью имени существительного, но следует добавить, что эти лексемы составляют в дискурсе роли поиска значений. Некоторые недоопределенные имена представляют собой естественные названия фаз связывающих последовательностей. Последовательности организуют текстовые диаграммы: *objectif* – *mise en œuvre* – *résultat* – *évaluation* ‘цель –

реализация – результат – оценка’, *désir – mise en œuvre – satisfaction – évaluation* ‘желание – реализация – удовлетворение – оценка’, *situation – problème – solution – évaluation* ‘ситуация – проблема – решение – оценка’, *question – réponse – évaluation* ‘вопрос – ответ – оценка’ и т. д. Это подтверждает очень тесную связь, существующую между словами-маркерами и текстуальностью.

Среди дискурсивных функций слов-маркеров обычно называют: идейные (они представляют собой средства для определения номинального содержания, т. е. позволяют классифицировать пропозициональное содержание), текстуальные и прагматические (поскольку они обеспечивают как актуальность существительного, очень часто акцентированного даже на письме, с повторяющимся местоимением, так и акцентирование внимания на предложении или инфинитивной составляющей благодаря различным синтаксическим приемам). Они также выполняют организационные функции. Например, перечисление: *Cette loi devait éviter plusieurs écueils. Le premier aurait été de copier les systèmes des pays voisins* ‘Этот закон должен был избежать нескольких ловушек. Первой было бы копирование систем соседних стран’. Межличностные функции чаще всего выполняются в аргументативном модусе, в частности, благодаря модальному значению существительного: *Il est donc évident que je préférerais débattre avec vous d’un projet socialiste sérieux et intelligible. La vérité est qu’il n’existe pas* ‘Поэтому очевидно, что я предпочел бы обсудить с вами серьезный и внятный социалистический проект. Правда в том, что его не существует’. Конверсивная функция в деривационном отношении может проявляться через номинализацию прилагательного: *L’inacceptable pour nous, c’est que l’on bafoue le droit fondamental* ‘Что для нас неприемлемо, так это попрание основных прав’. Соответствие предложения / существительного не всегда является систематическим: *Il est faux que la Constitution garantisse la péréquation. Ce qui est vrai, c’est qu’il existe de fortes disparités entre les collectivités locales* ‘Неверно, что Конституция гарантирует равенство. Верно то, что между местными сообществами существуют сильные различия’.

Таким образом, слова-маркеры, являясь противоречивым семантическим феноменом, представляют собой весьма интересный материал для изучения, особенно в отношении дискурсивных практик.

Л. А. Шабашева, М. Гончарова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИО-ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ
ОСНОВЫ КОНЦЕПТА «ЛИЦЕМЕРИЕ»
В РОМАНЕ СТЕНДАЛЯ «LE ROUGE ET LE NOIR»

Индивидуализм человеческого духа более всего присущ тем, у кого в душе присутствует «вечное» брожение, «вечное» возмущение. Например у Чайльд Гарольда этот дух проявился через титанический протест против

тирании общества вследствие глубины его чувств, порывистости и искренности его переживаний. Но протест не всегда принимает такие высокие формы. Дух свободы личности может проявляться и в формах менее героических, приспособительских, хотя при этом он не перестает быть духом непокорности авторитету, навязанному извне. Индивидуализм Стендаля проявился через артистический культ энергии, через эпикурейское неприятие торжища на сцене жизни, а также через его аполитизм, т.к. он не примкнул ни к демократам, ни к сторонникам монархии. В связи с этим роман Стендаля «Le Rouge et le Noir» можно изучать не только в аспекте индивидуальной психологии героя, но и психологии эпохи и общества.

Индивидуальная психология главного героя Стендаля демонстрирует в романе все аспекты искренности личности, поступки и чувства которой его герой – Ж. Сорель – сам анализирует во внутреннем монологе, признаваясь в них самому себе и стремясь найти их причины. При этом автор следует своему собственному характеру: «Стараться быть самим собой – единственное средство иметь успех», – говорил он. Он оставляет для себя решимость «быть подлинным до фальши...». Благодаря тонкости анализа выясняется, например, что у Матильды любовь рождается как извращенное тщеславие, которое Стендаль трактует как вид любви.

Стендаль также часто говорил о роли романиста как создателя препятствий, обстоятельств, которые дают герою возможность выковать себя через встречу с миром и свободу делать это плохо. Работа рассказчика – установить стандарт, которому герой пытается соответствовать, а одновременно и генерировать чувство восхищения и ужаса читателя, когда этот стандарт нарушается или вообще игнорируется.

В данном романе, который, как известно, является одним из первых реалистических романов о карьеристах во французской литературе, Стендаль, как рассказчик, показывает роль лицемерия для самообороны молодого провинциала, сына плотника Жюльена Сореля, наделенного умом и честолюбием. Ступенями к его возвышению становятся любовные связи – сначала с женой преуспевающего аристократа-буржуа, г-жой де Реналь, а затем с дочерью крупного сановника времен Реставрации, Матильдой де Ла Моль. Герой живет холодным расчетом и стремится к цели с непреклонным фанатичным упорством, подчиняя ей все, ломая ей в угоду свою натуру. От этой сосредоточенной воли и никогда не снимаемой маски дышит холодом.

Однако, строя лицемерно-цинично-расчетливую стратегию завоевания г-жи де Реналь, Жюльен искренне и глубоко увлекается ею. Навыки лицемерия изменяют ему; в конце концов он не может более контролировать свое чувство, что и приводит его к катастрофе: в страстном порыве он совершает покушение на жизнь г-жи де Реналь и, вследствие действия общественных законов, кончает жизнь на эшафоте.

Таким образом, художественный эффект романа вытекает из контраста между страстной и искренней натурой героя и лицемерием, навязываемым обществом.

В своих попытках добиться успеха в обществе Жюльен нападает, для того чтобы быть атакованным. Его поступки кажутся отчаянными. Поднимаясь каждый раз по социальной лестнице, он оказывается в неведомом мире, в котором он всегда должен быть начеку и помнить о грозящей опасности – разоблачении его планов и амбиций. Например, если бы у него нашли шкатулку с портретом Наполеона, то его отправили бы вновь «вниз», на лесопилку, т. е. на самую нижнюю социальную ступень.

Итак, он постоянно пребывает в стрессе, чтобы иметь возможность подняться на новый общественный уровень, для чего ему требуются как мужество, так и лицемерие. И когда в этой дуэли общество наносит ответный удар, это дает Жюльену возможность признаться самому себе в своих самых глубоких желаниях, но и одновременно отомстить обществу.

Герой романа действует в иных исторических условиях, чем его живой прототип (Стендаль). Несчастливая случайность заставляет его родиться позднее, чем следовало бы. Поколение, вступающее в жизнь в эпоху Реставрации, испытывает зависть к отцам, которые из ничтожества низов поднимались по карьерной лестнице и даже славе (как Наполеон). В психологии эпохи это выражается в создании культа Наполеона, в обожании этого символа эпохи.

Социо-этнокультурные условия в эпоху написания романа сложились так, что честолюбцам стало труднее; они вынуждены прибегать к оружию слабейших – к лицемерию; они должны искать иной путь к власти, чем военное дело. Ж. Сорель хочет сделать церковь орудием своего возвышения. Это решение – результат учета Стендалем психологии личности в новых общественно-исторических условиях.

Таким образом, лицемерие в романе – психологическая реакция личности на насилие большинства, защита своего своеобразия и тайной жизни сердца.

Верный художественный такт заставил автора показать как дуновение страсти сметает лицемерное карьерное здание, возведенное Жюльеном. Стендаль прекращает жизнь Жюльена в молодости, сохраняя при этом цельность его образа. Конечная стадия его жизни кажется парадоксальной тому обществу, которое от природы обладает иной логикой, чем Стендаль и его герой.

Круглый стол «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСПАНИСТИКЕ»

Е. В. Будагова

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В настоящее время владение юридической и деловой речью является важной составной частью профессиональной подготовки переводчика. Цель нашего исследования – выявление проблем перевода испанского юридического текста и поиск их возможного решения. Задачи – провести анализ испанских юридических текстовых материалов, предлагаемых студентам для перевода, определить основные лексические особенности и трудности их перевода с испанского языка на русский язык, установить наиболее частотные лексические трансформации, применяемые при переводе испанских юридических текстов.

Официально-деловой стиль и его юридическая разновидность занимают примерно одно и то же место в структуре как русского, так и испанского языков, выполняя практически идентичные функции. Поэтому их черты, в целом, похожи. Это официальность, создающая основной тон повествования; традиционность, проявляющаяся как в форме построения и оформления документов, так и в стандартизованности, унифицированности, стереотипности используемых языковых явлений; объективность, безличность и обобщенность, когда любое явление описывается как обобщенное, безличное отображение целых комплексов реально существующих явлений и фактов безотносительно к индивидуальным их проявлениям; императивность, предписывающий характер высказывания, цель которого – воздействие на поведение людей; точность и четкость выражения мысли; отсутствие эмоциональности и образности, субъективности оценок, следовательно, таких средств художественной изобразительности, как эпитеты и метафоры.

Лексическое своеобразие и специфика официально деловых юридических текстов позволяют разделить используемую в них лексику на три основные группы:

- 1) общеупотребительная лексика, которая присутствует также в других функциональных стилях языка;
- 2) юридические термины и терминологические словосочетания;
- 3) специальная лексика, которая часто также является терминологической, но относится только к той сфере жизни или деятельности, о которой идет речь в документе.

Общеупотребительная лексика, характеризуется отсутствием коннотаций, является нейтральной, эмоционально неокрашенной. Тем не менее такой лексике свойственна определенная стилистическая маркированность, часто проявляющаяся в преобладании номинативных форм выражения, употреблении отглагольных существительных. Стилистически нейтральные глаголы *participar* ‘участвовать’, *conocer* ‘знакомить’, *ayudar* ‘помогать’, в официально-деловом и юридическом стиле обычно заменяются аналитическими структурами *tomar parte* ‘принимать участие’, *poner en conocimiento* ‘доводить до сведения’, *prestar ayuda* ‘оказывать помощь’.

При переводе юридических текстов следует учитывать, что в рамках данного регистра языка выделяются несколько подрегистров: научный, административно-деловой, судебный и деловой коммерческий. Особым стилем обладает язык в сфере международных отношений, который более чем другие регистры подвержен унификации на международном уровне. Говоря о специфике каждого из вышеперечисленных регистров, можно отметить, что международным договорам, соглашениям и конституции страны присуща возвышенность стиля, а судебные документы содержат канцеляризмы, разговорные элементы. В то же время имеется целый ряд административных документов, в частности, деловых писем, заявлений, уведомлений, исков, апелляций, в которых весьма четко прослеживается иерархическая зависимость адресата и адресанта. На лексическом уровне это проявляется в употреблении весьма разнообразных форм вежливого обращения: *Excelentísimo*, *Ilustrísimo*, *Magnífico*, *Estimado*. Следует отметить, что при переводе форм обращения с испанского языка на русский возникают трудности, связанные с тем, что испанский язык располагает значительно более разветвленной системой формального обращения в зависимости от положения, которое занимает то или иное должностное лицо. Различия в структуре делопроизводства испаноязычных и русскоговорящих стран находят свое отражение в номенклатуре и названиях деловых бумаг. Одному русскому термину соответствуют несколько терминов в испанском языке: ‘Заявление’ *Solicitud*, *Instancia*, *Denuncia*, *Demanda*.

Перевод юридических терминов и терминологических словосочетаний, требует поиска точного и однозначного эквивалента. Термины латинского происхождения в испанском языке, как правило совпадают по своему значению и в русском языке. При этом характерно, что в русском языке иногда параллельно употребляются латинские термины, и их полные эквиваленты русского происхождения, как правило, дескриптивные: *usufructo* ‘узуфрукт, право пользования’, *comodato* ‘коммодат, беспроцентная ссуда’; *fisco* ‘фиск, государственная казна’. В данном случае наблюдается стратификация языка юриспруденции в зависимости от сферы его употребления – в научных, профессиональных кругах предпочтение будет отдано терминам латинского происхождения, а в юридических документах, предназначенных для обыч-

ных граждан, – терминам русского происхождения. Наблюдаются также случаи, когда испанскому термину латинского происхождения в русском языке соответствует русский термин: *litigio* ‘суд, тяжба’; *avocación* ‘затребование дела в высшую инстанцию’.

Значительную часть юридических терминов представляют термины-словосочетания, которые благодаря устойчивости употребления и связности значения обладают свойствами фразеологизма, что особенно важно знать, поскольку при переводе нельзя переводить такие словосочетания как обычные свободные и, как свидетельствует сопоставительный анализ, термину-словосочетанию может соответствовать термин-слово и наоборот: *mayoría de edad* ‘совершеннолетие’; *bienes raíces* ‘недвижимость’.

Следует отметить еще одну черту испанского юридического стиля – его избыточность, проявляющуюся как на синтаксическом, так и на лексическом уровне, в частности, для испанских юридических текстов характерно употребление очень близких синонимов, иногда практически абсолютных, которые в русском переводе, как правило, представлены одним термином: *voz y voto* ‘голос’; *daños y perjuicios* ‘ущерб’; *cargas y gravámenes* ‘налоги’.

Термины-заимствования присутствуют в обоих из рассматриваемых языков. Особенностью испанского языка является наличие группы арабизмов, оставшихся в испанском языке в силу исторического развития этой страны. В последнее время в обоих языках наблюдается наплыв англицизмов, но данный процесс свойственен современному русскому языку, а также латиноамериканскому варианту испанского языка, в то время как в пиренейском варианте испанского языка предпочтение отдается испанскому термину: ‘лизинг’ *arrendamiento con opción a compra*; ‘киллер’ *asesino*; ‘офис’ *despacho*; ‘бизнес’ *negocio*.

Определенную трудность при переводе представляют межъязыковые паронимы – слова, имеющие схожее написание и произношение, однако различные по значению в двух языках: *compromiso* – не ‘компромисс’, а ‘обязательство’; *recurso* – в юридическом или деловом стиле это не ‘ресурс’, а ‘жалоба, иск’; *instancia* – не ‘инстанция’, а ‘ходатайство, заявление’.

При переводе юридического текста доминантами перевода, обеспечивающими соответствие оригиналу, будут все средства, обеспечивающие объективность, логичность и компактность изложения. Переводчик пользуется, главным образом, эквивалентами, постоянными равнозначными соответствиями. В случае, когда эквивалент отсутствует или не может быть использован по условиям контекста, для достижения адекватного перевода применяются лексические трансформации. Транскрипция и транслитерация в юридическом переводе используются для перевода наименований физических и юридических лиц. Генерализация, конкретизация или модуляция применяются для передачи клишированных выражений, которые в испанском юридическом тексте иногда отличаются своей развернутостью или краткостью.

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ ИСПАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В каждой культуре на протяжении всей истории ее существования складывались определенные стереотипы речевого поведения, закрепленные за ее представителями. В испанской культуре женщина всегда осуждалась за ее болтливость, свидетельством чему является большое количество пословиц, поговорок, устойчивых выражений, порицающих данную черту характера женщин: *La mujer, generalmente hablando, está, generalmente, hablando; Antes faltaría al ruiseñor qué cantar, que a la mujer qué hablar; Un hombre, una palabra; una mujer, un diccionario; La lengua de la mujer dice todo lo que quiere.*

Так сложилось исторически, что испанская женщина могла выражать свое мнение только в семейном кругу, в то время как мужчина мог делать это как публично, так и в семье. Как отмечает Пилар Гарсия Моутон, в испанском обществе на протяжении многих веков функционировало библейское правило женского безмолвия, и социальная роль женщины заключалась в ее молчании. В этой связи болтливые женщины имели в испанском обществе дурную славу: *La mujer dicharachera, poco casadera; Tres cosas echan de su casa al hombre: el humo, la gotera y la mujer vocinglera; La mujer habladora, duelo tiene donde mora; Quien tiene mujer parlera, o castillo en la frontera, o viña en la carretera, no le puede faltar guerra; La mujer parlera nunca acaba la tarea* и т.п.

В свою очередь молчаливые женщины, как правило, высоко ценились в испанском обществе, о чем свидетельствуют следующие примеры: *Calladita te ves más bonita; Mujer y perra, la que calla es Buena; La mujer lista y callada de todos es alabada; Gallina ponedora y mujer silenciosa, valen cualquier cosa* и т.п.

Исторические и социальные изменения, которые берут свое начало во второй половине XX века, едва ли повлияли каким-то образом на широко распространенное мнение о том, что испанские женщины болтливы. Тем не менее, отношение испанского общества к женщине и ее «слабостям», начиная с этого периода, меняется. В Испании закладывается фундамент гендерного равенства, одним из проявлений которого становится равенство свобод мужчин и женщин, в том числе и свобод, связанных с речевым поведением. Результаты анализа коммуникативного поведения современной испанской женщины позволили нам выявить следующие характерные черты.

1. Использование непристойных и вульгарных слов. Обычно женщины избегают открыто употреблять в речи непристойные слова, заменяя их эвфемизмами. Эвфемистической замене наиболее часто подвергаются следующие единицы: *carajo (caramba, carambolas, canastos, caracoles, carape, caray),*

cojones (riñones), diablo / demonio (diantre, dianche, diano, demontre), hostia (ostras, ordiga), joder (jobar, jolines, jope, jopelines, jopetas, joroba), leche (lene), mierda (miércoles). Данные единицы являются вульгаризмами / общенизмами или, относясь к религиозной сфере, могут задевать чувства верующих, поэтому они и эффемизируются. Однако в настоящий момент многие междометия-эффемизмы становятся малоупотребительными, так как табу и запреты на использование некоторых единиц снимаются: из вульгарных форм они переходят в разряд общеупотребительных фамиллярных, и многие молодые женщины их широко используют, демонстрируя, возможно, тем самым, свою непокорность и стремление быть равными с мужчинами.

2. Частое употребление различных дискурсивных маркеров (*venga, vale* и др.), а также не прямых речевых актов, ср.: *¿Podrías llevarme a casa?*; *¿No hace mucho calor?*

3. Использование вопросов-подтверждений в конце предложения с целью достижения согласия и консенсуса, например, *¿verdad?*, *¿no crees?*, *¿te parece?*, *¿a qué sí?*

4. Независимо от социального класса или возраста употребление в речи ласковых прозвищ, например, *cielo, cariño, bonito-a, majo-a, hijo-a, corazón, guapa, mona, gordo* (при обращении невесты к жениху).

5. Повторы существительных, прилагательных и наречий: *Carlos, esto no es una casa, u yo quiero una casa-casa; Está muy muy bien*.

6. Использование уменьшительно-ласкательных суффиксов типа *-ito, -illo, -ín*, например, *un poquito, un poquitín, pequeñito, cerquita, mi amorcito*. Данное языковое оформление придает речи женщин некую инфантильность и зачастую используется для смягчения некоторых слов и выражений, которые могут показаться грубыми, ср.: *Eres un poco gordito*. В речи женщин частотность использования уменьшительно-ласкательных суффиксов выше, чем увеличительных суффиксов.

7. Использование наречий на *-mente* для усиления экспрессивности высказывания: *divinamente, estupendamente* и т.п. Ср.: *¡No! ¡Increíblemente! ¡No creo en eso!; Y...inesperadamente...¡¡Ross me besó!!!*

8. Использование прилагательных в превосходной степени: *¡El coche que me ha regalado Pablo es hermosísimo, rapidísimo y bonísimo!*

9. Использование приставок *requite-, so-, sobre-, ultra-, mega-, archi-, super-*, ср.: *supergrande, superinteresante, hipernervioso, requetebién*.

10. Использование качественных имен прилагательных оценочного характера типа *horrible, precioso, genial, fenomenal, ideal*: *Nuestra primera cita...esto era magnífico, estupendo, fascinante...*

Таким образом, речевое поведение современных женщин характеризуется свободой самовыражения, проявляющейся в использовании различных языковых и речевых средств выражения эмоционального состояния.

ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК В ЭКВАТОРИАЛЬНОЙ ГВИНЕЕ

Исследования, посвященные национальным вариантам испанского языка Латинской Америки, в испанистике традиционны, но все чаще проявляется интерес к языковой ситуации в бывшей испанской колонии на западе Африканского континента – Республике Экваториальная Гвинея, где испанский язык входит в число официальных.

Ситуация с испанским языком в этой стране уникальна по нескольким причинам. Несмотря на то, что это одно из самых маленьких государств континентальной Африки (в нем проживает чуть более 1 200 000 человек), оно отличается огромным языковым разнообразием. Испанский здесь – единственный язык обучения в начальной и средней школе и второй для большей части населения: на нем говорят около 88 % жителей страны. Родным для большинства является обычно один из языков банту – его используют различные этнические группы Экваториальной Гвинеи (например, народности фанг, буби) или один из креольских языков на основе португальского или английского. Вместе с тем, у этих языков нет письменного варианта. Поэтому испанский имеет важное значение не только как средство межкультурной коммуникации, но и как способ письменного общения.

Отсутствие у большинства говорящих по-испански знаний об Экваториальной Гвинее удивляет, ведь это единственная страна на Африканском континенте, которая признала испанский язык официальным и имеет с Испанией множество связей.

Первыми европейцами, ступившими на земли Гвинеи, были португальцы, но по договору Сан-Ильдефонсо (1777) и Эль-Пардо (1778) они передали Испании острова Аннобон и Фернандо-По, а также территорию на западном побережье Африки. Позже здесь сформировалась материковая часть Экваториальной Гвинеи, так называемая Рио-Муни. В 1926 году островная и континентальная территории вошли в состав единой колониальной единицы – Испанской Гвинеи.

С образованием колонии контроль испанского правительства над территорией региона приобрел более оформленный и структурированный характер. Благодаря усилиям миссионеров, а также открытию в Гвинее испанских государственных школ, началась популяризация испанского языка, в результате чего значительная часть населения овладела им на достаточно высоком уровне. Наиболее интенсивно процесс колонизации осуществлялся на острове Фернандо-По.

Колониальная политика Испании, направленная на привлечение местного населения к решению поставленных метрополией социально-политических и экономических задач, оказала влияние на пути развития испанского языка, который был официально провозглашен языком администрации и главным средством приобщения жителей страны к новым идеалам и рели-

гиозным канонам католической церкви. В результате проводимой испанскими колонизаторами политики испанский язык стал проводником испанской культуры. Обучение в начальной школе, которое охватывало около 90 % детей соответствующего возраста, велось на испанском языке и продолжалось на последующих этапах. В связи с этим уровень владения языком бывшей метрополии в Экваториальной Гвинее весьма высокий и превосходит не только англоязычные, но и франкофонные государства Тропической Африки.

В 1959 году Фернандо-По и Рио-Муни были объявлены заморскими провинциями Испании и получили название ее Экваториального региона. В декабре 1963 года Испанской Гвинее предоставлена ограниченная внутренняя автономия. В марте 1968 года под давлением освободительного движения и Организации Объединенных Наций Испания начала процесс деколонизации, и 12 октября того же года была провозглашена независимая республика.

После обретения страной независимости, ее президент Ф. Масиас Нгема, фанг по происхождению, предпринимал активные попытки сделать свой родной язык основным средством межэтнического общения в ущерб другим языкам вплоть до полного запрета испанского. Но 3 августа 1979 года испанский язык снова стал официальным.

Французский был принят в качестве официального языка Экваториальной Гвинеи в 1998 году для укрепления экономических связей с другими франкоязычными странами Африки. Знаковых культурно-исторических предпосылок для этого не было, поскольку на французском говорят менее 10 % населения, проживающего в основном в городах, граничащих с франкоязычными государствами.

В 2007 году Экваториальная Гвинея признала официальным и португальский язык, при этом продолжают множественные дискуссии о придании такого статуса английскому, также имеющему богатую историю развития в данном регионе.

В отличие от носителей испанского языка Латинской Америки, в Экваториальной Гвинее для подавляющего большинства населения испанский остается вторым языком, а иногда и третьим, поскольку практически каждый гвинеец владеет еще как минимум одним местным языком, широко используемым в бытовом общении.

Таким образом, испанский язык представляет собой своеобразное искусственное средство, во многом необходимое для объединения и самоидентификации местного населения. Этим объясняется всемерное укрепление его положения на государственном уровне. В качестве примера можно привести создание в 2013 году Академии испанского языка Экваториальной Гвинеи, которая в 2016 году вошла в Ассоциацию академий испанского языка. Но, несмотря на принимаемые усилия, уровень владения испанским языком в стране оставляет желать лучшего, для него характерны частые ошибки и отклонения от установленных правил.

Богатая история государства повлияла на формирование уникального национального варианта испанского языка, отличного от полуостровной нормы и латиноамериканских вариантов и крайне неоднородного по своей природе. Особый интерес для изучения представляет сосуществование и взаимодействие в Республике Экваториальная Гвинея испанского языка с большим количеством автохтонных языков. В связи с указанным необходимо рассматривать экваторгвинейский испанский не как целостное явление, а как совокупность нескольких диалектов, среди которых можно выделить как минимум островной и материковый испанский, субстратом для которых выступают языки буби и фанг соответственно.

В силу того что на территории страны проживает значительное количество этнических групп, испанский язык выполняет объединяющую функцию и служит средством межэтнического общения. Кроме того, испанский язык Экваториальной Гвинеи является полноправным национальным вариантом языка, исторически и структурно неразрывно связанным с пиренейской нормой, однако обладающим рядом специфических черт.

Круглый стол «СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ»

Н. А. Волковинская

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ «ПОНЧИК» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Сфера питания играет огромную роль в жизни современных людей, что естественным образом находит свое отражение в семантике лексических единиц, анализ которых, в свою очередь, позволяет вскрыть специфику языкового сознания представителей той или иной культуры. Для своего исследования мы выбрали английскую лексему *пончик* и подвергнем анализу структуру и содержание ее психолингвистической модели, как совокупности сгруппированных и структурированных ассоциативных вербальных реакций, полученных в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента.

Для определения состава и структуры психолингвистического значения (ПЗ) исследуемого слова мы объединили реакции, полученные на словостимул от 250 респондентов в ходе проведения эксперимента. В результате образовались семантические группы по принципу отражения их членами общих параметров денотатов. Таких групп оказалось 12 в следующих величинах: компоненты изделий (32 %), характеристики изделий (23 %), изделия (11 %), сопутствующие продукты (6 %), лица (6 %), место (6 %), кухонные инструменты (4 %), действия (4 %), диета (4 %), цитатная (2 %), время (1 %) и блюда (1 %).

Объем семантических компонентов в структуре исследуемой единицы равен 102. Ядерными реакциями в структуре данного ПЗ, проявившими максимальную частотность, являются *jam* 'варенье', *sugar* 'сахар' и *ring* 'кольцо'. Анализ частотности полученных реакций позволяет установить наиболее *актуальные* связи в сознании испытуемых, в то время как единичные, периферийные компоненты фиксируют связь, понимаемую носителями языка, но не значимую для них.

Самая многочисленная группа «компоненты изделий», члены которой объединены отношениями части-целого, включает в себя перечень ингредиентов, необходимых для приготовления пончиков (*wheat* 'пшеница', *sugar* 'сахар', *egg* 'яйцо'), а также части этого продукта питания (*jam* 'варенье', *hole* 'дырка', *sprinkles* 'посыпка', *icing* 'глазурь', *chocolate* 'шоколад', *cream* 'сливки', *glazer* 'глазурь', *dust* 'посыпка').

Группа «характеристики изделий» включает широкий перечень указаний на различные качества изделия. Так, нашли фиксацию *форма* пончика (*round* 'круглый', *ring* 'кольцо', *circle* 'круг'), *вкус* (*sweet* 'сладкий', *greasy* 'жирный'), *способ приготовления* (*baked* 'печеный', *powdered* 'посыпанный', *glazed* 'глазированный', *iced* 'глазированный', *fried* 'жареный'). Отличитель-

ной чертой данной группы является значительное число 'противоречивых' ответов, т. е. стимул вызвал контрастирующие по семантике реакции: для кого-то пончик – это *um* 'ням-ням', *yummy* 'ням-ням', *nice* 'вкусный', *tasty* 'вкусный', *excellent* 'отличный', а для кого-то *sickly* 'тошнотворный', *unhealthy* 'вредный для здоровья'. В ассоциативном эксперименте нет правильных или неправильных ответов, реакции, наряду с лингвокультурологической обусловленностью, напрямую зависят от личности испытуемого, его индивидуального опыта, пристрастий и даже настроения, отражая тем самым прагматические факторы.

Группа «изделий» включает перечень других хлебобулочных и мучных кондитерских изделий (*cake* 'торт, пирожное', *bread* 'хлеб', *pastry* 'выпечка', *biscuit* 'печенье', *cookie* 'печенье', *roll* 'булочка, рулет'), а также разновидности пончиков (*jelly* 'с желе', *raspberry* 'с малиной', *apple* 'яблочный', *cheese* 'сырный', *bean* 'ванильный').

Семантическая группа «сопутствующие продукты» содержит наименования напитков и еды, традиционно употребляемых совместно с пончиками (*coffee* 'кофе', *cider* 'сидр', *butter* 'масло', *milk* 'молоко', *beer* 'пиво', *tea* 'чай'). Номинации изделий, употребляющиеся вместе, обнаруживают наличие ассоциативной связи, а их появление в сознании отражает метонимическую стратегию ассоциирования.

В семантическую группу «лица» входит перечень образов типичных потребителей пончиков, т. е. у испытуемых проявляется идентификация через образ. Так, пончики вызывают мысли об американских полицейских (*cops* 'копы', *cop* 'коп', *police* 'полиция', *USA police* 'полиция США') и персонаже комиксов (*Homer Simpson* 'Гомер Симпсон', *Homer* 'Гомер').

Группа «место» фиксирует названий различных локаций, ассоциируемых с приготовлением и употреблением пончиков (*Krispy kreme* 'Криспи Крим', *my grandpa & cake doughnuts*, *America* 'Америка', *South America* 'Южная Америка', *shop* 'магазин', *kitchen* 'кухня', *bakery* 'булочная', *Rolling*).

Семантическая группа «кухонные инструменты» содержит перечень орудий, используемых для хранения (*box* 'коробка', *bag* 'сумка', *basket* 'корзинка'), подачи (*tray* 'поднос', *plate* 'тарелка') изделий и является следствием актуализации стратегии функциональной идентификации.

Семантическая группа «действия» включает номинации операций по приготовлению (*fry* 'жарить', *cook* 'готовить', *shape* 'придавать форму'), употреблению (*bite* 'кусать', *eat* 'есть', *drink* 'пить') и другим манипуляциям (*slice* 'нарезать') с изделием.

Борьба с избыточным весом, акцент на пользу продуктов является тенденцией современности, и это нашло отражение в исследуемом ПЗ. Так, семантическая группа, которую мы условно обозначили «диета», хоть и находится на крайних позициях в исследуемой модели, включает несколько частотных реакций (*fat* 'жир', *calories* 'калории', *lots of calories* 'много калорий'), которые подтверждают то, что пончики не относятся к ряду диетических / полезных продуктов.

Члены «цитатной группы» (*dollar, bet – bet dollars to doughnuts* ‘биться об заклад’) представляют собой компоненты фразеологических единиц. Так, стимульное слово вызывает в памяти носителя языка *образ*, соответствующий определенному фразеологизму, до которой достраивает его последующая реакция.

В группу «время» входят реакции, указывающие на типичное время употребления пончиков (*morning* ‘утро’, *breakfast* ‘завтрак’, *dessert* ‘десерт’) и объективирующие стратегию *локализации во времени*.

Малочастотная семантическая группа «блюда» представлена номинациями двух блюд (*fritter* ‘фриттер’ 2; *pork donuts* ‘свинные пончики’).

Таким образом, психолингвистическая модель значения *doughnut* ‘пончик’, смоделированная по результатам свободного ассоциативного эксперимента, представляет собой иерархическую структуру, включающую 102 компонента. По общности семантики они могут быть объединены в семантические группы, самыми частотными из которых являются «компоненты изделий» (32 %) и «характеристики изделий» (23 %). Анализируемое ПЗ отличается фиксацией оценочных компонентов (*excellent* ‘отличный’, *nice* ‘вкусный’, *lovely* ‘прекрасный’, *yummy* ‘ням-ням’, *sickly* ‘тошнотворный’, *treat* ‘лакомство’, *unhealthy* ‘вредный для здоровья’), ряд из которых контрастируют по семантике, а также образных компонентов (*Simpsons* ‘Симпсоны’, *cop* ‘коп’, *police* ‘полиция’, *policemen* ‘полицейский’, *USA police* ‘полиция США’). Стимульное слово породило множество как высокочастотных (*jam* ‘варенье’, *sugar* ‘сахар’ и *ring* ‘кольцо’), так и единичных (*plate* ‘тарелка’, *cup* ‘чашка’, *shop* ‘магазин’ и др.) реакций, комплексных анализ иерархии которых позволяет установить актуальные для сознания носителей языка отношения.

О. Гилеп

СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА (на материале романа В. Вулф «Комната Джейкоба»)

Вирджиния Вулф (1882–1941) является одной из самых выдающихся писательниц первой половины XX века. С её именем неразрывно связаны теория и художественная практика литературы модернизма в Великобритании. Вся структура художественного сознания Вирджинии Вулф проникнута размышлениями о времени и пространстве.

Взаимосвязь пространственных и временных характеристик художественного произведения обозначается понятием *хронотоп*. Данный термин был введен в сферу гуманитарных наук, эстетики и поэтики М. М. Бахтиным. Взаимосвязь времени и пространства отражает соотношенность событий, выделяет ассоциативные, причинно-следственные и психологические связи

между ними. В произведении она создает ряд событий, выстраиваемых в ходе развития сюжета. Как художественный образ хронотоп структурирует и организует мир произведения, обеспечивает его художественное единство, объективизирует художественные и культурные смыслы литературного текста.

«Комната Джейкоба» рассказывает историю Джейкоба Фландерса с раннего детства до момента его смерти. В романе нет ни сюжета, ни реальных эпизодов. Также нет попытки сохранить хронологический порядок событий; они лишь образуют ряд быстрых, немного связанных впечатлений. Отказавшись от традиционной структуры сюжета, Вирджиния Вулф смогла создать новую модель развития категории времени и пространства.

Существует мнение, что В. Вулф в полной мере отражает взгляды французского философа А. Бергсона, который «освободил» концепцию времени от искусственных, математически точных показаний часов и создал концепцию «внутреннего», субъективного времени, существующего в сознании человека. Так, жесткие деления часов или пространственного времени прерывают и нарушают течение жизни. В структурном отношении часы с боем в «Комнате Джейкоба» указывают на изменение характера произведения – так называемый хронотоп порога, переломного момента. К тому же, часы являются главным объединяющим фактором на протяжении всего романа.

Вирджиния Вулф основывает свою концепцию хронотопа на том, как он существует в уме; его новая форма подобна разуму, который связывает и структурирует новые и приобретенные ранее впечатления. Вирджиния Вулф выбрала личное возвращение в качестве образа, на котором строится ее роман. Так, когда Джейкоб посещает часовню в Кембридже, он смотрит на стеклянные окна и думает о фонаре, который напоминает ему тот, который он использовал для ловли мотыльков ночью; таким образом он возвращается во времени к другим хронотопам своего детства.

Чувство возвращения характерно для циклических хронотопов. Комната Джейкоба заканчивается освобождением его комнаты для повторного заселения кем-то другим; картина готовится повториться. Бонами, друг Джейкоба, смотрит из окна на хаотичную сцену жизни и в отчаянии, а может быть, и узнавая, восклицает: *«Джейкоб! Джейкоб!»* Эта фраза напоминает читателю начальную сцену романа, когда Арчер ищет своего брата среди скал, крича *«Джейкоб! Джейкоб!»*.

На цикличность хронотопа указывает и фабульный топос романа в период становления жизни главного героя – море. Море бьется практически вечно, и оно переживает жизни тех, кто настроен против него. Море дает человеку правильное представление о своей жизни, но оно также служит Вирджинии Вулф образом бесконечного и непрерывного цикла течения времени и пространства. Время и пространство в «Комнате Джейкоба» скачет вперед и назад, как морские волны; и тем не менее, частицы воды внутри волны неподвижны, и один и тот же цикл повторяется снова и снова.

Персонажи «Комнаты Джейкоба» составляют еще один сегмент картины романа. В переживаниях персонажей подчеркивается непрерывность и текучесть. Каждый персонаж является частью всех остальных, с которыми он соприкасается. Чтобы передать эту концепцию, Вирджиния Вулф использует множественное представление времени, людей и объектов, слитых воедино.

В заключение следует отметить, что «Комната Джейкоба» стал одним из первых романов, в котором писательницей был отвергнут старый метод обращения со временем и пространством.

О. А. Зинина

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КОНЦЕПТА «СПОРТ» (на материале английских и русских словарей)

Понятие «спорт» является одним из ключевых концептов английской культуры, а любовь англичан к спорту определяется как один из национальных стереотипов. Неотъемлемой чертой британского образа жизни и культуры является интерес к спорту и участие в нем.

Лексическая единица *sport* появилась в английском языке в XV веке как заимствование из французского *disport* в значении ‘*entertainment, pleasant pastime*’ (The Oxford Dictionary of English Etymology Edited by C. T. Onions, Oxford University Press, 1966).

В русский язык слово *спорт* пришло из английского в 19 веке, хотя в «Толковом словаре русского языка» В. Даля 1882 г. данная лексическая единица ещё не зафиксирована. В «Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова», изданного в 1935–1940 гг., дается следующее толкование понятия *спорт*: ‘Физические упражнения, преимущественно в форме различных игр или состязаний, имеющие целью укрепление организма и развитие психической бодрости’.

«Словарь русского языка под редакцией С. И. Ожегова», изданный в 1952 году, определяет *спорт* как ‘физические упражнения для развития и укрепления организма’. Более развернутое определение дает «Энциклопедический словарь под редакцией Б. А. Введенского», изданный в 1955г.: ‘Спорт – занятие разнообразными физическими упражнениями, направленными на укрепления здоровья и всестороннее физическое развитие. Спорт воспитывает качества, необходимые для трудовой и боевой деятельности: выдержку, самообладание, настойчивость, волю к победе’.

В «Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова» издания 1998 года спорт определяется как ‘составная часть физической культуры, основанная на физических упражнениях, имеющая целью развитие и укрепление организма; выполнение таких упражнений на соревнованиях; система организации и проведения соревнований и учебно-тренировочных занятий по различным комплексам таких упражнений’. «Но-

вый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой приводит следующее определение: 'Составная часть физической культуры – комплексы физических упражнений, имеющие целью развитие и укрепление организма, а также соревнования по таким комплексам. Игра в шахматы, шашки, рыболовство'.

Таким образом, объем концепта 'спорт' в русском языке включает в себя такие признаки как 'физические упражнения', 'составная часть физической культуры', 'система организации соревнований', 'укрепление здоровья и организма'. Только в словаре 2000 года в концепт включены такие понятия как 'шахматы, шашки, рыболовство'.

Обратимся к дефинициям английских лексикографических источников.

«Этимологический словарь английского языка» под ред. У. Скита определяет *sport* как '*activity that offers amusement or relaxation; entertainment, fun; a pastime or game, pleasure taken in such activity*' Оксфордский словарь английского языка приводит следующее толкование лексемы *sport*: '*an activity involving physical exertion and skill in which an individual or team competes against another or others for entertainment; an occasion on which people compete in various athletic activities; success or pleasure derived from an activity such as hunting or fishing; entertainment, fun; (archaic) a source of amusement or entertainment*'. Согласно словарю Макмиллан, '*sport is an activity which involves physical effort, an activity in which players or teams compete against each other*'.

Диахронический анализ английских словарных дефиниций показывает развитие значения – *amusement, entertainment – hunting, fishing – physical effort, competition*. Таким образом, если в русском языке спорт – это, прежде всего, физическая активность, способствующая укреплению здоровья, не имеющая отношения к развлечению и удовольствию, то в английской лингвокультуре это понятие появилось, прежде всего, в значении 'развлечение, удовольствие, приятное времяпровождение', которое было связано с охотой и рыбалкой. С течением времени значение расширяется за счет понятия 'физическая активность и соревнование'.

Для подтверждения данной гипотезы сопоставим данные словаря синонимов английского и русского языков. В английском Оксфордском словаре синонимов из 45 приведенных синонимов слова *sport* 27 – это существительные, содержащие архисему 'развлечение, удовольствие, приятное времяпровождение', т. е. *amusement, fun, frolic, joke, festivity, merry-making, jollification, recreation, pleasure*. «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой в качестве наиболее частотных приводит значения 'физкультура, атлетика, здоровье'.

Таким образом, на примере лексикографического описания концепта *спорт / sport* можно сделать вывод о важности исследования национальных концептосфер, что способствует погружению в исследуемую лингвокультуру с целью кросс-культурного общения.

УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫМИ ФЕНОМЕНАМИ
И СИМВОЛАМИ В АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ
СТУДЕНТАМИ МГЛУ

Мы провели исследование среди студентов четвертого курса факультета английского языка МГЛУ с целью выявления уровня усвоенности прецедентных феноменов (имен), а так же символов, обнаруженных в результате исследования литературы двух периодов (с 1987 по 2004 гг. и с 2014 по 2018 гг.) теми, кто штудировал их профессионально, потому что изучение чужого языка и культуры предполагает знание культурных знаков. В тестировании участвовали 50 респондентов.

В тест было включено 20 прецедентных феноменов (имен) и символов. Среди них имена, упомянутые в художественных произведениях американских писателей периода 1: Кэри Грант, Аль Пачино, Чарльз Диккенс, Сократ, Майкл Джордан. Также в тест вошли имена Уильяма Шекспира, Авраама Линкольна и Фрейда, так как их актуальность была выявлена при исследовании литературы второго периода. Символы, выявленные в литературе периода 1, тоже были включены в тест: Ширли Темпл, Джон Уэйн, Фрэнк Синатра, Кларк Гейбл, Достоевский, Эйнштейн, Муссолини, Годзилла. Были также включены имена, продолжающие и сегодня оставаться символами в американском языковом сообществе: Хемингуэй, Мэрилин Монро, Гитлер, Сталин. Необходимо подчеркнуть, что символы представляют не только американскую, но и мировую культуру.

В первом задании испытуемым предлагалось заменить прецедентный феномен (имя) или символ в примере из художественного текста, описывая значение, с которым это имя в данном контексте используется.

Хотелось бы отметить, что, к сожалению, нами были выявлены нередкие случаи, когда тестируемые студенты просто упоминали, кем являлись известные личности, имена которых присутствовали в художественном тексте.

Полученные данные свидетельствуют скорее о неумении студентов интерпретировать и, соответственно, понимать значения, с которыми употребляются прецедентные феномены (имена) и символы. Так, ответы часто были основаны не на распознании смыслов имплицированных непосредственно в контексте, а на характеристиках, известных реципиенту. Эти характеристики могут совпадать либо не совпадать с теми, что закреплены в общественном сознании. Однако, не всегда автор произведения опирался именно на такие характеристики при создании образа. Часто, используя прецедентный феномен (имя) или символ, писатель подразумевает черты во внешности или характере с опорой на индивидуальные знания читателя.

*This is very **Socratic**. Great preparation for law school* – Это очень сократовски. Великолепная подготовка к юридическому факультету».

Многие респонденты ошибочно интерпретировали данный пример, так как опирались на тот факт, что Сократ был философом, заменяя прецедентный феномен (имя) словом «философски», игнорируя, как мы полагаем, по незнанию, информацию о его способностях вести дискуссию.

Почти во всех случаях, где автор создает образ персонажа, сравнивая его с известной личностью, респонденты осуществляли замену прецедентных феноменов (имен) или символов, используя прилагательные, характеризующие внешность. Таким образом, тестируемые студенты не понимали, что автор использует прецедентные феномены (имена) или символы не для того, чтобы сказать, что персонаж красив, а для того, чтобы создать более четкий образ персонажа художественного произведения, опираясь на характерные внешние черты известной личности.

*He seemed to know everyone in the place, and Crystal almost fainted when she saw a man who looked like **Frank Sinatra** walk past her* – Казалось, он знал всех в этом месте, и Кристал почти упала в обморок, когда увидела, что мимо нее прошел мужчина, похожий на Фрэнка Синатру;

*She has changed from the Vegas **Marilyn** look-alike to a somewhat bohemian woman with sandy-brown curls in sundresses* [6, с. 321]. Она изменила свой образ, а la Мэрилин, когда та проводила много времени в Вегасе, на образ в некотором роде богемной женщины с песочно-коричневыми кудрями и в сарафане.

При интерпретации имени Аль Пачино были обнаружены случаи замены его имени прилагательным «уродливый», что не только подтверждает отсутствие опоры на контекст при интерпретации, но и выявляет привнесение в нее субъективной оценки.

*He looked like **Al Pacino**, only with a larger hooked nose* – Он выглядел как Аль Пачино, только нос у него был с большей горбинкой.

Необходимо отметить, что испытуемые тем более не сумели справиться с интерпретацией примеров, где указывалось на схожесть у персонажей художественных произведений конкретных черт внешности с известной личностью.

*You could see Durga was stunned for a second, her eyes narrowed and this chin of hers, like **Cary Grant's** only of course on a woman not so effective* – Можно было видеть, что на какую-то секунду Дурга была ошеломлена, ее глаза сузились и этот ее подбородок, как у Кэри Гранта, только, конечно, у женщины не столь впечатляющий;

*And who's the handsome guy with the wonderful **Clark Gable** smile?* – А кто этот симпатичный парень с чудесной улыбкой как у Кларка Гейбла?;

В случае с описанием улыбки, подобной улыбке Кларка Гейбла, прослеживалось стереотипное мышление в варианте «широкая улыбка». В случае с этим актером данный эпитет совершенно не приемлем, так как он едва улыбается, что создает эффект взгляда с прищуром.

Что касается интерпретации образа, созданного посредством использования имени Авраама Линкольна, то тестируемые студенты также испытывали затруднения, так как от них требовалось представление образа президента. В ответах отсутствовали прилагательные с оценочным значением внешности (как это было выявлено в примерах, приведенных выше), но присутствовали прилагательные с оценочным значением черт характера. Однако здесь сложно сказать является ли отсутствие правильных ответов свидетельством незнания такого президента или непонимание того, что от них эти знания требуются при интерпретации данного примера.

*The other employee, a wiry guy whom I belatedly recognize as pierced **Abe Lincoln**, pops his head out the door* – Другой сотрудник, проворный парень, в котором я с опозданием узнаю Авраама Линкольна с пирсингом, высовывает голову из-за двери.

Хотя, как показало проведенное нами тестирование, имена Шекспира, Достоевского, Диккенса являются наиболее узнаваемыми среди респондентов, тем не менее, было выявлено полное отсутствие или мало ответов с правильной интерпретацией смыслов, имплицитных этими именами в художественном тексте.

*She looked utterly betrayed, as betrayed as the most betrayed person in **Shakespeare*** – Она выглядела так, словно ее предали, предали настолько, насколько может быть предан самый предаваемый персонаж в драмах Шекспира;

*He is not an analyst, he is an epic writer, an unconscious **Dostoevsky*** [32, с. 116]. Он не аналитик, он пишет эпические произведения, бессознательный Достоевский;

*He was the one who suggested I might like to try my hand at a serial novel, a la **Charles Dickens**, and that seed eventually blossomed into the Green Mile* [22, с. 349]. Именно он предложил мне попробовать свои силы в написании романа с продолжением, как Чарльз Диккенс, и это семя в конечном итоге расцвело в роман «Зеленая Миля».

Правильная интерпретация этих примеров зависит не только от представления о том, кто есть упомянутые личности, но, в большей степени, от знания характерных особенностей их произведений и владения некоторыми биографическими сведениями о самих авторах.

Самое большое количество правильных ответов в примерах с именами Эйнштейн, Хемингуэй, Гитлер, Сталин, Майкл Джордан мы объясняем тем, что в контексте эти имена употребляются авторами с их общеизвестным значением, что исключает задействование дополнительных знаний об этих личностях при интерпретации текста. Мы также можем сделать вывод о том, что многим студентам (хотя и не всем) знакомы оценочные смыслы, закрепленные за этими символами и прецедентным феноменом (именем). Более того, можно предположить, что в нашей культуре Сталин и Гитлер, так же как и в американском языковом сообществе, символизируют тиранию и агрессию.

*So, write the story... You don't have to be **Ernest Hemingway**. You're lucky you're getting a second chance* – Итак, напиши рассказ... Для этого не нужно быть Эрнестом Хемингуэйем. Тебе повезло, что ты получаешь второй шанс;

*It didn't occur to you that one of those young women might give birth to the next **Hitler** or **Stalin*** – Тебе не пришло в голову, что одна из тех молодых женщин может родить следующего Гитлера или Сталина;

*But I knew enough physics to see there weren't aqueducts under the railway to take floodwater off once it breached the levees. A man didn't need to be **Einstein*** – Но я достаточно хорошо знал физику, чтобы понимать, что под железной дорогой не было труб для отвода паводковых вод, когда-то по этой причине прорвало дамбы. Для этого не нужно было быть Эйнштейном;

*...though the boy kind of flings it and, unlike Number 8, will never be a **Michael Jordan*** – ...хотя мальчик вроде бросает его, но в отличие от номера 8, никогда не станет Майклом Джорданом.

Целью второго задания являлось установление степени зависимости понимания испытуемыми студентами смыслов, передаваемых прецедентными феноменами (именами) и символами в контексте, от знания/незнания самих прецедентных феноменов (имен) и символов. Соответственно, респондентам предлагалось ответить на вопрос о том, кем являлись или являются личности, имена которых были приведены в примерах первого задания. В результате мы выявили 4 группы ответов, свидетельствующих о знании/незнании, включенных в тест прецедентных феноменов (имен) и символов. Так, к ответам, иллюстрирующим знание или хотя бы некоторое представление о прецедентном феномене (имени) или символе, относятся правильный и частично правильный ответы. Ответами, свидетельствующими о незнании тестируемыми студентами прецедентного феномена (имени) или символа, являются неправильный ответ и отсутствие ответа.

Под частично правильным ответом нами понимается регистрация у испытуемых ассоциаций, которые закреплены за соответствующим прецедентным феноменом (именем), символом или не совсем точная формулировка вида деятельности личности, имя которой символизировано или носит прецедентный характер.

Например, Авраам Линкольн определялся как политик, но при этом не указывалось, политиком и президентом какой страны он являлся. Джон Уэйн был назван королем вестернов, что, в сущности, не противоречит объективной действительности. Данный ответ основан на ассоциации с фильмами, в которых он снимался. Один из респондентов ответил, что Хемингуэй – известный испанский писатель. С Мэрилин Монро были выявлены ответы и построенные на ассоциации (икона моды, икона красоты, символ красоты), и являющиеся не совсем точными (модель, певица). В случае с Уильямом Шекспиром был выявлен один неточный ответ, когда он был назван прозаиком. Испытуемый точно знает область деятельности известной личности, но, возможно, не знает разницу между словами *novelist*, *playwright*, *writer*, *dramatist*. Чарльз Диккенс некоторыми респондентами был определен как

американский писатель. В случае с Гитлером были выявлены ответы, основанные на ассоциациях с его именем: тиран, диктатор, жестокий политик, фашист. Также были обнаружены ответы с неточными формулировками: политик, немецкий политик. Аналогичные две группы ответов были даны испытуемыми в случае со Сталиным: диктатор, тиран, политик, из Советского Союза, русский правитель, грузинский революционер. В случае с Сократом были установлены следующие неточности: философ и основоположник философии, писатель и философ, ученый. Фрейд некоторыми респондентами определялся как философ и психолог, философ, немецкий ученый, ученый. В случае с Аль Пачино неточность в ответах была следующая: итальянский актер, актер и певец. При ответе на вопрос об Энштейне был выявлен ответ гений, основанный на ассоциациях с его именем. Неточности в формулировке его рода занятий являются: профессор, ученый, математик и физик. В случае с Годзиллой его определение как персонаж фильма является не совсем точным, так как в данном ответе не поясняется, что это монстр-мутант, что делает этот ответ приблизительным. Отдельные тестируемые студенты приписали Достоевскому написание поэм. Фрэнк Синатра, по мнению некоторых испытуемых, является оперным певцом, музыкантом. Случай с Муссолини идентичен определению того, кто такие Гитлер и Сталин: диктатор (ответ основан на ассоциации) и политик, без указания страны и должности. Интересно, что незначительное количество респондентов считает, что Кэри Грант – это актриса. В случае с Майклом Джордоном некоторые испытуемые студенты знают, что он спортсмен, но не указывают или не правильно называют вид спорта, которым он занимался.

Что касается неправильных ответов, то мы считаем целесообразным остановиться на самых интересных случаях. Так, Авраам Линкольн некоторым представляется певцом, актером. Джон Уэйн – либо бэтмэн, либо его отец. Но этот ответ имеет логическое объяснение. Имя одного из самых популярных и известных героев комиксов Бэтмена – Брюс Уэйн. Соответственно, становится совершенно очевидным, что для некоторых респондентов данная фамилия не ассоциируется с именем актера, а с именем популярного на сегодняшний день героя комиксов. Имя Мэрилин один из испытуемых принял за название штата в США. Имя Аль Пачино для некоторых созвучно с именем итальянского мафиози, гангстера, хотя, в этом случае, возможно, ответ построен на ассоциации имени актера с ролью крестного отца в одноименном фильме. Годзилла – это актер, по мнению одного из испытуемых. Несколько респондентов посчитали, что Фрэнк Синатра – политик. Майкла Джордана приняли за актера, певца, танцора.

Таким образом, символы в американском языковом сообществе, обнаруженные в литературе периода 2 (Гитлер, Сталин, Хемингуэй, Монро), знакомы нашим студентам. Самым известным является имя Хемингуэя. Наименее узнаваемым является образ Мэрилин Монро.

Символы в американском языковом сообществе, выявленные в литературе периода 1 (Ширли Темпл, Джон Уэйн, Кларк Гейбл), малоизвестны студентам МГЛУ. Немного больше половины респондентов знают или примерно знают кто такой Фрэнк Синатра, Муссолини, Эйнштейн и Годзилла. Испытуемые студенты прекрасно осведомлены кто такой Достоевский, что определяется значимостью этого имени для русскоговорящего человека.

К именам, ранее широко известным в американском языковом сообществе, относятся: Кэри Грант, Аль Пачино, Чарльз Диккенс, Сократ, Майкл Джордан. Испытуемые продемонстрировали незнание имени Кэри Грант. Не смотря на то, что имена Аль Пачино, Чарльза Диккенса в современной американской художественной литературе не являются частотными, они узнаваемы большим количеством наших студентов.

В современной американской художественной литературе писатели, как и в литературе периода 1, используют имена Шекспира, Фрейда, Авраама Линкольна при создании образов. Если имя Шекспира узнаваемо почти всеми испытуемыми студентами, то имена Фрейда и Авраама Линкольна известны только чуть больше чем половине респондентов.

Таким образом, к сожалению, мы вынуждены констатировать, что прецедентные феномены и символы в американской культуре слабо усвоены студентами МГЛУ, от которых требуется высокий уровень знаний.

Более того, нами было диагностировано и неумение интерпретировать. Узнавание прецедентного феномена (имени), символа и даже представление образа соответствующей личности часто не является гарантом понимания оценочных смыслов и образов, создаваемых автором художественного произведения, так как правильное понимание художественного текста с использованием прецедентного феномена (имени), символа не находится в прямой зависимости от знания личности, имя которой прецедентно или символизировано.

О. Ф. Курилович

К ВОПРОСУ ОБ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЯХ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Явление иноязычных вкраплений все чаще отмечается в речи современных носителей русского языка, в подавляющем большинстве это англицизмы. Они выступают в роли дублетной ксенолексики. Такое использование языка рассматривается как способ демонстрации престижности.

На современном этапе есть ряд русскоязычных сообществ, уровень англоязычных вкраплений в которых является крайне ощутимым. Речь представителей этих сообществ наполнена огромным количеством англицизмов, которые, даже имея прямые аналоги или эквиваленты в русском языке, всё равно не переводятся, а лишь видоизменяются путём транслитерации или калькирования. В качестве примера я хотела бы рассмотреть русскоязычное сообщество по киберспортивной дисциплине StarCraft 2.

Изначально данное сообщество стало развиваться в конце 1990-х и начале 2000-х, когда киберспортивная дисциплина StarCraft: Brood War возымела популярность не только в Европе и Азии, но и СНГ. Так как официальной русскоязычной версии игры на тот момент не существовало, то на глобальных европейских и мировых турнирах использовалась англоязычная версия. Что и стало основной причиной того, что данная дисциплина для русскоязычного сообщества закрепились именно на английском языке. С выходом StarCraft 2: Wings of Liberty в 2010 году появлялся и её официальный перевод, однако игроки, перешедшие в новую игру, продолжали по привычке использовать английский язык. Также подавляющее большинство матчей по данной дисциплине проводятся именно на английском языке с использованием специальных англоязычных «клиентов» (версий) игры. Это приводит к тому, чтобы знать основные новости об игре, читать интервью разработчиков и киберспортсменов, требуется знание английского языка.

К примеру, значительное количество русскоязычных YouTube-каналов, посвящённых этой игре, интенсивно используют транслитерированные термины StarCraft 2. После детального изучения видеороликов с уверенностью можно сказать, что основным приемом является транслитерация, авторы достаточно умело адаптируют англицизмы таким образом, чтобы они гармонично звучали на русском языке. В качестве примеров я приведу варианты перевода различных явлений StarCraft 2 из официального русского перевода, вариант транслитерации и английский оригинал:

Оригинал	Транслитерация	Официальный перевод
Roach	Роуч	Таракан
Marine	Марик	Морпех
Carrier	Кэриер	Авианосец
Immortal	Иммортал	Бессмертный
Probe	Пробка	Зонд
Infestor	Инфестор	Заразитель
Void Ray	Войд Рэй	Излучатель пустоты
BattleCruiser	Батл	Крейсер
Reaper	Рипер	Жнец
Ghost	Гост	Призрак

Данная тенденция, когда в приоритете именно видоизменение английского наименования, свойственна почти для всего контента, представленного в данной игре. Однако не стоит думать, что это свойственно только для данной киберспортивной дисциплины. Такие направления как DotA2, LoL, W40K: DOW Soulstorm и многие другие, пользующиеся спросом на мировой арене, также предпочитают транслитерацию английских наименований русскому переводу. При этом даже такие дисциплины как WarCraft 3, которые изначально имели для русскоязычной аудитории официальный перевод и позиционировались не только как киберспортивная дисциплина, но и как игра для одного игрока (single-player games), также «обросли» англицизмами.

Некоторые игроки могут употреблять их даже при использовании русской версии продукта, что может выглядеть непривычно, когда объект на экране наименован как «Пехотинец», а игрок называет его «Футмэн» (от англ. Footman). Как результат транслитерация английских слов занимает место их русских аналогов, зачастую выходя даже за пределы объектов игры.

Английский язык проникает во все сферы деятельности общества. В социолингвистических исследованиях отмечается не только большой поток заимствований, но и транслитерация русских слов латиницей в качестве языковой игры, частичное иноязычное вкрапление и полное замещение русского языка английским в определенных контекстах. Наряду с лексическими заимствованиями в русский язык приходят и синтаксические изменения, что говорит как раз о неспособности языка ассимилировать все поступающие элементы. С новыми элементами языка адаптируются и определенные культурные ценности, как благотворные для принимающего общества, так и разрушительные.

М. М. Лойша

ХАРАКТЕРИСТИКИ НАРРАТИВА В НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ

Начало изучения нарратива, как формы организации текста, было положено литературоведами. На современном этапе развития лингвистических исследований нарратив стал предметом изучения различных гуманитарных наук. Это обусловлено как сущностью нарратива, а именно тем фактом, что он является вербальным оформлением устойчивых повествовательных сюжетов, так и его свойством оказывать воздействие на аудиторию посредством сюжетно-повествовательных высказываний. Таким образом, понятие нарратива и особенности его функционирования стали изучаться в рамках массмедийного, политического, педагогического и других видов дискурса.

Манипулятивный потенциал нарратива широко используется в современном массмедийном дискурсе, что привело к необходимости его более детального изучения, особенно в жанре новостных статей. Существующий стереотип о нейтральности информации, предоставляемой журналистами в новостных статьях, не проходит проверку на правдивость и достоверность. Несмотря на то, что за нарративом закреплена функция изложения информации путем организации фактов, отражающих логику человеческого мышления, описания и передачи знаний или опыта, изучение характеристик процесса наррации в дискурсе СМИ позволяет выделить ряд факторов и предпосылок для нарративных манипуляций.

Особый интерес представляет аксиологический фактор, который влияет на организацию нарративного дискурса, определяя наиболее ценные и значимые фрагменты действительности с точки зрения нарратора и фиксируя их в нарративном высказывании. Изучая специфику организации информационной газетной статьи, Л. Р. Дускаева отмечала, что, удовлетворяя запросы

аудитории, журналисты сообщают новости о событиях и происшествиях, осуществляя коррекцию процесса осведомления читателя. И хотя жанрообразующие характеристики предписывают журналисту ответить на вопросы о самом событии, его причинах и действующих лицах, манипулятивный потенциал реализуется на этапе отбора фактов, последовательности их изложения, акцентуации наиболее важных моментов содержания. Нарушение линейной структуры изложения позволяет ретранслировать ценностные установки, создавая видимость представления чистых фактов.

Такая особенность нарративной формы организации информации апеллирует к ценностной стороне коммуникации и является основой психологических нарративных манипуляций, так как является скрытым механизмом субъективизации объективной реальности, способом выражения мировоззренческих установок с целью оказать воздействие на аудиторию.

Н. А. Масленченко

ЭМОТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА

В современной лингвистике общепринятым является положение о том, что язык используется не только для отображения процессов и явлений актуальной действительности, но и для репрезентации внутреннего мира человека, неотъемлемой частью которого являются эмоции, чувства и другие психические состояния. На протяжении долгого времени, однако, способы языковой репрезентации эмоций рассматривались в связи с изучением общетеоретических проблем функциональной стороны языка. Поэтому мы считаем важным определить место эмотивной функции языка в ряду других языковых функций.

Количество функций языка варьируется в работах различных ученых. Язык является средством общения (т. е. выполняет коммуникативную функцию, разновидностью которой можно считать фатическую, или контакто-устанавливающую, функцию), познания (когнитивная, гносеологическая, познавательная функция) и воздействия (регулятивная функция). Язык также используется как средство самовыражения (экспрессивная или эмотивная функция). Использование языка для выражения эмоционального состояния человека рассматривается как одна из основных функций языка в лингвистических концепциях различных ученых (Ш. Балли, Р. О. Якобсон, К. Бюлер, и др.)

Роль эмотивной функции трактуется по-разному в каждой конкретной концепции. В трехчленной системе К. Бюлера (представление, выражение и обращение) эмотивная функция определяется как функция выражения (*Ausdruck*), относящаяся к адресанту, чувства которого выражает языковой знак, проявляющий себя в данном случае как симптом. Эмотивная функция противопоставляется функциям обращения (*Appel*) и сообщения (*Darstellung*), направленным соответственно на слушателя (знак-сигнал) и на предметы

и явления действительности (знак-символ). При этом функция выражения проявляется в спонтанных высказываниях, отражающих чувства говорящего.

Р. Jakobson расширяет модель К. Бюлера до шести языковых функций, добавляя поэтическую (в которой внимание сосредоточено на сообщении ради него самого), фактическую (поддержание коммуникации), метаязыковую (функция толкования) функции. Эмотивная функция, по мнению этого ученого, связана со «стремлением произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных» (Р. Jakobson).

Особая значимость эмотивной функции также подчеркивается в работах Ш. Балли, выделяющего ее наряду с функцией выражения мыслей и социальной (коммуникативной) функцией языка.

В отечественном языкознании вопрос о количестве функций языка и их взаимодействии также остается дискуссионным. Некоторые ученые трактуют эмотивную функцию как базовую, фундаментальную функцию языка, наряду с когнитивной и коммуникативной (И. Г. Торсуева, Н. А. Слюсарева). Другая точка зрения представлена лингвистами, которые считают, что эмотивная функция присуща не языку в целом, а только отдельным речевым актам, в которых она проявляется окказионально, факультативно (А. Н. Леонтьев, В. А. Аврорин). Однако, как указывает Н. И. Формановская, невозможно разделять функции языка и функции коммуникативных единиц непреходимой стеной.

Н. Б. Мечковская полагает, что если в высказывании прямо выражено субъективно-психологическое отношение человека к тому, о чем он говорит, то реализуется эмоциональная, или экспрессивная функция речи. К основным средствами выражения эмоций в речи Н. Б. Мечковская относит интонацию, междометия и (в значительно меньшей мере) слова с эмоционально-экспрессивной коннотацией. По нашему мнению, такая точка зрения на сущность эмотивной функции и средств ее языковой актуализации едва ли может считаться приемлемой, так как, в речи эмоции могут выражаться не только непосредственно, но и имплицироваться, или выражаться в сложной индизамплитной форме, что часто имеет место в художественной речи (О. Е. Филимонова). Мы полагаем, что функциональная нагрузка эмотивности не может ограничиваться только экспрессивным компонентом отображения эмоций, а должна включать в себя разнообразные способы отображения эмоций (выражение и описания) в языке при помощи широкого спектра языковых средств, включающих особые синтаксические конструкции, стилистические приемы, графические средства и дискурсивные способы реализации изучаемой категории. В нашем представлении, эмотивная функция языка служит для комплексной передачи информации об эмоциональном состоянии субъекта (т. е. выражение и отображения эмоций), в то время как экспрессивная функция направлена на целенаправленное усилие высказывания экспрессивными, эмотивными или другими средствами и предполагает определённую

реакцию адресата, т. е. желаемое воздействие. Разграничение эмотивной и экспрессивной функций слова является необходимым для дифференциации эмотивов и экспрессивов в словарных корпусах всех языков.

Как показывают результаты исследований отечественных и зарубежных ученых, эмотивные средства языка обладают системным характером и присутствуют на всех уровнях языковой системы: морфологическом, лексическом, синтаксическом, фонетико-графическом. Учитывая универсальный характер эмоций и способность языка отображать явления объективной действительности и внутреннего мира человека, особый интерес представляет рассмотрение способов реализации эмотивной функции в различных типах дискурса и взаимодействие разноуровневых языковых средств для в эмотивных текстах.

Это представляется возможным сделать только посредством дискурса-анализа, который представляет собой совокупность аналитических методов интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности людей, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях.

А. Б. Окаева

«ЯЗЫК ВРАЖДЫ» КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (на материале англоязычных СМИ)

При изучении особенностей использования понятия «язык вражды» в русскоязычных средствах массовой информации иногда возникает впечатление, что полноценное описание и изучение данного явления началось не слишком давно. Однако небольшой исторический экскурс позволяет сделать вывод о том, что «язык вражды» или hate speech присутствует в жизни общества на протяжении длительного периода. Примеры «языка вражды» в англоязычной прессе можно найти и в текстах, опубликованных ещё в 19-м веке.

Как и многие социальные и политические явления, данное понятие не имеет единого определения, разделяемого всеми институтами и исследователями. В самом широком смысле данный термин трактуется как набор характеристик, подразумевающих отрицательную оценку представителей некоторой социальной группы, объединенной по признаку пола, расы, языка, этнического происхождения, религиозной принадлежности или любых иных объединяющих факторов или особенностей.

Как правило «язык вражды» проявляется в таких словах и высказываниях, значение которых включает негативную характеристику объекта, а с другой стороны, данное описание предьявляется, как что-то само собой разумеющееся. Примером могут послужить, обозначения и понятия, которые изначально включают в себя отрицательные коннотации или приобрели их в ходе своей эволюции.

Например, английское *nigger* всегда использовалось для выражения неуважения и презрительного отношения к представителям темнокожего населения. Изначально лексема *negro* не обладала такой негативной окраской, но она приобрела данную коннотацию по мере развития. Как известно, уже в XX веке политкорректным вариантом замены этой лексической единицы стало использование слова *black* ‘черный’ в качестве нейтрального указания на темнокожих американцев. В начале XXI века и эта лексема не воспринималась как политкорректная и её постепенно вытеснила лексическая единица *African American*, а также такие её модификации как *Afro-American* и *Black American*. В свою очередь, в русской политкорректной версии существуют две лексические единицы – ‘афроамериканец’ для обозначения темнокожих жителей США, и ‘афроевропеец’, если речь идет о жителях Европы.

По мнению И. Н. Дзялошинского, одним из наиболее точных переводов такого понятия как *hate speech* является термин ‘речевая агрессия’. Речевая агрессия – это специфическая форма речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего. Как правило, в общих чертах, исследователи выделяют два подвида речевой агрессии. В первом случае речь идет о явных призывах адресата к агрессивным действиям к определённым лицам. Второй же вариант направлен на формирование или поддержание у адресата негативного и агрессивного состояния по отношению к определённой группе лиц. [Дзялошинский].

По мнению Т. А. Воронцовой, «при узком понимании агрессия в речи рассматривается как речевой акт, замещающий агрессивное физическое действие: оскорбление, насмешка, угроза. При широком понимании под словосочетанием “речевая агрессия” подразумеваются все виды доминирующего речевого поведения» [Воронцова].

Помимо этого Т. А. Воронцова обращает внимание на тот факт, что в настоящее время явление речевой агрессии рассматривается в основном, с позиций психологии. В своём диссертационном исследовании учёный указывает, что хотя рассмотрение явления речевой агрессии не может проходить отдельно от психологии, но «речевая агрессия – это, прежде всего, коммуникативное явление, т. е. объект изучения лингвистики». Также акцент делается на том, что невозможно рассматривать речевую агрессию в отрыве от контекста. При изучении этого явления необходимо принимать во внимание функциональный аспект высказываний.

Необходимо помнить, что важнейшим фактором, определяющим сущность «языка вражды», является то, что он основан на таких явлениях, как социальные стереотипы, предубеждения и дискриминация, и является частью более широкого и сложного феномена, который обозначается в современной научной литературе как особый род коммуникации, в основе которого лежат предубеждения и дискриминационные практики. Очевидно, что это вид коммуникации, базирующийся на стереотипных когнитивных схемах, негативных установках (или предубеждениях) и дискриминационных интенциях по

отношению к каким-либо группам людей или отдельным индивидуумам как членам этих групп. В качестве стереотипа рассматривается основанная на категоризации схема, в основе которой присутствует конфронтация двух групп с противоположными взглядами. Конфронтация базируется на социальных стереотипах, которые чаще всего непосредственно связаны с особенностями социального и политического устройства отдельной страны или целого региона.

Существует мнение, в современном обществе могут иметь место как отрицательные, так и положительные социальные стереотипы. К сожалению, данные различных исследований социальных процессов указывают на преобладание отрицательных социальных парадигм.

Предубеждение – это негативная установка к какой-либо группе. Наконец, дискриминация – это несправедливое отношение к людям по причине того, что они являются членами какой-то группы. Дискриминация часто позиционируется как поведенческая сторона предубеждений.

Как показывает мировой опыт, лучшее средство противодействия явлениям маргинализации, негативной стереотипизации и демонизации – включение миноритарных социальных групп в активные процессы социальной жизни, в том числе и в современное медиа пространство. Современные зарубежные медиакорпорации, особенно в США и Великобритании, достаточно успешно развивают этот подход. В частности, об этом свидетельствует присутствие на всемирно известных телеканалах ведущих и журналистов, являющихся представителями разнообразных этнических групп, а также появление на экранах ведущих разного возраста, приглашение в программы ученых и экспертов, имеющих определенные проблемы со здоровьем. Можно утверждать, что наблюдается отход в англоязычных странах от единых, «образцовых» норм языка на телевидении и радио, а наличие акцента у ведущих новостей на радио и телевидении не воспринимается сегодня как недостаток.

Современный уровень развития информационных технологий обеспечил доступ к медиа широкому кругу лиц, социальных групп и сообществ. Подобные объединения, которые далеко не всегда могли получить возможность выразить свою точку зрения в традиционных СМИ, получили шанс создавать свои собственные медиа (социальные сети, сайты, каналы цифрового телевидения). Нельзя сказать, что наличие доступа различных групп населения к цифровым технологиям снимает проблему маргинализации и демонизации любых сообществ, однако интерактивность цифровых медиа, обеспечивает возможность любому человеку, в том числе и тому, кто принадлежит к миноритарным группам, стать участником главных информационных потоков.

Как известно, часто комментарии к публикациям в интернет-изданиях вызывают столь мощный общественный резонанс, что исходный материал может и утратить свою значимость. Является ли такой формат взаимодействия адресанта и адресата защитой от «языка вражды»? К сожалению, нет.

Позволяет ли современное законодательство многих развитых странах защитить наиболее уязвимые группы от «речевой агрессии». В определённой степени позволяет, хотя о полной защите речь вести невозможно. В традиционных СМИ давно и достаточно успешно функционируют специальные защитные механизмы: этические нормы и строгие требования к передаче сообщений, а также цензурные ограничения, закреплённые в законодательстве. Защитить же определённую группу лиц или отдельного человека в цифровых медиа часто просто не представляется возможным. Но это совершенно не означает, что цивилизованное общество не способно противостоять распространению «языка вражды» в современных СМИ.

К. Е. Позняк

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОЙ РАЗМИНКИ В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ЯЗЫК СМИ»

Учебная дисциплина «Язык средств массовой информации» направлена на формирование и развитие профессиональной компетенции будущих студентов, способных использовать информационные и языковые ресурсы СМИ в их жанровом многообразии для осуществления межкультурной коммуникации и профессиональной деятельности в образовательной, научной и социальной сферах.

Одним из важнейших этапов любого занятия на иностранном языке является речевая разминка, или Warm-Up, направленная на комфортное введение студентов в англоязычную атмосферу, а также создание позитивного настроения для выполнения более сложных заданий. Отмечается, что эффективная речевая разминка должна занимать не более 5–10 минут, иметь чёткую инструкцию (форма работы, время на выполнение задания, способ контроля) и основываться на уже изученном материале. Для того, чтобы подготовить учащихся к рассмотрению вопросов в рамках нашей дисциплины и их контакту с англоязычными материалами по изучаемым проблемам, мы используем ряд разминок:

1. Вопросы, связанные с учебной дисциплиной. К примеру, перед обсуждением газетной статьи:

- *Do you think it is important to stay up to date with current affairs?*
- *In your opinion, which are the best and the worst newspapers?*
- *How do you get your news?*
- *What would you like to see more/less of in the news?*
- *What is the biggest story in the news at the moment? etc.*

Студентам предлагается обсудить один из этих вопросов и быть готовым сообщить о результатах беседы. Необходимо рассказать о себе и выслушать собеседника за 2–3 минуты. После обсуждения мы спрашиваем двух-трех студентов об итоге их дискуссии.

2. Мини-дебаты, основанные на трансформированном вопросе или 2-х пропозициях. Так, уже указанный выше вопрос может основой для дебатов:

It's important for me to stay up to date with current affairs vs. It isn't important for me to stay up to date with current affairs.

Также можно использовать:

- *There will still be newspapers in 5 years vs. Newspapers will disappear in 5 years.*

- *There should be advertisements in newspapers vs. There shouldn't be advertisements in newspapers.*

Студенты распределяются по командам и готовят аргументы в защиту своей позиции в течение 3-х минут, а затем используют их в споре.

Данная речевая разминка займёт около 10 минут, однако она сразу же погрузит студентов в атмосферу англоязычного общения по актуальному вопросу в рамках учебной дисциплины, при этом не требуя особой подготовки.

3. Помимо указанных разминок, в особенности перед проведением тестовых заданий и других форм контроля лексических навыков, нами применяется несколько вариантов повтора изученной лексики, таких как:

- «Быстро вспомнить всё». Инструкция звучит следующим образом: *You're going to work in pairs. You have 1 min to name as many words related to war (our target vocabulary) as possible. One of you names them, the other counts. Switch roles. The results in each pair will be fixed on the board to define the winner. You have 2 min to get prepared.*

- «Объясни и догадайся». Инструкция к заданию: *Work in pairs with partners you don't usually do – find a partner. Take your seats. Choose 5 notions from your target vocabulary and provide their definitions for your partner to guess the very word/phrase. Remember: you should cope to give definitions and receive the words in 1 min. Switch roles. How well did you cope with the task?*

Данную разминку можно проводить в нескольких вариациях: 1) *Choose a word from our target vocabulary and explain it for us to guess (don't repeat each other – choose different ones); 2) I give you a short definition – you tell me the word or the phrase; 3) I ask a notion and choose a person to answer, the student explains.*

- «Виселица», классическая игра на занятиях по английскому языку, может быть ориентирована на повторение лексического материала по конкретной теме: один студент (либо преподаватель) выбирает слово из изученной лексики и рисует на доске количество букв, используя клетки или нижнее подчеркивание. Остальные студенты предлагают буквы, и если буква присутствует в слове, то ее записывают. Если же нет, тогда на доске рисуется часть виселицы и повешенного (количество попыток угадать букву должно быть оговорено заранее). Участники выигрывают в случае, если успевают угадать слово до завершения рисунка. Для усиления желания спасти человека рекомендуем дать ему имя перед началом игры.

4. В случае проведения занятия в то время, когда студенты еще не успели как следует проснуться или уже устали, мы рекомендуем использовать разминки, предполагающие движение. Например, «Показания свидетелей». Студентам сообщается, что свидетели немые, но готовы описать внешность и действия преступника при помощи действий. Выбирается следователь, он покидает аудиторию на 1–2 минуты. В это время остальные студенты, являющиеся свидетелями, решают, кто из них преступник и что он совершил. Когда следователь возвращается в аудиторию, немые свидетели стараются показать, как выглядит преступник и как именно он нарушил закон. Данная разминка ориентирована на повторение названий преступлений.

5. Следует добавить, что для придания занятию нужного ритма и психологического фона эффективно так же использование креативных заданий. Приведем пример: используя уже указанный вопрос *What would you like to see more of in the news?* И продолжая заданием: *What headline do you wish to see one day? Working in pairs, you have 3 minutes to create your dream headline. Don't forget to use space-saving techniques!*

По окончании работы важно спросить несколько студентов и вывести их заголовки на доску, чтобы остальные могли их прокомментировать и, при возможности, улучшить.

В заключение можем добавить, что указанные варианты разминки могут быть трансформированы для работы по любой теме и в любом формате при соблюдении критериев ее эффективности.

Т. Н. Руденко

ЛЕКСЕМА КАК ИНСТРУМЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Распознавание личности по ее речевым характеристикам, как известно, относится к одному из интереснейших аспектов прагматического направления в анализе речевого поведения за пределами оценочного, эмоционального или дезиративного отношения к языку. Проблема идентичности относится к сфере общественного сознания, архетипное видение картины мира в сознании лингвокультурной личности традиционно отражается в такой культурной константе, как семиотическая оппозиция «свои/чужие», а феномен идентификации уже давно является одним из важных предметов науки о языке, и реализуется в лингвоперсонологии, или, другими словами, идентификации языковой личности.

Ю. Н. Караулов моделирует языковую личность как образование, характеризующееся наличием трёх уровней владения языком – вербально-семантического, когнитивного и прагматического, а реализацию в речи языковой личности человека именует речевым портретом, то есть представле-

нием в речи «многокомпонентного и многослойного набора языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности.

М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова придерживаются сходного мнения, разрабатывая функциональную модель языковой личности, в качестве параметров, по которым производится анализ этой модели, выделяют лексикон, тезаурус, и прагматикон.

Г. И. Богин моделирует языковую личность как набор познавательных, творческих способностей и характеристик субъекта, обуславливающих создание и восприятие субъектом текстов различной степени структурно-языковой сложности, глубину и точность отражения действительности, конкретную цель, подчеркивая, что языковую личность можно исследовать только во взаимодействии с социальной средой.

Исследование языковой личности с точки зрения культурного потенциала и культурного содержания позволяет констатировать существование культурно-языковой или лингвокультурной личности, отличающейся осознанием культурных ценностей общества и способностью применять это осознание на практике.

В. А. Маслова, характеризуя лингвокультурную личность, отмечает, что базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры личности, закреплён в языке преимущественно в лексике и синтаксисе, что коррелирует с представлением о языковых маркерах национально-культурного сознания, как вербальных репрезентантах образов такого сознания.

Особый интерес вызывает реализация языковых маркеров, выраженных единицами, представляющими категорию времени, пространства и меры; языковыми единицами, описывающими реалии; языковыми единицами, соотносимыми с устойчивыми выражениями; языковыми единицами, соотносимыми с прецедентными феноменами. Перечисленные разновидности языковых маркеров представляется логичным рассматривать как лингвокультурные маркеры, или лексемы, пригодные для использования в качестве инструмента лингвистической идентификации лингвокультурной личности, при этом узнаваемости последней в устной речи способствует фонетический компонент, дополняющий ассоциативно-образный ряд, а графическая актуализация является вариантом реализации вербально-семантического уровня лингвокультурной личности.

В. В. Хомич

АССОЦИАТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ И ТЕКСТ

В художественном произведении значение слова складывается из нескольких смыслов, одного главного и некоторых вторичных смыслов, возникающих в ассоциативных полях текста. Взаимодействие семантических

оттенков зачастую образует новое значение слова. Художественный текст всегда ассоциативен, эмоционален, многозначен и полон образов. Художественный текст строится на законах ассоциативно-образного мышления. Благодаря ассоциативному мышлению человек способен устанавливать связь между отдельными фактами и событиями, которые существуют в его сознании. Ассоциации представляют собой связь между психологическими явлениями, одно из которых влечёт за собой возникновение другого.

Известным фактом является то, что текст представляется результатом речемыслительной деятельности автора, он включает в себя идею, отражающего его замысел, или концепт, и содержит информацию, ориентированную на читателя. Нехудожественные тексты строятся на основе логического мышления. Художественные тексты создаются на основе ассоциативно-образного мышления. Художественный текст воздействует на эмоции и чувства в большей степени, чем на интеллект. Для читателя важно прочувствовать текст прежде чем вдумываться в его смысл. Ассоциативная природа художественного текста даёт читателю такую возможность.

Ассоциативное мышление автора помогает ему создавать новые образы, новые оригинальные идеи, стимулирует его творческое воображение. В ассоциативном мышлении автора, создающего текст, присутствуют хранящиеся в памяти образы предметов и явлений, различных фактов действительности, а также связанные с ними ассоциации. Опираясь на эти ассоциации, автор описывает главных героев, события, создаёт для читателей условия, при которых они сами оценивают авторский текст. Ассоциативные образы развивают воображение, и один и тот же текст может восприниматься по-разному, в зависимости от уровня развития ассоциативного мышления читателя. Не всегда читатель согласен с мнением автора, он может интерпретировать текст по-своему. Иногда автор даже не догадывается о том, что читатели видят в его тексте. Они могут найти и дополнительные смыслы, которые автор изначально не планировал описывать в своем тексте.

В диалоге между автором и читателем ассоциативное мышление является главным ключом к пониманию, созданию наглядных образов, при помощи ассоциаций читатель не только видит идею автора, но и формирует свое мнение о том, что описывается в тексте. Ассоциации, возникающие в сознании автора художественного текста, являются творческими, неожиданными для других, они сказываются на создании художественных образов, помогают слову реализовать его изобразительно-выразительную функцию.

Теория текстовых ассоциаций И. С. Болотновой доказывает важность роли ассоциативных связей слов в текстообразовании. Данная теория рассматривает ассоциативную структуру текста и ассоциативные поля слов. И. С. Болотнова пишет о том, что под воздействием лексической структуры художественного текста происходит ассоциативное развёртывание, под которым понимается возникновение и взаимодействие различных ассоциаций в сознании читателя.

Ассоциативное мышление активируется, и сознание читателя воспринимает текст не как слова и предложения, а как оформленные образы, оно как будто иллюстрирует описываемые в тексте события и явления.

Ассоциативное мышление помогает воссоздать в сознании окружающий мир. Любая, даже незначительная ассоциация провоцирует формирование мысли, задаёт направление, в котором человек начинает думать. Развитие ассоциативного мышления позволяет лучше понимать взаимосвязи между предметами и явлениями окружающей действительности. Ассоциативное мышление выступает связующим звеном между предметным и абстрактным типами мышления. При создании и восприятии художественного текста задействованы и абстрактное и предметное мышление, поскольку они значимы для формирования основного смысла текста, для передачи авторского замысла и творческих идей автора. Однако, ассоциативное мышление играет ведущую роль в творческой деятельности автора, в моделировании художественных текстов вокруг существующих в реальном мире образов и ситуаций. Ассоциативные цепочки, возникающие и при создании, и при восприятии текста в сознании автора и читателя являются продуктом деятельности ассоциативного мышления.

Таким образом, связь между ассоциативным мышлением, построением и восприятием текстов позволяет автору и читателю вести творческий диалог на уровне образов, возникающих в их сознании при работе с текстом.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИЛИСТИКА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

<i>Байдак О. Ч.</i> Мифологические и библейские аллюзии в поэме Ф. Гарсиа Лорки «Плач по Игнасио Санчесу Мехиасу»	3
<i>Баханович А. С.</i> Полифункциональность иронического высказывания в телевизионном дискурсе.....	6
<i>Будникова Е. И.</i> Стилистическая обработка текста при переводе фольклорных произведений	9
<i>Долженкова О. М.</i> Цикличность пространственно-временной структуры в рассказе Джамайки Кинкейд «Girl»	12
<i>Кастирович Г. А.</i> Оказиональное словообразование в немецкоязычной рекламе	14
<i>Куценко Н. В.</i> Отрицательная реакция на косвенные побуждения в немецком языке	17
<i>Орлова М. В.</i> Инверсия обстоятельства в политическом тексте (на материале немецкого языка)	20
<i>Рымкевич О. Е.</i> Полиmodalность текстов газетно-публицистического дискурса (на материале немецкого языка).....	23
<i>Салаўёва М. А.</i> Трансфармацыя канцэпту «жанчына» ў беларускамоўным мастацкім дыскурсе	25
<i>Труш Е. Н.</i> Национально – культурные компоненты в языке рекламы.....	28
<i>Шевцова В. А.</i> Лингвопрагматический анализ дискурса	30
<i>Шумская О. Н.</i> Речевые способы реализации тактики диалогизации в публицистическом эссе на испанском языке	33
<i>Якубёнок Л. М.</i> Модальные глаголы в юридическом и газетно-публицистическом дискурсах (на материале немецкого языка).....	35

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

<i>Булгакова М. П.</i> Компонентный анализ в контрастивных и сопоставительных исследованиях	39
<i>Глинка Е. В.</i> Квazисинонимия в современном белорусском медиадискурсе.....	40
<i>Жукова А. О.</i> О непространственных значениях английских предлогов близкого расположения.....	43
<i>Зубовский Е. Ю.</i> Оптимизация исследования семантики английских прилагательных компаративного типа.....	45
<i>Кашевская А., Лещёва Л. М.</i> Концептуальная интеграция в формировании фразеологического значения	47
<i>Котик Т. С.</i> Дейктики <i>hin</i> и <i>her</i> как словообразовательные суффиксы (на материале немецкого языка)	50

<i>Котов К. А.</i> Дескрипция внешности человека сквозь призму окружающего мира (на примере описаний глаз в современном русском языке)	51
<i>Латицкая И. А.</i> Семантика немецких заимствованных лексем в белорусском языке	54
<i>Лещева Л. М.</i> Именные фразеологические выражения с сочинительными союзами в английском языке	56
<i>Михасенко Ф. Т.</i> Проблема замены англицизмов в итальянском языке исконной лексикой	59
<i>Петракова Ю. И.</i> Двойственность экзоцентрических композитов: семантический аспект	63
<i>Цеханович И. Г.</i> Семантика наименований лиц по данным краудсорсинговых и традиционных словарей	65
<i>Шуманская А., Лещёва Л. М.</i> Английские существительные <i>man</i> ‘мужчина’ и <i>woman</i> ‘женщина’ в системе языка и ментальном лексиконе	68

БЕЛАРУСКАЯ МОВА І ЛІТАРАТУРА

<i>Барысенка В. У.</i> Фарміраванне навыкаў аўдыявання на сярэднім этапе навучання БМЗ	71
<i>Бурдзялёва І. А.</i> Канфлікт камунікацый у беларускай літаратуры XIX стагоддзя	73
<i>Воінава-Страх М. М.</i> Віды экзістэнцыйных мадэлей у малой прозе А. Брава і Д. Лесінг	76
<i>Гарановіч Т. І.</i> Беларускія сінтаксічныя фразеалагізмы мадэлі <i>не каб х</i> і іх адпаведнікі ў англійскай мове	79
<i>Забродская В. С.</i> Твор прынагоднай літаратуры другой паловы XVI – першай паловы XVII стст. як сродак захавання гістарычнай памяці	81
<i>Забродская В. С.</i> Шляхамі Якуба Коласа	82
<i>Казакевіч Т. Г.</i> Асаблівасці выкладання БМЗ кітайскім студэнтам на пачатковым узроўні	84
<i>Кныш Л. С.</i> Метад навучання як базісная катэгорыя метадыкі (пры выкладанні БМЗ)	86
<i>Паўлоўская Н. Ю.</i> Загалолак як семантыка-прагматычнае ядро навуковага дыскурсу	88
<i>Салавей А. А.</i> Семантыка-прагматычныя ўласцівасці маркераў праблематычнай верагоднасці	91
<i>Семянькевіч А. В.</i> Сінтагматыка злічальных множналікавых назоўнікаў	93
<i>Сігаева С. А.</i> Месца і роля беларускай літаратуры ў сістэме УВА лінгвістычнага профілю	95
<i>Тычына С. М.</i> Экспрэсіянізм у творчасці Янкі Купалы	98

ГІСТОРЫЯ І БЕЛАРУСАЗНАЎСТВА

<i>Грабянчук І. В.</i> Матэрыяльнае забеспячэнне дзейнасці Бабруйскага настаўніцкага інстытута (1949–1954)	101
<i>Новікаў С. Я.</i> Маштабы злачынстваў нацысцкіх захопнікаў у дачыненні да грамадзянскага насельніцтва магілёўскай вобласці ў 1941–1944 гг. (па дакументальных матэрыялах НАРБ)	104
<i>Цымбал А. Г.</i> Месцы памяці: сучасныя падыходы да інтэрпрэтацыі	107

Круглый стол

«ЧЕЛОВЕК И ЯЗЫКИ»

<i>Акуленко Е. А., Леонтьева В. В.</i> Как стать гуру, не будучи индусом: о семантической адаптации индуизмов в современном русском языке	111
<i>Ксендзова Е. В.</i> Социально обусловленные коннотации (на материале русского языка)	113
<i>Родионов Г. А.</i> Telegram-канал “Glebsanych_Blog” как инструмент взаимодействия преподавателя со студентами	116

Круглый стол

«РУССКИЙ ЯЗЫК: ТЕОРИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ»

<i>Армоник Л. Б.</i> Языковые аспекты в преподавании РКИ на начальном этапе	119
<i>Верниковская А. В., Су Цян.</i> Особенности перевода изобразительно-выразительных средств поэзии Ли Бая	122
<i>Гвоздович Г. А., Ёллыева Юфар.</i> О концептуализации понятия дружба	125
<i>Дерунова А. А.</i> Устойчивые выражения о способах наказания в статуте ВКЛ 1588 г. и его московском переводе-редакции	128
<i>Жизневская О. Н., Пташиц А.</i> Семантические особенности эвфемизмов с компонентом <i>цвет</i> в русском и английском языках	130
<i>Крапивная С. А., Козловская Л. А.</i> Лексика с этнокультурологическим компонентом в аспекте РКИ	133
<i>Нарчук А. С.</i> Работа с текстом на уровне А2	135
<i>Новикова А. И.</i> Работа над синонимичными префиксальными глаголами группы «Думать»	136
<i>Подберезская Ю. А.</i> Произведения белорусских художников как источник информации о Беларуси для иностранных обучающихся	139
<i>Полетаева О. А., Нурбердиева Н.</i> Средства выражения оценки в текстах кинокритик	143

<i>Рогаль К. А.</i> Роль разминки на занятиях РКИ	146
<i>Сикорская Т. А.</i> Гипонимы и гиперонимы в системе обучения РКИ	148
<i>Снеговская Н. С.</i> Приемы активизации лексики на занятиях по РКИ.....	149
<i>Сокольник О. Г., Голуб Е. З.</i> Виды работы с текстом с опорой на иллюстрации	151
<i>Тихоненко Е. В.</i> Учебник как элемент лингводидактического дискурса преподавателя-русиста.....	153
<i>Федорович Н. Н.</i> Сравнительный анализ глаголов движения в русском и китайском языках	155

Круглый стол

«ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

<i>Бондарчук Л. Г., Куделич В.</i> Неографические приемы никнеймов	159
<i>Грачева Л. А., Гордиевич П.</i> Амбивалентный характер концепта «любовь» в английском и французском языках (на материале паремий).....	161
<i>Дудина А. М., Клецкая К.</i> Семантические и прагматические аспекты слогана в антитабачной кампании (на материале английского и французского языков).....	163
<i>Дудина А. М., Романова Е.</i> Лингвопрагматический аспект эвфемизмов в медиадискурсе французского и английского языков	165
<i>Козлова С. В.</i> Термин и общеупотребительная лексика.....	167
<i>Матюшевская И. В.</i> Прием языковой игры в названиях подкастов (на материале французского языка)	169
<i>Павловский В. А.</i> Роль вставных элементов в формировании структуры романа А. де Сент-Экзюпери «Цитадель»	172
<i>Токаревич Н. М.</i> Лексический аспект французских SMS сообщений	174
<i>Тупик Д. И.</i> К вопросу о семантических и дискурсивных особенностях слов-маркеров во французском языке.....	177
<i>Шабашева Л. А., Гончарова М.</i> Психологические и социо-этнокультурные основы концепта «лицемерие» в романе Стендаля “Le Rouge et le Noir”	179

Круглый стол

«СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСПАНИСТИКЕ»

<i>Будагова Е. В.</i> Лексические особенности испанских юридических текстов и их перевод на русский язык	182
<i>Пушкина О. А.</i> Особенности речевого поведения носителей испанской культуры	185
<i>Шмат И. Ф.</i> Испанский язык в экваториальной Гвинее	187

Круглый стол
«СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ»

<i>Волковинская Н. А.</i> Психолингвистическое значение лексемы «пончик» в современном английском языке	190
<i>Гилеп О.</i> Специфика категории времени и пространства (на материале романа В. Вулф «Комната Джейкоба»).....	192
<i>Зинина О. А.</i> Лексикографическое описание концепта «спорт» (на материале английских и русских словарей).....	194
<i>Комаристова И. И.</i> Уровень владения прецедентными феноменами и символами в американской культуре студентами МГЛУ	196
<i>Курилович О. Ф.</i> К вопросу об иноязычных вкраплениях в русскоязычных сообществах.....	201
<i>Лойша М. М.</i> Характеристики нарратива в новостном дискурсе.....	203
<i>Масленченко Н. А.</i> Эмотивная функция языка	204
<i>Окаева А. Б.</i> «Язык вражды» как социолингвистический феномен (на материале англоязычных СМИ)	206
<i>Позняк К. Е.</i> Специфика речевой разминки в преподавании дисциплины «Язык СМИ».....	209
<i>Руденко Т. Н.</i> Лексема как инструмент лингвистической идентификации	211
<i>Хомич В. В.</i> Ассоциативное мышление и текст	212

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА**

25–29 апреля 2022 года

В пяти частях

Часть четвертая

Ответственный за выпуск *О. И. Копач*

Редактор *Л. А. Кашитанова*

Компьютерная верстка *Н. В. Мельник, Н. А. Шауло*

Подписано в печать 29.12.2022. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография, цифровая печать. Усл. печ. л. 12,79. Уч.-изд. л. 14,13. Тираж 100 экз. Заказ 67.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.